

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

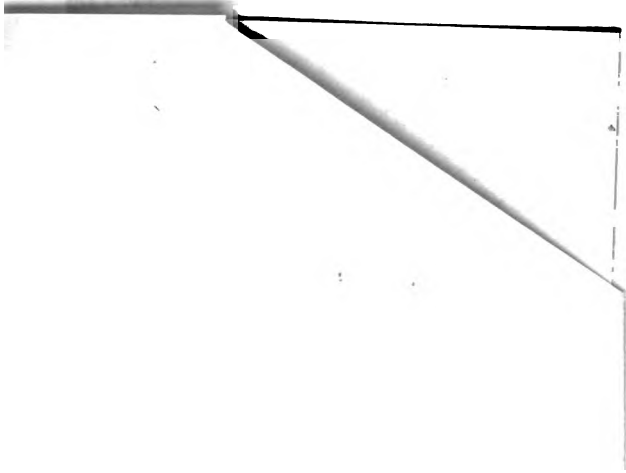
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

ЕВРОПЕЙСКІЕ ПИСАТЕЛИ И МЫСЛИТЕЛИ.

IV.

ВОЛЬТЕРЪ

И

ЕКАТЕРИНА II.

ИЗДАНИЕ

В. В. Чуйко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—
1882

БИБЛИОТЕКА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Въ настоящую минуту русское общество, болѣе чѣмъ когда-либо нуждается не только въ хорошихъ, изящныхъ и полныхъ изданіяхъ великихъ европейскихъ писателей, но также въ изданіяхъ дешевыхъ, доступныхъ большинству. Европейскія литературы давно уже пополнили этотъ пробѣлъ. Англичане гордятся своими изданіями въ одинъ пенни, въ Германіи существуетъ «Universal Bibliothek», во Франціи «Bibliothèque nationale», Польша имѣетъ подобное-же изданіе Вислицкаго. Предпринимаемая нами бібліотека должна пополнить этотъ пробѣлъ въ русской литературѣ. Въ составъ ея войдутъ, между прочимъ, произведенія слѣдующихъ писателей: Альфіери, Аристофанъ, Д'Аламберъ, Аретино, Беккариа, Боккачіо, Берне, Брентано, Боркь, Бланъ (Луи), Вольтеръ, Вольтэ, Верньо, Гольдонни, Гоббсъ, Гольбахъ (баронъ), Гизо, Гельвецій, Дидро, Декартъ, Дантъ, Демосоевъ, Демуленъ (Камилль), Иммерманъ, Кальдеронъ, Красинскій, Казотъ, Казапова, Курье (Поль-Луи), Кондорсэ, Корнель, Ламенэ, Муръ, Морусъ, Монтескье, Мирабо, Маккиавелл, Лессажъ, Лессингъ, Ла-Бюэти, Ла-Врюйеръ, де-Мэстръ (Ксавье и Жозефъ), Мабли, Мариво, Марлоу, Мицкевичъ, Пеллико, Плавтъ, Попе, Пиронъ, Петропій, Паскаль, Пассекъ (польскій писатель XVII столѣтія), Раблэ, Рюкинъ, Расинъ, Руссо (Жанъ-Жакъ), г-жа Роланъ, Ренанъ, Рихтеръ (Жанъ-Поль), Словацкій, Светоній, Скаронъ, Седэръ, Стернъ, Свифтъ, Сервантесъ, Сталь (г-жа), Тацитъ, Теннисонъ, Тассони, Тьеръ, Фесколо, Фоссъ, Флоберъ, Цице-

ЕВРОПЕЙСКІЕ ПИСАТЕЛИ И МЫСЛИТЕЛИ.

IV.

ВОЛЬТЕРЪ

И

ЕКАТЕРИНА II.

ИЗДАНИЕ

В. В. Чуйко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія газеты „Новости“, Мойка, д. № 90.

1882

6879-1082

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ издателя.

Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ.

Письма Вольтера: стр. 6, 9, 13, 16, 19, 21, 22, 27, 28, 30, 37,
41, 43, 46, 48, 51, 54, 59, 61, 65, 67, 72, 75,
77, 77, 80, 82, 86, 89, 91, 93, 95, 96, 100,
103, 108, 109, 118, 119, 122, 124, 128, 130,
133, 136, 141, 144, 146, 148, 152, 153, 154,
156, 159, 162, 163, 165, 170, 171, 173, 179,
183, 185, 187, 189, 192, 196, 197, 199, 200,
204, 205, 209, 211, 215, 217, 221, 224, 226,
228, 231, 234, 235, 236, 238, 241.

Письма Екатерины II: стр. 1, 3, 4, 8, 11, 14, 17, 20, 23, 26,
33, 36, 39, 40, 43, 45, 47, 50, 53, 56,
62, 63, 64, 69, 70, 73, 76, 79, 81, 84,
88, 90, 97, 101, 106, 111, 115, 117, 125,
126, 132, 135, 137, 142, 145, 149, 158,
161, 167, 175, 176, 182, 187, 191, 194,
202, 208, 213, 218, 220, 223, 225, 228,
232, 237, 239, 239, 241.

УМБА
1878
ВИА

Доволено цензурою, С.-Петербургу, 10-го мая, 1882 года.

7Q2084
C317
1882
MAIN

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Значительные разбѣры Переписки Вольтера съ императрицей Екатериной II не позволили намъ помѣстить въ настоящемъ выпускѣ критико-біографической статьи о Вольтерѣ. Въ замѣнъ этой статьи мы дадимъ въ одно изъ послѣдующихъ выпусковъ «жизнь Вольтера», написанную знаменитымъ Кондорсэ, напечатанную въ первый разъ въ 1787 году, т.-е. черезъ девять лѣтъ послѣ смерти Вольтера. Кондорсэ былъ другомъ Вольтера и его замѣчательная книга до сихъ поръ служитъ главнымъ источникомъ біографическихъ свѣдѣній о жизни Вольтера. Намъ казалось болѣе цѣлесообразнымъ дать вполне этотъ источникъ, чѣмъ составлять біографическую замѣтку, по необходимости, блѣдную и неполную.

На первый разъ мы рѣшили дать переписку Вольтера и Екатерины II не потому, чтобы эта переписка имѣла особенное литературное значеніе, а потому, что она составляетъ важный историческій матеріалъ, и потому еще, что до сихъ поръ, эта переписка, по крайней мѣрѣ вполне, не была напечатана по русски. Правда, существуетъ русское изданіе переписки конца прошлаго или начала нынѣшняго столѣтія, но не говоря уже о томъ, что это изданіе составляетъ библиографическую рѣдкость, оно, кромѣ того, слишкомъ не полно. Для перевода «Переписки» намъ служило популярное изданіе Гашета: *Oeuvres complètes de Voltaire, édition Hachette et Cie. 1876* года, въ сорока шести томахъ; это — самое полное изданіе. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ изданіи, очевидно недостаетъ многихъ писемъ Вольтера и Екатерины II, какъ это замѣ-

тить читатель при чтеніи. Очевидно, что много писемъ Вольтера и Екатерины остаются еще въ рукописи и вѣроятно хранятся въ архивахъ.

Въ скоромъ времени, мы надѣемся приступить къ печатанію важнѣйшихъ произведеній Вольтера. Въ одномъ выпускѣ мы дадимъ его «Сказки», въ другомъ—философскія статьи изъ *Dictionnaire philosophique*, въ третьемъ—отрывки изъ историческихъ сочиненій, въ четвертомъ—памфлеты и публицистическія статьи. Только тогда литературная фізіономія Вольтера сдѣлается понятною русскимъ читателямъ. Въ нашъ переводъ не войдетъ, однакожь его «Examen de la Bible», — такъ какъ это сочиненіе, пока, не можетъ появиться на русскомъ языкѣ.

«Сочиненія» Вольтера въ оригиналѣ были печатаны цѣликомъ или частями, много разъ. Изъ полного собранія сочиненій,—самое замѣчательное есть изданіе Келя (Kehl) 1784—89 г., въ 70 томахъ in. 8, съ примѣчаніями Кондорса, Декруа и Бомарше. Затѣмъ: изданіе Desobg—1817—19 г. въ 13 т., Лефебра и Детерваля—1817—20 г., въ 42 том., Лекіена—1822—26 г. въ 70 т., Дюпона—1825—27 г. въ 70 т., Далибона—1824 г., въ 75 т., Дидо—1827—29, 4 т.; наконецъ Бешо (Beuchet)—1829—34 года въ 70 т. Это послѣднее изданіе считается самымъ лучшимъ.

ПЕРЕПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II СЪ ВОЛЬТЕРОМЪ.

Екатерина Вольтеру.

Подъ стихами у портрета Петра Великаго, которые прислалъ мнѣ г. Вольтеръ черезъ г. Балка, я надписала: «Дай Богъ».

Получивъ письмо, адресованное къ этому гиганту, я совершила смертельнѣйшій грѣхъ. Я такъ жаждала прочесть его скорѣе, что позабыла изъ-за него цѣлую кучу просьбъ и отложила заботы и попеченія о судьбѣ массы людей. Я даже не почувствовала потомъ ни малѣйшаго чувства раскаянія. Въ имперіи моей не существуетъ казуистовъ, и до сихъ поръ обстоятельство это никогда не заставляло меня объ этомъ сожалѣть. Но, въ настоящую минуту, въ виду необходимости скорѣйшаго возвращенія къ исполненію своихъ обязанностей, я не нашла лучшаго для этого способа, какъ уступить охватившему меня всецѣло желанію, и взяться за перо, чтобы просить г. Вольтера, самымъ настоятельнымъ образомъ, перестать отнынѣ осыпать меня похвалами, прежде, чѣмъ я ихъ дѣйствительно заслужила. Въ этомъ, одинаковымъ образомъ, заинтересованы и его, и моя репутація. Онъ отвѣтитъ мнѣ на это, что отъ меня одной лишь зависитъ сдѣлаться ихъ достойной; но, вѣдь, дѣло въ томъ, что при той необъятности, которую представляетъ изъ себя Россія, цѣлый годъ времени значитъ не болѣе одного дня, подобно тому, какъ тысяча лѣтъ въ глазахъ Созда-

теля. Въ этомъ-то и оправданіе мое, что я до сихъ поръ еще не успѣла осуществить всего того добра, совершеніе котораго лежитъ на моей обязанности. На пророчество Ж. Ж. Руссо я, надѣюсь, отвѣчу, самымъ невѣжливымъ образомъ, какъ-бы долго я ни прожила на свѣтѣ. Таковы мои намѣренія; увидимъ, каковы будутъ ихъ послѣдствія. А теперь, милостивый государь, мнѣ хочется вамъ сказать: «молите Бога за меня».

Съ глубокою благодарностью, я также получила второй томъ «Петра Великаго». Еслибъ тогда, когда вы задумали этотъ трудъ, я была тѣмъ, что я есть теперь, я познакомила-бы васъ съ многими другими матеріалами. Совершеннѣйшая правда, что нѣтъ границъ удивленія генію этого великаго человѣка. Я приказала собрать по всюду его оригинальныя письма и хочу ихъ издать. Онъ въ нихъ рисуется самъ-собою. Что было самымъ прекраснымъ въ его характерѣ, такъ это то, что, несмотря на свой холерическій темпераментъ, истина всегда производила на него самое сильное вліяніе, и за одно это уже, какъ я думаю, онъ заслуживаетъ себѣ памятника.

Сегодня, я въ первый разъ жизни скорблю о томъ, что не умѣю писать стиховъ; на ващи — я въ состояніи отвѣтить только прозой, но могу васъ увѣрить, что, начиная съ 1746 г., съ того момента, когда я начала располагать своимъ временемъ, я считаю себя передъ вами въ величайшемъ долгу. До этого времени, я читала только романы, но, благодаря случайности, произведенія ваши попали мнѣ въ руки, и съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать; всякія другія книги, не написанныя столь же хорошо и изъ которыхъ я не могу извлечь того-же, сдѣлались для меня излишни. А гдѣ найти такихъ? Я возвратилась, поэтому, къ тому, что дало самый первый толчекъ моему вкусу и доставляетъ мнѣ самое дорогое наслажденіе. Могу васъ увѣрить, м. г., что если я обладаю кое-какими познаніями, то всѣмъ этимъ я обязана только этимъ книгамъ. Но, такъ какъ, изъ чувства уваженія, онъ возвращаетъ себѣ высказать мнѣ, что цѣлуется мое письмо, то, поэтому, и мнѣ приходится тоже

скрыть от него, изъ чувства приличія, что я преисполнена восторга къ его произведеніямъ. Въ настоящее время я читаю «*Essai sur l'histoire generale*», и хотѣла бы выучить наизусть каждую страницу этой книги, въ ожиданіи полученія «*Les Oeuvres du grand Seneille*», на покупку которой банковый билетъ, какъ я полагаю, уже отправленъ.

Екатерина.

(1765 г.)

— Императрица всероссійская весьма признательна племяннику аббата Базена за то, что онъ благосклонно посвятилъ ей сочиненіе *) его дяди, безъ сомнѣнія, рѣшительно ничего общаго не имѣющаго съ Авраамомъ Шомэ, который, обучаетъ въ московскихъ школахъ, маленькихъ дѣтей: азъ, буки, вѣди, глаголь. Императрица прочла эту прекраснѣйшую книгу отъ начала до конца съ величайшимъ удовольствіемъ и не нашла себя выше того, что прочтала, такъ какъ она сама принадлежитъ къ тому роду человѣческому, который такъ податливъ къ воспріятію самыхъ странныхъ нелѣпостей; она убѣждена, что книгѣ этой не избѣжать своей судьбы и что въ Парижѣ она неминуемо будетъ предана, у подножія великой лѣстницы, всеожженію, что придастъ, разумѣется, ей еще большій блескъ.

Такъ какъ племянникъ аббата Базена обошелъ глубокимъ молчаніемъ указаніе своего мѣстожителства, то, поэтому, настоящій отвѣтъ адресуется на имя г. Вольтера, столь извѣстнаго своимъ покровительствомъ и содѣйствіемъ всѣмъ молодымъ людямъ, талантъ которыхъ подаетъ надежду, что они современемъ станутъ полезны роду человѣческому. Вышеназваннаго знаменитаго писателя покорнѣйше просятъ передать эти нѣсколько строкъ по назначенію; въ случаѣ же, еслибъ оказалось, что

*) Первое изданіе «*Philosophie de l'histoire*», которое впоследствии вошло, какъ введеніе, въ сочиненіе Вольтера: «*Essai sur les moeurs*».

личность племянника аббата Базена ему совершенно неизвестна, то пишущая эти строки сохраняет, все-таки, надежду, что ей не поставлено будет въ вину настоящее обращеніе, вызванное уваженіемъ къ блестящему таланту этого молодого человѣка.

Екатерина.

Отъ 11-го—22-го августа (1765).

— М. Г. Такъ какъ, благодаря Богу, племянникъ аббата Базена нашелся теперь, то вы позволите мнѣ вторично обратиться къ вамъ, и просить васъ передать ему, въ его убѣжище, прилагаемый при семъ маленькій пакетъ, какъ доказательство моей искренней къ нему признательности за всѣ его любезности, обращенныя ко мнѣ. Мнѣ было-бы весьма пріятно увидѣть васъ обоихъ въ числѣ присутствующихъ на моей карусели, хотя-бы вы даже преобразились для этого въ таинственныхъ рыцарей. Чтобы приготовиться къ этому, у васъ будетъ достаточно времени: постоянные дожди, выпадающіе вотъ уже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, заставили меня отложить это празднество до іюня мѣсяца будущаго года.

Мой девизъ представляетъ та пчелка, которая, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, собираетъ себѣ медъ, чтобы свести его въ свой улей, и надпись надъ моимъ девизомъ: *Utile*. У васъ занимаются обученіемъ—нисиіе, и потому высшимъ легко извлекать себѣ изъ этого пользу; у насъ-же это—совершенно на оборотъ, мы не пользуемся такими удобствами.

Привязанность племянника Базена къ покойной моей матери только усиливаетъ степень моего вниманія къ нему: я нахожу этого молодого человѣка чрезвычайно любезнымъ и прошу его сохранить тѣ чувства, которыя онъ питаетъ ко мнѣ. Имѣть подобныхъ знакомыхъ—и пріятно, и весьма полезно. Прошу васъ быть увѣреннымъ, что чувство уваженія, которое я питаю къ племяннику, вы вполне раздѣляете съ нимъ и все мною сказанное ему относится равнымъ образомъ и къ вамъ.

Р. С. Нынѣшней зимой, капуцины, которыхъ терпять въ Москвѣ,—терпимость законъ общій въ этомъ государствѣ—(исключеніе составляютъ іезуиты, которыхъ здѣсь не переносятъ)—вдругъ такъ заупрямились, что отказались хоронить одного, скоропостижно умершаго, француза, на томъ основаніи, что онъ-де не приобщался. Чтобы доказать имъ, что они обязаны похоронить мертваго, Авраамъ Шомэ составилъ записку. Но, ни записка эта, ни дважды обращенныя къ нимъ требованія губернатора—исполнить обрядъ—не могли принудить этихъ отцевъ-монаховъ къ повиновенію. Въ концѣ-концовъ, имъ было предложено на выборъ: либо выѣхать за-границу, либо похоронить француза. Они выѣхали—и я послала, поэтому, отсюда монаховъ болѣе послушныхъ, августинцевъ, которые, видя, что пустые разговоры здѣсь ни къ чему не приводятъ, исполнили все, что требовалось отъ нихъ. И такъ, вы видите, что за время пребыванія своего въ Россіи—Авраамъ Шомэ сдѣлался человѣкомъ разсудительнымъ; онъ противится преслѣдованіямъ. Еслибъ онъ при этомъ поумнѣлъ, то заставилъ-бы тогда даже невѣрующихъ увѣровать въ чудеса. Но, всѣ чудеса міра не въ состояніи смыть пятна, вызваннаго запрещеніемъ приступить къ печатанію Энциклопедіи.

Вѣрующіе нашей церкви, страдая отъ частыхъ тиранническихъ притѣсненій, которымъ въ значительной еще степени способствовали безпрестанныя перемѣны въ составѣ высшей духовной іерархіи, въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы—возмутились. И при моемъ вступленіи на престолъ ихъ было болѣе двухъ сотъ тысячъ подъ ружьемъ. Это обстоятельство заставило меня въ 1762 г. приступить къ радикальной реформѣ системы управленія духовными имуществами и опредѣлить, вмѣстѣ съ тѣмъ, доходность ихъ. Арсеній, епископъ Ростовскій, подстрекаемый нѣкоторыми изъ своихъ собратій, считавшими для себя пока болѣе удобнымъ прятаться за него, воспротивился моему намѣренію. Онъ написалъ двѣ записки, въ которыхъ пытался установить абсурдный принципъ раздѣленія двухъ властей. На подобную-же попытку

онъ покушался уже во времена Елизаветы: тогда ограничили ему внушеніемъ, чтобъ онъ замолчалъ, но дерзость и безуміе его удвоились съ тѣхъ поръ. Онъ былъ отданъ на судъ митрополита Новгородскаго и всего синода, осужденъ какъ фанатикъ, виновный въ покушеніи, столько-же противномъ законамъ православія, сколько и законамъ самодержавія, отрѣшенъ отъ должности, лишенъ своего священническаго сана и долженъ былъ быть подвергнутъ растрижению. Я его помиловала и удовольствовалась тѣмъ, что заключила его въ монастырь.

Вольтеръ Екатеринаѣ.

L'abeille est utile sans doute,
 On la chérit, on la redoute,
 Aux mortels elle fait du bien,
 Son miel nourrit, sa cire éclaire:
 Mais quand elle a le don de plaire,
 Ce superflu ne gâte rien;
 Minerve, propice à la terre,
 Instruisit les grossiers humains,
 Planta l'olivier de ses mains,
 Et battit le dieu de la guerre.
 Cependant elle disputa
 La pomme due à la plus belle;
 Quelque temps Pâris hésita,
 Mais Achille eut été pour elle.

Да простить Ваше Императорское Величество эти плохіе стихи; признательность—не всегда краснорѣчива. Если вашъ девизъ представляетъ пчелу, то ужаснѣйшихъ разбѣровъ; улей у васъ самый величайшій въ свѣтѣ; именемъ вашимъ и вашими прекрасными дѣяніями наполняется вся земля. Самыми драгоценными медалями, я считаю тѣ, которыя изображаютъ васъ. Черты лица Вашего Величества напоминаютъ мнѣ черты принцессы, вашей матушки.

Мнѣ выпало еще другое счастье: это то, что всѣ, кто удостоился милостиваго вниманія Вашего Величества—мой друзья. Я считаю себя въ долгу за все то, что вы

сдѣлали такъ великодушно для Дидро, Д'Аламбера и Каласа. Всѣ писатели Европы должны находиться у вашихъ ногъ.

Вы, государыня, творите чудеса; Авраама Шомэ вы сдѣлали терпимымъ: и чѣмъ болѣе онъ приблизится къ Вашему Величеству, тѣмъ онъ сдѣлается разумнѣе; но, что касается до братьевъ-капуциновъ, то Ваше Величество разсудили совершенно вѣрно, что не во власти вашей сдѣлать изъ нихъ людей, съ тѣхъ поръ, какъ святой Францискъ превратилъ ихъ въ скотовъ. Къ счастью, ваша академія будетъ выпускать изъ своей среды людей, ничего общаго съ святымъ Францискомъ не имѣющихъ. Я значительно старше, государыня, чѣмъ тотъ городъ, въ которомъ вы царите и который вы украшаете. Я даже позволю себѣ сказать, что я гораздо старше всей вашей имперіи, если ей вести лѣтосчисленіе со времени ея новѣйшаго основанія Петромъ Великимъ, котораго творенія вы не перестаете усовершенствовать. Однако, я чувствую, что въ состояніи былъ-бы возмѣять смѣлость отправиться ухаживать за такой удивительной пчелкой, управляющей столь необъятнымъ улеемъ, еслибъ только болѣсти, такъ меня удручающія, позволили мнѣ, бѣдному трутню, покинуть свою ячейку.

Я попрошу быть моими представителями графа Шувалова и его супругу, которыхъ я имѣлъ честь видѣть въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ моемъ маленькомъ уединеніи. Предметомъ нашихъ бесѣдъ были Ваше Императорское Величество, и я никогда еще такъ глубоко не скорбѣлъ о невозможности болѣе путешествовать.

Осмѣлюсь-ли сказать вамъ, государыня, что я немного огорченъ тѣмъ, что вы носите имя Екатерины? Героини прежнихъ временъ никогда не носили именъ святыхъ: Гомеру и Виргилію было-бы не совсѣмъ ловко съ подобнымъ именемъ; вы не созданы для календаря.

Но, пусть Юнона, Минерва или Венера всего лучше отвѣчаютъ поэтическимъ требованіямъ всѣхъ странъ, я, тѣмъ не менѣе, склоняюсь съ чувствомъ признательности и наиглубочайшаго уваженія къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 17—28 ноября. (1765 г.)

М. Г. Голова моя стала такъ-же тупа, какъ мало гармонично мое имя, и потому я на ваши прелестные стихи отвѣчаю теперь сквернѣйшей прозой. Я никогда не писала стиховъ, но не перестаю восхищаться вашими. Они до такой степени избаловали мой вкусъ, что я не выношу никакихъ другихъ. Такъ какъ одновременно нельзя заниматься разнородными дѣлами, то я всецѣло отдаюсь своему необъятному улею.

Никогда я не воображала, чтобы покупкой библиотеки я могла вызвать себѣ столько похвалъ и привѣтствій: я слышу это теперь со всѣхъ сторонъ по поводу библиотеки г. Дидро. Но, согласитесь сами, вы, которому все человечество обязано поддержкой и помощью, оказанною вами дѣлу невинности и добродѣтели въ лицѣ Каласа, что, вѣдь, было-бы жестоко и несправедливо разлучать ученаго съ его книгами.

Димитрій, митрополитъ *) Новгородскій и не гонитель, и не фанатикъ. Нѣтъ такого принципа въ посланіи Алексѣя, котораго-бы онъ не признавалъ, не проповѣдывалъ и не опубликовалъ, еслибъ это было полезно и необходимо. Онъ питаетъ глубокое отвращеніе къ предложенію о раздѣленіи властей. Я могла бы указать вамъ на множество фактовъ, которыми онъ неоднократно мнѣ это подтвердилъ. Еслибъ я не опасалась наскучить, я бы изложила вамъ все это на отдѣльномъ листѣ бумаги, который вы могли-бы сжечь, если-бы не захотѣли прочесть.

У насъ установлена вѣротерпимость: она составляетъ государственный законъ, и этимъ закономъ воспрещается

*) Митрополиты отличаются отъ другихъ епископовъ и архиепископовъ только бѣлымъ клобукомъ, который они носятъ. Димитрій получилъ его за то, что короновалъ меня. (Примѣчаніе имп. Екатерины, сдѣланное на поляхъ письма).

кого-либо преслѣдовать. Правда, у насъ есть фанатики, которые оттого, что никто ихъ не преслѣдуетъ, сжигаютъ сами себя; и еслибъ фанатики другихъ странъ поступали такимъ-же образомъ, то вреда отъ этого было бы весьма мало; мѣръ человѣческой пользовался бы большимъ спокойствіемъ, и Каласъ не былъ-бы колесованъ. Вотъ какими чувствами, м. г., обязаны мы основателю этого города, котораго мы съ вами одинаково почитаемъ.

Я глубоко огорчена, что здоровье ваше не столь блестяще, какъ вашъ умъ: Не сѣтуйте на ваши годы и живите Маеуссаиловъ вѣкъ, хотя-бы вамъ для этого пришлось занять то мѣсто въ календарѣ, въ которомъ вы находите нужнымъ отказать мнѣ. Такъ какъ я не признаю за собою права быть когда-либо воспѣтой, то и не переимѣню своего имени на имя завистливой и ревнивой Юноны; я далека отъ высокомерія, что-бы назваться Минервой, и вовсе не желаю также названія Венеры: на счетъ этой прекрасной дамы говорится ужь слишкомъ много. Еще менѣе я могу быть Церерой: въ нынѣшнемъ году жатва въ Россіи была весьма плохая. Мое имя дастъ мнѣ, крайней мѣрѣ, надежду на заступничество моей покровительницы тамъ, гдѣ она находится; въ концѣ концовъ, я нахожу мое имя самымъ подходящимъ для меня. Но увѣряя васъ въ томъ, какъ много я интересуюсь всѣмъ, что васъ касается, я этимъ самымъ избавляю васъ отъ бесполезныхъ повтореній всего этого.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

24-го января (1766 г.)

Письмо, которымъ Ваше Императорское Величество почтили меня, совершенно вскружило мою голову; въ немъ заключается патентъ на мои пророчества; ни одной минуты не сомнѣвался я, что архіепископъ Новгородскій, не объявить себя противникомъ системы раздѣленія двухъ властей. Ничего объ этомъ не зная, я все-таки такъ думалъ; а вѣдь это также одно ихъ свойствъ про-

рочество. Невѣрующіе могутъ мнѣ возразить, что архіепископъ этотъ носить имя не Алексѣя *), а Дмитрія. Я могу отвѣтить на это, согласно со всѣми комментаторами, что въ пророчествахъ необходима нѣкоторая доза туманности и неясности, и что отъ этой туманности и неясности, истина дѣлается всегда яснѣе. Я даже могу прибавить, что стоитъ только переимѣнить Алекс на Дим и и сѣ й на трій, чтобы получить настоящее, вѣрное имя архіепископа. И, безъ сомнѣнія, только отчаянно невѣрующіе ни во что не согласятся съ столь очевидными доказательствами.

Я до такой степени сталъ увѣренъ въ своихъ пророчествахъ, что смѣло предсказываю теперь Вашему Величеству и наивеличайшую славу, и наивеличайшее счастье. Одно изъ двухъ: или люди окончательно всѣ сойдутъ съ ума, или же они всѣ будутъ повержены въ изумленіе и удивленіе при видѣ всего великаго и благстворнаго, что творить Ваше Величество. Это предсказаніе даже нѣсколько запоздало, равно какъ и другія, потому что событія опередили его.

Мнѣ кажется, что еслибъ Петръ I, этотъ, еще другою, великій человекъ, основалъ свою столицу въ климатѣ болѣе мягкомъ, нежели на берегахъ Ладожскаго озера, — еслибъ онъ избралъ для этого Кіевію (Кіевъ), или какую либо другую мѣстность поужнѣе, то несмотря на свои лѣта, я уже былъ-бы теперь у Вашихъ ногъ, Государыня. Грустно умирать съ сознаніемъ, что лишень возможности восхититься чертами той, которая предпочитаетъ имя Екатерины всѣмъ именамъ богинь древности и которая, дѣйствительно, сдѣлаетъ его предпочтительнѣе всѣмъ другимъ. Никогда я не питалъ желанія быть въ Римѣ; я всегда чувствовалъ отвращеніе при мысли, что въ Капитоліи я встрѣчу монаховъ и увижу

*) Въ октябрѣ 1766 г. Вольтеръ напечаталъ Посланіе, которое приписывалось перу архіепископа Великаго Новгорода, и въ которомъ этому архіепископу давалось имя Алексѣя.

(Прим. франц. изд.)

могилы Сципионовъ, попираемая поповскими ногами; но, теперь, я умираю отъ скорби и печали, что лишень возможности увидать страшныя пустыни, превращенныя въ великолѣпные города, и пространства въ двѣ тысячи лье, заселенныя героинями. Во всей всемирной исторіи нѣтъ ничего подобнаго; это—прекраснѣйшая и величайшая изъ революцій, и мое сердце, какъ магнитная стрѣлка, всегда указываетъ на сѣверъ.

Даламберъ, будучи еще молодъ, совершилъ величайшую ошибку, отказавшись отъ такого путешествія. Самолюбіе его было ущемлено маленькою несправедливостью, но предметъ этотъ такъ малъ, что никоимъ образомъ не затрагивалъ его философіи. Теперь-же, все это исправлено. Я думаю, что Энциклопедія стоитъ уже на пути къ тому, чтобы испросить себѣ мѣсто въ библиотекѣ Вашего дворца.

Да соизволитъ Ваше Императорское Величество милостиво принять выраженіе моей признательности, моего удивленія и моего глубокаго къ ней уваженія.

Покойный аббатъ Базень.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 29-го іюня (9-го іюля (1766 г.).

М. Г. Мерцаніе звѣзды Сѣвера не болѣе, какъ сѣверное сіяніе. Тѣ добрыя дѣла, о которыхъ вы такъ любезно упоминаете, совершенныя на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ лье, никоимъ образомъ не могутъ быть приписываемы мнѣ. Каласы, всѣмъ, что они получили, обязаны своимъ друзьямъ; г. Дидро, продажею своей библиотеки, — своему другу; но, что касается Каласовъ и Сирвеновъ, то всѣмъ они обязаны всецѣло вамъ. Удѣлять немножко ближнему изъ того, что имѣется въ великомъ изобиліи, ровно ничего не значить; но быть ходатаемъ рода челоувѣческаго, защитникомъ угнетенной невинности, — это значить приобрѣсти себѣ право на безсмертіе. Эти два дѣла вызываютъ къ вамъ также чувство благоговѣйнаго уваже-

нія, съ которымъ только и можно относиться къ подобнымъ чудесамъ. Вы боролись съ цѣлою арміею враговъ человѣческихъ: съ суевѣріемъ, фанатизмомъ, невѣжествомъ, ябедой, безсовѣстными судьями и могущественною властью, находящеюся въ рукахъ той или другой партіи. Чтобы преобороть всѣ эти препятствія, нужно не мало добродѣтелей и душевныхъ качествъ. Вы доказали, что онѣ вамъ присущи, и потому вы побѣдили.

Вы желаете, чтобы Сирвенамъ была оказана небольшая помощь. Могутъ ли я въ этомъ отказать? Станете ли вы восхвалять меня за такое дѣло? Есть ли за что? Я бы предпочла, чтобы мой банкирскій переводъ оставался въ неизвѣстности. Но, если вы, однако, думаете, что мое имя, сколь ни мало оно гармонично, могло бы оказаться не безъ пользы для этихъ жертвъ несчастнаго духа преслѣдованія, то я вполне отдаюсь на вашу предусмотрительность и предоставляю вамъ назвать меня по имени, буде это только не послужитъ имъ во вредъ. У меня есть основанія такъ думать. Мои приключенія съ епископомъ Ростовскимъ разбирались публично, и потому вы можете, м. г., распорядиться этою меморіею по своему полному усмотрѣнію, какъ съ совершенно подлиннымъ актомъ.

Съ большимъ вниманіемъ я прочла то печатное, что было приложено къ вашему письму. Примѣненіе на практикѣ принциповъ, въ немъ заключающихся, дѣло трудное. Къ несчастью, огромное большинство еще долго будетъ продолжать стоять противъ этого. Возможно, однако, притупить остріе мнѣній, ведущихъ къ преслѣдованію рода человѣческаго. Вотъ слово въ слово, что я написала, между прочимъ, по этому поводу въ одной ин-струкціи, данной мною комиссіи, занимающейся пересмотромъ законовъ:

«Въ обширной имперіи, власть которой распространяется на столько народностей, сколько существуетъ среди человѣчества различныхъ вѣрованій, нетерпимость по отношенію къ разнымъ религіямъ, исповѣдываемымъ ими, была бы самою вредною ошибкою съ точки зрѣнія спокойствія и благополучія гражданъ. Только одна мудрая вѣро-

терпимость, равнымъ образомъ, признаваемая за всѣми господствующею церковью и политикою, въ состояніи возвратитъ всѣхъ заблуждающихся овецъ въ лоно истинной вѣры. Преслѣдовавіемъ умы возбуждаются; терпимость же смягчаетъ ихъ и ослабляетъ ихъ упорство; ею прекращаются тѣ споры, которые такъ вредны для государственнаго спокойствія и единенія гражданъ.»

Затѣмъ слѣдуютъ извлеченія изъ книгъ «Духъ законовъ», «О волшебствѣ» и пр., что займетъ слишкомъ много мѣста, если привести здѣсь. Сказано, однако, тутъ все, что только можно сказать для того, чтобы предохранить, съ одной стороны, гражданъ отъ тѣхъ золъ, къ которымъ могутъ привести подобнаго рода религіозныя обвиненія, не нарушая, тѣмъ не менѣе, съ другой стороны, душевнаго спокойствія вѣрующихъ, не вводя въ соблазнъ ихъ истинной совѣсти. Мнѣ кажется, что это единственный практическій путь, посредствомъ котораго, возможно дать мѣсто голосу разума, положивъ въ основаніе его общественное спокойствіе, постоянную потребность въ которомъ и полезность чувствуетъ каждый индивидуумъ.

Маленькій графъ Шуваловъ, вернувшись на родину, передалъ мнѣ то участіе, съ которымъ вы такъ любезно относились ко всему, что касается меня. Кончаю эти строки выраженіемъ вамъ моей благодарности.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

22-го декабря (1766 г.)

Да проститъ меня Ваше Императорское Величество, нѣтъ!—Вы совсѣмъ не сѣверное сіяніе; вы доподлинно самое блестящее свѣтило Сѣвера и никогда не было тамъ другаго, столь благотворнаго, какъ вы: Андромедъ, Персей и Калисто—не стоятъ васъ. Всѣ эти свѣтила оставили-бы Дидро умирать съ голоду. Онъ былъ жертвою преслѣдованія на своей родинѣ, и ваше благотвори-

тельное сердце нашло его даже там. Самому Людовику XIV присуща меньшая степень благолѣвія въ этомъ отношеніи, чѣмъ Вашему Величеству; онъ награждалъ достойное въ чужеземныхъ странахъ, но это достойное ему указывалось: вы же, государыня, вы его отыскиваете сами и находите. Ваши великодушныя заботы о томъ, чтобы установить свободу совѣсти въ Польшѣ—такое великое и благое дѣло, которое долженъ прославлять весь родъ человѣческій, и я осмѣливаюсь это говорить отъ имени рода человѣческаго, если только мой голосъ можетъ еще быть услышанъ.

Въ ожиданіи же этого, государыня, позвольте мнѣ опубликовать то, что вы соизволили мнѣ написать относительно архіепископа Новгородскаго и о вѣротерпимости вообще. Все написанное вами—есть памятникъ вашей славы. Мы трое, — Дидро, Д'Аламберъ и я,—мы воздвигаемъ вамъ алтари; вы дѣлаете изъ меня, государыня, язычника. Не только съ глубокимъ чувствомъ уваженія, но съ страстнымъ и благоговѣйнымъ чувствомъ истиннаго идолопоклонника я склоняюсь къ стопамъ Вашего Величества.

Священнослужитель Вашего храма.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 29-го декабря 1766 г.—9-го января 1767 г.

М. П. Я только что получила ваше письмо отъ 22-го декабря, въ которомъ вы рѣшительно даете мнѣ мѣсто среди небесныхъ свѣтилъ. Я не знаю, стоятъ ли эти мѣста того, чтобы ихъ домогаться, но я, во всякомъ случаѣ, насколько не желала бы находиться въ числѣ всего того, чему человѣчество поклонялось столь долго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни было крошечно чувство самолюбія, но едва ли можно желать видѣть себя въ положеніи, равномъ съ тѣмъ, которое принадлежитъ разнымъ луковицамъ, кошкамъ, телятамъ, ослинымъ шкурамъ, быкамъ, змѣямъ, крокодиламъ, животнымъ всякаго рода, и пр., и пр. Въ виду такого перечисленія боготворимыхъ предметовъ, гдѣ тотъ

человѣкъ, который рѣшится мечтать о воздвигаемыхъ ему храмахъ?

А потому, прошу васъ, оставьте меня на землѣ; тутъ, по крайней мѣрѣ, я буду въ состояніи получать письма ваши и вашихъ друзей, Дидро и Д'Аламберовъ; тутъ, по крайней мѣрѣ, я могу быть свидѣтельницей того участія, съ которымъ вы относитесь ко всему, что служить къ просвѣщенію нашего вѣка.

Горе преслѣдователямъ! они вполне достойны быть сопричислены къ такого рода божествамъ. Вотъ гдѣ ихъ истинное мѣсто.

Впрочемъ, м. г., будьте увѣрены, что всякое ваше одобреніе служить мнѣ весьма сильнымъ поощреніемъ.

Статья, относящая до вѣртерпимости и мною вамъ сообщенная, выйдетъ въ свѣтъ не ранѣе конца будущаго лѣта.

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ я, кажется, сообщила о своихъ соображеніяхъ по поводу опубликованія документовъ, относящихся къ архіепископу Новгородскому: недавно эта духовная личность дала еще новое доказательство того образа мыслей, который вамъ извѣстенъ. Нѣкто, переведя одну книгу, принесъ ее архіепископу: послѣдній отвѣтилъ ему, что совѣтуетъ ее уничтожить, ибо въ ней заключается изложеніе принциповъ объ установленіи двухъ властей.

Будьте увѣрены, что какъ-бы вы ни называли себя, ничто никогда не умалитъ въ глазахъ моихъ чувства уваженія, которое принадлежитъ тому, кто всей силой своего генія защищаетъ великое дѣло человѣчества.

Прилагаемое къ настоящему письму печатное посланіе *) дастъ вамъ возможность судить, на сколько справедливость находится на нашей сторонѣ.

Екатерина.

*) Манифестъ о раздорахъ въ Польшѣ.

Вольтеръ Евкатеринѣ.

Февра, 27-го февраля (1767 г.)

Вашему Императорскому Величеству угодно таки удостоить меня быть судьёю того великодушія, съ которымъ вы берете на себя дѣло всего рода человѣческаго. Но судья этотъ слишкомъ испорченъ для этого и слишкомъ глубоко убѣжденъ, что на вашу превосходную во всѣхъ отношеніяхъ меморію можно лишь ствѣчать одними мучительными глупостями. Быть лишеннымъ возможности пользоваться правами гражданина единственно потому, что исповѣдуешь, что Духъ Святой исходитъ только отъ отца, представляется въ моихъ глазахъ столь нелѣпымъ и сумозброднымъ, что я никогда не повѣрилъ-бы въ возможность существованія подобной нелѣпицы, еслибъ моя родная страна не убѣдила меня уже давно въ этомъ своими нелѣпостями. Я весьма далекъ оттого, чтобы умѣть проникать въ ваши государственныя тайны; но мнѣ кажется, что я бы жестоко обманулся, еслибъ допустилъ мысль, что Ваше Величество не находится въ полномъ согласіи съ королемъ Польскимъ; онъ—философъ и по принципу исповѣдуетъ терпимость: я воображаю себѣ, что вы хорошо понимаете другъ друга, въ интересахъ дѣла человѣчества и чтобы вдоволь насмѣяться надъ нетерпимыми понами.

Придетъ время, государыня,—я всегда это говорилъ—когда всякій свѣтъ будетъ исходить къ намъ съ Сѣвера: что бы Ваше Императорское Величество ни утверждали, но я назвалъ васъ звѣздою и звѣздою вы останетесь. Кимеріанскій мракъ приличенъ лишь Испаніи, да и онъ въ концѣ концовъ разсѣется. Ни луковицей, ни кошкой, и золотымъ тельцомъ, ни быкомъ—Аписомъ—вамъ не быть; никогда никто не отнесетъ васъ къ числу тѣхъ божествъ, которыми питаются, вы—изъ тѣхъ, которыя питаютъ. Вы творите столько добра сколько это возможно и дома и внѣ дома своего. Еще при жизни вашей мудрецы создадутъ вамъ вашъ апоэозъ; но, живите долго госуда-

рыня, и повѣрьте, что это въ сто разъ лучше всякаго божества; если же вы желаете сотворить еще чудеса, то вамъ остается только попытаться сдѣлать вашъ климатъ нѣсколько теплѣе. Въ виду-же всего того, что совершаетъ Ваше Величество, я склоненъ думать, что если вы не предпримете такого превращенія, то единственно по своему злому умыслу: я отчасти заинтересованъ подобнымъ превращеніемъ, ибо тотчасъ-же, какъ вы передвинете Россію къ тридцатому градусу, — вмѣсто того, чтобы ей быть около шестидесятаго, — я попрошу у васъ позволенія прибыть къ вамъ; чтобы закончить жизнь свою у васъ; но, въ какомъ-бы мѣстѣ земли я ни прозябалъ, я буду постоянно восхищаться вами вопреки вашей волѣ и всегда пребуду съ самымъ глубочайшимъ уваженіемъ къ Вашему Императорскому Величеству, и проч.

Екатерина Вольтеру.

Москва 15—26 марта (1767 г.)

М. Г. Я получила ваше письмо отъ 27-го февраля, въ которомъ вы совѣтуете мнѣ совершить чудо, измѣнивъ климатъ моей страны. Въ былое время, городъ, изъ котораго я вамъ пишу, былъ весьма привыченъ видѣть разнаго рода чудеса, или вѣрнѣе сказать, благодушные жители его чаще всего были согласны принимать самыя обыкновенныя вещи за проявленіе чудодѣйственныхъ силъ. Въ предисловіи къ стоглавому собору царя Ивана Васильевича, я читала, что когда царь свершилъ свое публичное покаяніе, случилось такого рода чудо: ровно въ полдень появилось солнце и лучи его ударили прямо на него и на головы всѣхъ собравшихся духовныхъ лицъ. Замѣйте, что послѣ открытой исповѣди, сдѣланной громогласно, государь этотъ кончилъ тѣмъ, что сталъ упрекать въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ духовенство за его распутство, заклиная при этомъ весь соборъ непремѣнно исправить его самого и наравить на

путь истинный также всѣхъ духовныхъ его служителей. Теперь все измѣнилось. Петръ Великій сочинилъ столько разныхъ формальностей, необходимыхъ для констатированія какого-либо чуда, а святѣйшій синодъ слѣдуетъ имъ съ такою неукоснительною точностью, что я право боюсь представить на его судъ до вашего приѣзда то, что вамъ угодно поручить мнѣ. Впрочемъ съ своей стороны, я сдѣлаю все, что будетъ только въ моей власти, чтобы доставить Петербургу возможность дышать лучшимъ воздухомъ. Вотъ уже три года какъ заняты тамъ осушеніемъ окружающихъ его болотъ посредствомъ каналовъ,—срубкою сосновыхъ лѣсовъ густо покрывающихъ его каждую часть, и уже въ настоящее время существуютъ три большіе участка земли, населенные колонистами тамъ, гдѣ въ былое время ни одинъ человѣкъ не могъ ступить ногою, не оказавшись по поясъ въ водѣ: прошлою осенью, жители засѣяли эти поля впервые рожью.

Такъ какъ вы довольно живо интересуетесь, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что я дѣлаю, то прилагаю къ настоящему письму возможно менѣе плохой переводъ на французскій языкъ моего Манифеста, подписанный мною въ прошломъ году 14-го декабря, и появившійся въ Голландскихъ газетахъ въ столь жестоко искаженномъ видѣ, что въ немъ едва-ли можно было добраться до смысла. Въ русскомъ текстѣ эта вещь весьма цѣнная и удачная, благодаря богатству фактовъ и силѣ выражений нашего языка. Тѣмъ труднѣе былъ ея переводъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ начнутся засѣданія этого великаго собранія, которыя выяснятъ намъ, что нужно, а затѣмъ будетъ пруступлено къ выработкѣ законовъ, за которые, я надѣюсь, будущее человечество не наградитъ насъ порицаніемъ. А пока, до наступленія этого времени, я собираюсь объѣхать различныя провинціи, лежащія вдоль по теченію Волги, и тогда, когда вы, можетъ быть, всего менѣе ожидаете, вы получите отъ меня письмо, датированное изъ какого-нибудь отдаленнаго уголка Азіи.

И тамъ, какъ и вездѣ, я буду неизмѣнно полна глубокаго уваженія и почтенія къ владѣльцу замка въ Фернэ.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

26-го мая (1767 г.)

Un voyage en Asie! allez-vous l'entreprendre,
Belle et sublime Thalestris?
Que ferez-vous dans ce pays?
Vous n' y verrez point d'Alexandre.

Увы! Ваше Императорское Величество можетъ принять путешествіе хотя-бы вокругъ цѣлаго свѣта, но вы нигдѣ не встрѣтите ни одного царя достойнаго васъ. Какъ античная Церера-Законодательница, вы путешествуете, разсыпая всему свѣту свои милости. Мнѣ совершенно не знакомъ русскій языкъ, но по тому переводу, который вы соблаговолили мнѣ прислать, я вижу, что ему свойственны такіе обороты и постройка рѣчи, которыхъ недостаетъ совершенно французскому. Въ этомъ отношеніи я не раздѣляю мнѣнія придворной дамы, сказавшей однажды въ Версали: «Ахъ, какая жалость, что это несчастное приключеніе съ Вавилонской башней произвело смѣшеніе языковъ; не случись этого — весь міръ говорилъ-бы по французски».

Китайскій императоръ, Конгъ-хи, вашъ сосѣдъ, спрашивалъ у одного миссіонера, возможно-ли писать стихи на языкахъ европейскихъ народовъ; онъ никакъ не могъ допустить этой мысли.

Да соблаговолитъ Ваше Императорское Величество принять выраженіе моихъ искреннихъ чувствъ и наиглубчайшее къ ней уваженіе этого дряхлаго швейцарца, и проч.

Екатерина Вольтеру.

Казань, 18-го—29-го мая, (1767 г.)

Я предвѣщала вамъ, что вы получите письмо изъ ка-кого-нибудь дальняго азійскаго угла, — исполняю свое обѣщаніе теперь.

Мнѣ думается, что авторы книгъ «Anecdote sur Béli-saire» и «Lettre sur les panégyriques»—близкіе родственники племянника аббата Базена. Но, не лучше-ли было-бы восхвалять людей лишь послѣ ихъ смерти, изъ опасенія, что, рано или поздно, они не оправдаютъ этихъ похвалъ, принимая во вниманіе непоследовательность и неустойчивость рода человѣческаго? Послѣ уничтоженія нантскаго эдикта, я не знаю, было-ли достаточно поводовъ для составленія панегириковъ въ честь Людовика XIV: изгнанники, по крайней мѣрѣ, весьма мало были склонны къ этому.

Прошу васъ, м. г., употребить все ваше вліяніе на ученаго, проживающаго въ кантонѣ Ури *), дабы онъ не тратилъ свое время на составленіе мнѣ панегирика, ра-нѣе моей смерти.

Эти законы, о которыхъ уже такъ много говорятъ теперь, въ концѣ концовъ, еще совсѣмъ не выработаны. И кто въ состояніи отвѣтить теперь, что они окажутся дѣйствительно хороши и разумны? Въ сущности, только потомству, а не намъ, будетъ подъ силу рѣшить этотъ вопросъ. Вообразите себѣ только то, прошу васъ, что назначеніе ихъ—служить въ Азій, и Европѣ: а какая существуетъ тамъ разница въ климатѣ, людяхъ, обычаяхъ,—даже въ самыхъ идеяхъ!..

Наконецъ-то, я въ Азій; я ужасно хотѣла видѣть ее своими собственными глазами. Въ городѣ, здѣсь населеніе состоитъ изъ двадцати различныхъ народностей, совсѣмъ не похожихъ другъ на друга. А между тѣмъ, необходимо шить такое платье, которое оказалось-бы пригодно всѣмъ.

*) «Lettre sur les panégyriques» было выдано за сочиненіе профессора права въ кантонѣ Ури.

Общіе принципы еще могут найтись; но за то частности? И какія еще частности! Я чуть не сказала: приходится цѣлый міръ создавать, объединять, сохранять. Я, конечно, не совладѣю съ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что и такъ у меня дѣла по горло.

А если все это не удастся, какой ужасный видъ тщеславія и хвастовства (и Богъ знаетъ еще чего?) примутъ всѣ эти лохмотья моихъ писемъ, которыя я нахожу цитированными въ послѣднемъ печатномъ изданіи, въ глазахъ людей безпристрастныхъ и моихъ враговъ? И сверхъ того, только чувство глубокаго уваженія диктовало ихъ мнѣ, и потому они никоимъ образомъ не могли-бы быть пригодны для печати. Правда, что для меня весьма лестно и почетно видѣть то чувство, которое руководило авторомъ «Lettre sur les papégyriques», цитирующимъ мои письма; но Велизарій говоритъ, что въ этомъ-то и заключается опаснѣйшій моментъ для людей моей породы. Велизарій, повсюду такъ разумно разсуждающій, безъ сомнѣнія, не ошибается и въ этомъ случаѣ. Переводъ этой послѣдней книги оконченъ и скоро будетъ отпечатанъ. Чтобы испытать достоинства перевода — его прочли двумъ лицамъ, никакого понятія объ оригиналѣ не имѣвшимъ. Одинъ воскликнулъ: «Пусть лопнутъ мои глаза! я буду вполне вознагражденъ, лишь-бы я могъ сдѣлаться Велизаріемъ!» Другой сказалъ: «Если-бы все это дѣйствительно было, то я сдѣлался-бы завистникомъ».

Въ заключеніе, примите, м. г., свидѣтельство моего глубокаго уваженія за всѣ доказательства вашего дружескаго ко мнѣ расположенія; но, при этомъ, если только возможно, предохраните мои каракули отъ появленія въ печати.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

29-го января (1768 г.)

Государыня, разсказываютъ, что нѣкій старецъ, по имени Симеонъ, увидавъ младенца, радостно воскликнулъ:

нынѣ, я ужь могу умереть спокойно, ибо я узрѣлъ моего спасителя *) Этотъ старецъ Симеонъ былъ пророкъ, онъ впередъ предугадалъ, что этотъ юный Иудейнинъ долженъ былъ сдѣлать на землѣ.

Ферва, 15-го ноября, (1768 г.)

— Я имѣлъ честь отправить Вашему Императорскому Величеству, 15-го прошлаго марта, довольно большой тюкъ по адресу г. Б. Ле-Мэтра, въ Гамбургѣ, съ марками I. D. V., n° 1.

Вниманіе Вашего Величества поглощено, конечно, дѣлами немного поважнѣе, нежели этотъ тюкъ. Съ одной стороны, вы принуждаете поляковъ, вопреки желаніямъ папскаго нунція, сдѣлаться терпимѣе и счастливѣе, а съ другой, на зло самому Магомету, вамъ приходится, повидимому, имѣть дѣло съ мусульманами. Если они только рѣшатся воевать съ вами, государыня, то съ ними легко можетъ случиться то, что нѣкогда имѣлъ въ виду Петръ Великій: Константинополь ихъ сдѣлается столицею русской имперіи. Варвары эти вполне достойны быть наказанными героинею за свое слишкомъ недостаточное почтеніе къ дамамъ, которымъ они до сихъ поръ отличаются. Безспорно, тѣ, которые пренебрегаютъ всѣми изящными искусствами и держатъ женщинъ въ заточеніи, заслуживаютъ полнѣйшаго уничтоженія. Я жду всего отъ вашего генія и руководящей вами судьбы. У Мустафы не должно быть никакихъ шансовъ противъ Екатерины. Говорятъ, что этотъ Мустафа—совсѣмъ глупый человѣкъ, что онъ терпѣть не можетъ поэзіи, никогда не былъ въ театрѣ и ни слова не знаетъ по-французски: онъ будетъ побить, — честное слово. Какъ только Ваше Величество утвердится въ Константинополѣ я прошу позволенія прибыть туда, чтобы лично склониться къ стопамъ вашимъ и провести нѣсколько дней при Вашемъ дворѣ; ибо я весьма серьезно убѣжденъ въ томъ, что если когда-либо суждено изгнать

*, Лука, II, 30.

турокъ изъ Европы, то они, именно, будутъ изгнаны не къмъ другимъ, какъ русскими. Непобѣдимыми они могутъ сдѣлаться только при условіи, если проникнутся исключительною страстью быть вамъ угодными.

Да соизволить, Ваше Величество, принять искреннія пожеланія и глубочайшее уваженіе вашего страстнаго поклонника, вашего самаго ревностнаго, самаго пламеннаго слуги.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 6-го (17-го) декабря (1768 г.)

М. г., я полагаю, что вы должны считать меня до нѣкоторой степени легкомысленною: около года тому назадъ, я просила васъ выслать мнѣ все, что только было написано авторомъ, сочиненія котораго я болѣе всего люблю читать; въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ я получила желанный тюкъ, съ приложеніемъ къ нему бюста самаго знаменитаго человѣка нашего столѣтія.

Присылка того и другаго доставила мнѣ равное и пріятное удовольствіе: и вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ, какъ они составляютъ самое лучшее украшеніе моего кабинета и моихъ ежедневныхъ занятій. Но, до сихъ поръ, я не увѣдомляла васъ о полученіи посланнаго и не благодарила васъ за это. И вотъ, на основаніи какихъ соображеній: «Листъ бумаги, скверно написанный, плохимъ французскимъ языкомъ—довольно скудная и пустая благодарность по отношенію къ такому человѣку; отблагодарить его нужно дѣломъ, которое могло-бы доставить ему дѣйствительное удовольствіе». Мнѣ представлялись различнаго рода случаи; рассказывать о нихъ подробно было бы слишкомъ длинно; я, наконецъ, рѣшила, что самымъ лучшимъ будетъ подать мнѣ самой такой примѣръ, который явится полезнымъ и для другихъ. Я вспомнила, что, къ счастью, у меня не было до сихъ поръ оспы. Я приказала написать въ Англію, что мнѣ нуженъ оспопрививатель: извѣстный врачъ Даймсдаль изъявилъ согласіе

пріѣхать въ Россію. 12-го октября онъ привилъ мнѣ оспу. Въ постели я не лежала ни одной минуты и каждый день принимала у себя общество. И теперь, я отдаю приказаніе, чтобы оспа была привита также и моему единственному сыну.

Главный начальникъ надъ артиллерією, графъ Орловъ, настоящій герой, вполне похожій на древнихъ римлянъ прекрасныхъ временъ республики и по своему мужеству, и по своей великодушнѣйшей натурѣ, не зная навѣрное, была-ли у него прежде оспа или нѣтъ, отдалъ себя также на попеченіе нашего англійскаго врача, а на другой день послѣ операціи, въ самую снѣжную погоду, былъ уже на охотѣ. Весьма многіе изъ придворныхъ лицъ послѣдовали уже его примѣру, множество другихъ готовятся также привить себѣ оспу. Помимо всего этого, въ Петербургѣ теперь прививаютъ оспу въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ и еще въ госпиталѣ, учрежденномъ подъ наблюденіемъ самого г. Даймсдэля.

Вотъ вамъ, м. г., и всѣ полярныя новости. Надѣюсь, что онѣ не окажутся для васъ совершенно индифферентными. Новостей литературныхъ гораздо менѣе. Тѣмъ не менѣе, вышелъ, все-таки, французскій переводъ русской инструкціи, данной депутатамъ, которые должны заняться составленіемъ нашего уложенія. Напечатать его не было еще времени. И я спѣшу послать его вамъ въ рукописи, дабы вы могли лучше видѣть нашу исходную точку. Я думаю, что не найдется въ этомъ сочиненіи ни единой строки, которую не согласился-бы охотно признать каждый честный человѣкъ.

Въ обмѣнъ на ваши стихи, я-бы очень хотѣла отвѣтить вамъ стихами сама; но у кого не хватаетъ въ головѣ умѣнья, чтобы сочинить хорошіе, — тотъ пусть отвѣчаетъ тѣмъ, что смогутъ сдѣлать его руки. И вотъ, что я рѣшила сдѣлать: я прибѣгнула къ табакеркѣ, которую и прошу васъ принять отъ меня. Она носитъ на себѣ отпечатокъ того лица, которое питаетъ къ вамъ наивеличайшее уваженіе; мнѣ нѣтъ надобности называть его по имени, вы легко его угадаете сами.

Я забыла вамъ сказать, что, съ своей стороны, я восполнила недостатокъ, или, лучше сказать, полное отсутствіе лѣкарства, которое дають въ періодъ оспопрививанія, открытіемъ трехъ или четырехъ превосходныхъ специфическихъ средствъ; я предлагаю каждому здравомыслящему человѣку отнюдь не пренебрегать ими въ подобныхъ случаяхъ. Эти средства заключаются въ томъ, чтобы заставить себя прочесть: «*Ecossaise, Candide, l'Ingeniu, l'Homme aux quarante écus и la Princesse de Babylone*». При употребленіи этихъ медикаментовъ не ощущается ни малѣйшей боли.

Р. S. Три недѣли, какъ было уже написано это письмо; оно дождалось рукописи; для переписки и провѣрки ея потребовалось столько времени, въ теченіи котораго я успѣла получить ваше письмо, м. г., отъ 15-го ноября.

Если мнѣ удастся вести войну съ турками съ тою же легкостью, съ какою мнѣ удалось ввести у себя оспопрививаніе, то вы рискуете быть вынужденнымъ, въ весьма скоромъ времени, исполнить выраженное вами мнѣ обѣщаніе; посѣтить меня въ той самой норѣ, про которую говорятъ, что она неминуемо приводитъ къ гибели всякаго, кто задумывалъ ею овладѣть. Одного этого уже достаточно, чтобы избавить отъ подобнаго искушенія каждаго, у кого бы оно появилось.

Я не знаю, на сколько Мустафа уменъ, но имѣю основаніе думать, что, когда онъ желаетъ затѣвать безпричинныя войны съ своими сосѣдями, то, вѣроятно, онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «Магометъ, закрой глаза!» Я въ значительной степени буду обязана моимъ завистникамъ, если успѣхъ этой войны склонится на нашу сторону; это они, стало быть, подготовятъ мнѣ славу, о которой я и не помышляла. Тѣмъ хуже для Мустафы, если онъ не любитъ ни стиховъ, ни комедій. Онъ жестоко попадется, если мнѣ удастся задать туркамъ спектакль, подобный тому, который такъ хорошо разыгрываетъ труппа Паоли. Не знаю, владѣть-ли этотъ послѣдній французскимъ языкомъ, но онъ отлично умѣетъ отстаивать свое пепелище и свою независимость. Относи-

тельно мѣстныхъ новостей, прибавлю вамъ, что здѣсь все, безъ исключенія, стремятся къ оспопрививанію, что на-дняхъ даже одинъ епископъ изъявилъ желаніе подвергнуть себя этой операціи и что, въ продолженіи одного мѣсяца, здѣсь привили оспу гораздо большому числу лицъ, нежели въ Вѣнѣ, въ продолженіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ. Я не умѣю, право, выразить вамъ всю мою признательность за все то, что вы съ такою любезною обязательностью высказываете мнѣ и, въ особенности, за ваше живѣйшее участіе, съ которымъ вы относитесь ко всему, касающемуся меня. Будьте увѣрены, что я глубоко цѣню и дорожу вашимъ чувствомъ уваженія и что никто болѣе не почитаетъ васъ, какъ Екатерина.

Я берусь снова за перо и прошу васъ оберегать себя этой шубой отъ сѣвернаго вѣтра и альпійской свѣжести, которыя, какъ мнѣ передавали, тревожатъ васъ не мало. Прощайте. Къ вашему приѣзду въ Константинополь, я позабочусь приготовить роскошное женское платье, подбитое богатѣйшими сибирскими мѣхами, въ которомъ и выйду навстрѣчу вамъ. Этотъ покрой и удобнѣе, и значительно красивѣе, нежели та узкая мода платьевъ, которой слѣдуетъ вся Европа и въ которыя ни одинъ скульпторъ не рѣшается одѣть своихъ статуй, изъ опасенія представить ихъ въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ.

8-19-декабря (1768 г.)

— М. г., податель этого письма вручить вамъ три пакета за номерами 1, 2 и 3.

Вскрывъ первый, вы узнаете, что заключается въ двухъ другихъ. Прошу у васъ тысячу извиненій, что я такъ долго медлила; сотни разныхъ вещей соединились вмѣстѣ, чтобы помѣшать мнѣ пересылку вамъ этихъ бумагъ. Князь Козловскій, поручикъ моей гвардіи, ходатайствовалъ какъ о высшей для себя милости, быть посланнымъ въ Фернэ. Я весьма благодарна ему за это. Еслибы я была на его мѣстѣ, я поступила бы точно также.

Прощайте, будьте здоровы и увѣрены, что никто не принимаетъ большаго участія во всемъ, что касается васъ, какъ
Екатерина

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фервэ, февраль (1769 г.)

Cette belle et noire pelisse
 Est celle qui perdit le pauvre Moustapha,
 Quand notre brave impératrice
 De ses musulmans triompha;
 Et ce beau portrait que voilà,
 C'est celui de la bienfaitrice
 Du genre humain, qu'elle éclaira.

Вотъ что я воскликнулъ, государыня, при видѣ каф-
 тана, которымъ Ваше Императорское Величество изволили
 пожаловать меня, чрезъ посредство князя Козловскаго,
 Капиджи-баши вашихъ янычаръ, и въ особенности когда
 я увидалъ обточенную вашими прекрасными и августѣй-
 шими руками коробочку, украшенную кромѣ того портре-
 томъ вашимъ.

Qui le voit et qui le touche
 Ne peut borner ses sens à le considerer;
 Il ose y porter une bouche
 Qu'il n' ouvre désormais que pour vous admirer.

А когда сдѣлалось извѣстнымъ, что коробка эта—произ-
 веденіе вашихъ собственныхъ рукъ, всѣ бывшіе въ это
 время въ комнатѣ у меня воскликнули вмѣстѣ со мной:

Ces mains, que le ciel a formées
 Pour lancer les traits des Amours,
 Ont préparé déjà ces fleches enflammées,
 Ces tonnerres d'airain dont vos fieres armées
 Au monarque sarmate assurent des secours;
 Et la Gloire a crié, de la tour bysantine,
 Aux peuples enchantés que votre nom soumet:
 Victoire à Catherine;
 Nasarde à Mahomet.

Гдѣ то время когда императоръ Германскій, при подобныхъ же обстоятельствахъ, посылалъ свои арміи въ Бѣлградъ, а венеціанцы своимъ флотомъ покрывали воды Пелопонеза? Ну, чтожь государыня, слава будетъ принадлежать вамъ одной. Стоитъ вамъ только показаться съ своей арміей гдѣ нибудь около Кіови (Кіевъ) или гдѣ нибудь подальше, и я ручаюсь вамъ, что въ рядахъ вашихъ каждый солдатъ превратится въ непобѣдимаго героя. А попробуй Мустафа показаться съ своими, онъ ихъ превратитъ въ жирныхъ свиней, подобныхъ ему самому.

Какая дуралцкая гордость гнѣздится въ этой головѣ, разукрашенной чалмой съ султаномъ! Не обязанность ли всѣхъ государей Европы взяться за отищеніе права народовъ, которое Оттоманская Порта попираетъ ежедневно съ надменною грубостью!

Недостаточно вести съ этими варварами благопріятную войну и закончить ее тѣмъ или другимъ счастливымъ мирнымъ договоромъ; недостаточно также унижить этихъ варваровъ, ихъ надо изгнать въ Азію навсегда *).

Ферна, 26 го февраля (1769 г.)

— Какъ! государыня, въ то время, когда Ваше Императорское Величество собирается бить турецкаго султана, вы находите возможнымъ созидать еще уложеніе христіанскихъ законовъ! Я прочитываю въ настоящую минуту прелиминарную инструкцію, любезно присланную мнѣ Вашимъ Величествомъ. Ликургъ и Солонъ охотно подписались бы подъ произведеніемъ вашихъ рукъ и, быть можетъ, сами едвали были-бы въ состояніи произвести нѣчто подобное. Все въ немъ ясно, точно, твердо цѣлесообразно и вполне гуманно. Въ храмѣ Славы законодате-

*) При этомъ письмѣ Вольтеръ отправилъ Императрицѣ записку одного французскаго офицера, съ предложеніемъ проекта возобновить въ этой войнѣ съ турками употребленіе военныхъ колесницъ, совершенно покинутыхъ со времени мидійской войны.

лямъ принадлежитъ первое мѣсто, побѣдители слѣдуютъ за ними. Будьте увѣрены, что въ памяти потомства никто не стяжаетъ себѣ большаго имени, нежели вы; но, всетаки, заклинаю васъ именемъ Бога, отколотите турокъ, нисколько не обращая при этомъ вниманія на папскаго нунція, пребывающаго въ Польшѣ, и такъ хорошо съ ними оттуда ладящаго.

De tous les préjugés destructrice brillante,
 Qui du vrai dans tout genre embrassez le parti,
 Soyez la fois triomphante
 Et du saint-père et du mufti.

Эге! государыня, какой прекрасный урокъ преподнести Ваше Императорское Величество всему, нашему французскому свѣтскому обществу, нашимъ ученымъ мудрецамъ, засѣдающимъ въ Сорбонѣ, нашимъ Эскулапамъ пребывающимъ въ медицинской школѣ! Вы съ гораздо меньшими приготовлениями рѣшились привить себѣ оспу, нежели любая монахиня ставить себѣ промывательное. Вашему примѣру послѣдовалъ уже императорскій наслѣдникъ. Графъ Орловъ по снѣгу идетъ на охоту послѣ прививки оспы: такъ развѣ поступилъ-бы только Циціонъ, еслибъ болѣзнь эта, явившаяся къ намъ изъ Аравіи, была извѣстна въ его время.

А что касается насъ, то, чтобы привить намъ оспу, едва не потребовалось для этого постановленіе парламента. Я не знаю, право, что приключилось съ нашей націей, подававшей въ прежнія времена великіе примѣры во всемъ; но теперь мы являемся въ иныхъ случаяхъ совершенными варварами, а въ другихъ—крайне малодушными.

Я дряхлый и больной семидесятипятилѣтній старикъ, государыня. Я, можетъ быть, болтаю слишкомъ много вздора, но за то, покрайней мѣрѣ, я высказываю то, что думаю; а, вѣдь, это случается довольно рѣдко, когда приходится говорить съ особами вашего сорта. Передо мною на бумагѣ Императорское величіе исчезаетъ передъ личностью человѣка. Сила моего энтузіазма беретъ верхъ надъ глубиною чувства уваженія.

Фернэ, 27-го мая (1769 г.)

— Письмо, которымъ Ваше Императорское Величество почтили меня отъ 15-го числа апрѣля мѣсяца, принесло мнѣ болѣе пользы, чѣмъ самъ май мѣсяць. Хорошая погода отчасти оживляетъ старцевъ, но извѣстія о вашихъ успѣхахъ придають мнѣ новыя силы. Вы удостоиваете сказать мнѣ, что чувствуете мою глубокую преданность вамъ; да, государыня, я дѣйствительно глубоко преданъ вамъ и долженъ быть вамъ преданъ вполне независимо отъ всѣхъ вашихъ милостей ко мнѣ; чтобъ не быть глубоко тронутымъ всѣмъ великимъ и полезнымъ, что вы творите, нужно быть для этого рѣшительно нечувствительнымъ человѣкомъ. Я не знаю, найдется-ли въ вашемъ государствѣ хотя одинъ человѣкъ, который слѣдилъ-бы съ большимъ участіемъ, чѣмъ я, за успѣшнымъ осуществленіемъ всѣхъ вашихъ начинаній.

Позвольте сказать вамъ, безъ особеннаго хвастовства, что, раздѣляя вполне всѣ взгляды ваши на все то, чѣмъ ознаменовалось ваше царствованіе, я разсматривалъ и относился къ этому, какъ къ событіямъ, касавшимся меня въ нѣкоторомъ родѣ лично. Колонизація, развитіе всѣхъ родовъ искусства, созданіе добрыхъ законовъ и терпимости—все это мои завѣтныя страсти; и это до такой степени вѣрно, что когда я самъ въ своей глухой, безвѣстной деревушкѣ началъ учетверять ничтожное число ея жителей, строить имъ дома, цивилизовать дикое населеніе и проповѣдывать вѣротерпимость—то я едва не сдѣлался жертвою весьма жестокаго преслѣдованія со стороны поповъ. Отвратительная казнь кавалера де-ла-Барра, о которой Ваше Императорское Величество, безъ сомнѣнія, слышали и, конечно, содрогнулись, возбудила во мнѣ столь глубокий ужасъ, что я готовъ былъ тогда покинуть совершенно Францію и вернуться снова къ прусскому королю. Но теперь я скажу, что я желалъ-бы кончить свои послѣдніе дни въ государствѣ гораздо болѣе великомъ.

Пусть судить теперь Ваше Императорское Величество, до какой степени я долженъ быть огорченъ при видѣ того,

какъ турки вынуждаютъ васъ пріостановиться въ вашихъ великихъ миротворческихъ предначертаніяхъ, ради войны, которая все таки, въ концѣ-концовъ, должна оказаться только обременительною для расходовъ государства и, въ сущности, отвлечетъ отчасти вниманіе вашего генія и отниметъ у васъ время.

За нѣсколько дней до полученія письма, за которое приношу Вашему Величеству глубоко прочувствованную благодарность, я писалъ къ графу Шувалову, къ камергеру вашего двора, чтобы узнать: дѣйствительно-ли правда, что Азовъ уже находится въ вашихъ рукахъ. Теперь-же я радуюсь, что вы уже владѣете также и Таганрогомъ.

Еслибъ Богу угодно было даровать Вашему Императорскому Величеству грозный флотъ на Черномъ морѣ! Вы не ограничились-бы тогда, безъ всякаго сомнѣнія, одной оборонительной войной; что Мустафа будетъ бить и на морѣ, и на сушѣ—я надѣюсь на это крѣпко. Я знаю, что янычары сльвуть за весьма хорошихъ солдатъ, но полагаю, что ваши значительно лучше. У васъ есть прекрасные генералы, хорошіе офицеры, у турокъ же ихъ нѣтъ: чтобы создать ихъ, имъ нужно еще время.

И потому, судя по всѣмъ видимостямъ, надо полагать, что вы выйдете побѣдительницей. Первые ваши успѣхи устанавливають уже репутацію оружія, а отъ этой репутаціи зависитъ многое. Ваше личное присутствіе можетъ сдѣлать еще больше. Я ни малѣйшимъ образомъ не изумлюсь, если Ваше Величество сдѣлаетъ смотръ своей арміи на пути къ Адрианополу; это достойно васъ. Не для заурядныхъ дѣлъ создана законодательница Сѣвера. Вашему духу свойственно такое мужество, на основаніи котораго я могу на все надѣяться.

Я снова видѣлся съ тѣмъ старымъ офицеромъ, который предлагалъ во время войны 1756 г. ввести въ употребленіе военныя колесницы. По приказанію военнаго министра, графа д'Аржансона, былъ сдѣланъ опытъ съ ними. Но, въ виду того, что примѣненіе этого изобрѣтенія могло быть успѣшно только въ обширныхъ равнинахъ, каковы напр., равнины Лютцена, этимъ изобрѣтеніемъ не воспользовались.

Изобрѣтатель продолжаетъ утверждать, что какая нибудь полдюжина такихъ колесницъ, предшествуя отряду кавалеріи или пѣхоты, была бы въ состояніи разстроить совершенно янычаръ Мустафы, и неудача могла бы явиться въ томъ случаѣ, еслибъ онѣ встрѣтили передъ собой кавалерію. На сколько это вѣрно—не знаю. Я ничего не понимаю въ этомъ смертоубійственномъ ремеслѣ, совѣтъ не пригоденъ для составленія проектовъ и прошу только Ваше Величество простить мнѣ мое усердіе. Кромѣ того, въ одной книгѣ *), которая никогда не говоритъ неправды, сказано, что у Соломона было двѣнадцать тысячъ военныхъ колесницъ въ такой странѣ, въ которой до него никогда не существовало ничего, кромѣ ословъ.

И сказано еще въ прекраснѣйшей книгѣ Судей **), что Адонаисъ былъ побѣдителемъ въ горахъ; но что въ долинахъ онъ былъ побѣжденъ, потому что у жителей были военныя колесницы.

Я весьма далекъ отъ того, чтобы желать созданія лиги противъ турокъ; крестовые походы оказались столь смѣхотворными, что не представляется никакой возможности возвращаться къ нимъ; но, признаюсь, еслибъ я былъ венеціанцемъ, я подалъ бы, все таки, мнѣніе о посылкѣ вооруженныхъ силъ на островъ Кандію, въ то время какъ Ваше Величество громили бы турокъ около Яссъ, или гдѣ нибудь тамъ, въ другомъ мѣстѣ; еслибъ я былъ Римскимъ императоромъ, Боснія и Сербія весьма скоро увидали бы меня у себя, а затѣмъ я пригласилъ бы васъ на ужинъ въ Софію, или въ Румелійскій Филиппополь, и послѣ всего этого мы подѣлились бы подружески.

Я бы умолялъ васъ пригласить только къ ужину папскаго нунція, пребывающаго въ Польшѣ, который такимъ святѣйшимъ образомъ напустилъ турокъ на всякую терпимость, ибо я разумѣю, что онъ будетъ также вашимъ плѣнникомъ. Я полагаю, что, Ваше Величество объяснили бы ему тогда нѣжно и толково, сколь гнусно и безчестно

*) Библия; III книга Царей; IV, 26; и II Паралич., IX, 25

**) I, 19.

возбуждать гражданскую войну для того, чтобы отнять у диссидентовъ тѣ права, которыя даетъ имъ отечество, и чтобы лишить ихъ той свободы, которую дала имъ природа и которую имъ возвратили ваши милости. Я не знаю ничего позорнѣе и подлѣе этого въ нашемъ вѣкѣ. Говорятъ, что польскимъ иезуитамъ принадлежитъ значительнѣйшая доля въ устройствѣ непрерывныхъ Вареоломеевскихъ ночей, которыя такъ жестоко опустошаютъ эту несчастную страну. Мое единственное утѣшеніе заключено въ надеждѣ, что всѣ эти отвратительныя и безчестныя дѣла послужатъ къ вашей славѣ: въ противномъ случаѣ, или я ошибаюсь жестоко, или же ваши враги добьются только одного, что на медаляхъ, выбитыхъ въ честь вашу, будетъ выгравировано: Побѣдительницѣ Оттоманской имперіи и умиротворительницѣ Польши.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 3—14 іюля 1769 г.

М. г., я получила 20-го іюня ваше письмо отъ 27-го мая. Я обрадовалась, узнавъ, что весна возобновила ваше здоровье, хотя вѣжливость и заставляетъ васъ говорить, что этому способствовали мои письма. Я тѣмъ не менѣе, не дерзаю приписывать имъ такого добродѣтельнаго свойства. Будьте довольны и этимъ, ибо могло случиться, что вы ихъ получали бы столь часто, что, наконецъ, они вамъ наскучили бы.

Всѣ ваши соотечественники, м. г., совсѣмъ иного мнѣнія обо мнѣ, нежели вы; я знаю между ними такихъ, которые весьма охотно убѣждаютъ себя въ невозможности, чтобъ я могла сдѣлать, что либо хорошее, и которые всячески насилуютъ свой умъ, чтобы убѣдить въ этомъ и другихъ: и горе-же ихъ сателлитамъ, если они, вопреки получаемымъ вдохновеніямъ, осмѣлятся думать иначе. Я склонна думать, что этимъ самымъ они признаютъ превосходство мое надъ ними, потому что тотъ, кто составляетъ себѣ представленіе о дѣлахъ по рѣ-

чамъ своихъ льстецовъ, знаетъ ихъ дурно, видитъ ихъ въ фальшивомъ свѣтѣ и дѣйствуетъ, стало быть, въ такомъ-же направленіи. А такъ какъ въ заключеніе всего, слава моя зависитъ не отъ нихъ, а отъ моихъ принциповъ и моихъ дѣйствій, то я утѣшаюсь тѣмъ, что не нуждаюсь въ ихъ одобреніи. Въ качествѣ-же доброй христіанки, я прощаю имъ и скорблю о тѣхъ, кто мнѣ завидуетъ.

Вы говорите, что раздѣляете вполне мои взгляды на то, что мною уже сдѣлано, и принимаете живѣйшее участіе въ моихъ дѣлахъ. Ну, такъ узнайте-же, что, вопреки всѣмъ увѣреніямъ кельнскаго газетчика, моя прелестная Саратовская колонія достигаетъ уже теперь до двадцати семи тысячъ душъ, что ей рѣшительно нечего опасаться какихъ-либо набѣговъ со стороны турокъ, татаръ и т. п., что въ каждой общинѣ имѣется своя церковь, что колонисты мирно воздѣлываютъ свои поля и что цѣлыхъ тридцать лѣтъ имъ не придется платить никакихъ податей и повинностей.

Надо вамъ замѣтить, сверхъ того, что, вообще, наши повинности столь малы, что въ Россіи нѣтъ крестьянина, который-бы не ѣлъ курицы, когда это ему угодно, а съ нѣкотораго времени въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они стали даже предпочитать курицамъ индюшекъ; что разрѣшеніе отпуска хлѣба съ нѣкоторыми ограниченіями, направленными противъ злоупотребленій, нисколько не стѣсняющими самой торговли, поднявъ цѣнность этого продукта, вліяетъ такъ хорошо на положеніе землепашца, что земледѣліе годъ отъ году увеличивается, а населеніе во многихъ провинціяхъ въ продолженіе семи лѣтъ увеличилось также на одну десятую. Правда, мы воюемъ теперь, но, вѣдь, Россія издавна уже привыкла заниматься этимъ ремесломъ и потому-то она выходитъ изъ каждой новой войны еще болѣе, сравнительно, цвѣтущею.

Наша законодательная работа идетъ своимъ чередомъ: законы вырабатываются потихоньку.

Правда, что работа эта отошла теперь на второй планъ, но отъ этого она ничего не потеряетъ. Вырабо-

тываемыя законоположенія отличаются терпимостью; никого они не будутъ ни преслѣдовать, ни убивать, ни сжигать. Да сохранить насъ Богъ отъ исторіи, подобной исторіи кавалера де-Ла-Барра! Судей, которые осмѣлились-бы совершить подобную процедуру, у насъ заключили-бы въ сумасшедшій домъ.

Со времянь открытія военныхъ дѣйствій, я совершила два новыхъ предпріятія: я строю Азовъ и Таганрогъ, гдѣ имѣется начатый и разрушенный Петромъ I портъ. Вотъ два драгоценныхъ камня, которые я хочу вдѣлать въ оправу и которые, по всей вѣроятности, придутся не по вкусу Мустафѣ. Говорятъ, что этотъ несчастный, то и дѣло, плачетъ. Друзья втянули его въ эту войну, вопреки его желаніямъ и на его собственный рискъ. Войска его начали съ того, что принялись жечь и грабить свою собственную страну: при выступленіи янычаръ изъ столицы, тамъ оказалось болѣе тысячи человѣкъ убитыми; посланника императора, его жену и дочерей избили, ограбили и передъ самыми глазами султана и визиря волокли за волосы, и никто не посмѣлъ даже прекратить подобный безпорядокъ—такъ слабо и плохо это правительство!

И такъ, вотъ какъ ужасенъ этотъ призракъ, которымъ предполагаютъ меня утратить. Можно подумать, что человѣческій разумъ нисколько не мѣняется. Весь комизмъ крестовыхъ походовъ не могъ образумить духовенство Подоли: подстрекаемое папскимъ нунціемъ, оно начало проповѣдывать противъ меня крестовый походъ, и полоумные, сирѣчь, называемые конфедератами, взявъ въ одну руку крестъ, другою соединились съ турками, пообѣщавъ имъ за это въ награду двѣ свои провинціи, чтобы лишить, такимъ образомъ, четверть своей націи возможности пользоваться правами гражданъ. И ради этого, они жгутъ и разоряютъ свою собственную страну. Папа, благословляя ихъ на это, сулитъ имъ царствіе небесное; слѣдовательно венеціанцы и императоръ рискуютъ быть отлученными, я думаю, если возмутся за оружіе противъ турокъ, которые являются въ настоящее время въ роли защитниковъ крестоносцевъ про-

тивъ того, кто не имѣеть ни малѣйшаго соотношенія къ римской церкви.

Вы увидите сами скоро, что никто, какъ только папа опять воспротивится вашему ужину, который вы мнѣ предлагаете въ Софіи. Вычеркните, пожалуйста, Филиппополь изъ числа городовъ, ибо онъ еще нынѣшнею весною превращенъ былъ въ пепель оттоманскими войсками, проходившими черезъ него, за то, что имъ хотѣли помѣшать разграбить его.

Прощайте, будьте увѣрены, что я питаю къ вамъ совершенно особое уваженіе и почтеніе.

Екатерина.

Петербургъ, 4-го 15-го августа 1769 г.

— Я получила, м. г., ваше прекрасное письмо отъ 26-го февраля; я сдѣлаю все возможное, чтобы послѣдовать вашимъ совѣтамъ. Если Мустафа еще не побить, то это, рѣшительно, не ваша, и не моя вина, и не вина моей арміи; солдаты мои идутъ на войну съ турками совершенно такъ, какъ-бы они шли на свадьбу.

Еслибы вы могли представить себѣ всѣ тѣ затрудненія, въ которыя попалъ этотъ несчастный Мустафа, вслѣдствіе необдуманнаго шага, который его заставили сдѣлать, противъ желаній его Дивана и наиболѣе разсудительныхъ людей, вы, навѣрное, не могли-бы удержаться, подчасъ, отъ чувства жалости къ этому человѣку, и, притомъ, къ человѣку, находящемуся въ весьма плохихъ обстоятельствахъ.

Ничто болѣе не могло-бы мнѣ доказать, съ какою дѣйствительною искренностью относитесь вы къ тому, что касается меня, какъ то, что вы пишете мнѣ по поводу этихъ ново-изобрѣтенныхъ колесницъ; но бѣда въ томъ, что наши военные люди совершенно тѣ-же самые, что и военные другихъ странъ: новости неиспытанныя кажутся имъ сомнительными.

Живите и наслаждайтесь извѣстіями, какъ мои храбрые войны будутъ бить турокъ. Вы знаете, я думаю, что

Азовъ, находящійся при устьѣ Танаиса, уже занятъ моими войсками. Въ силу послѣдняго мирнаго договора, это мѣсто должно было оставаться покинутымъ и не занимаемымъ, какъ той, такъ и другой стороною: по газетамъ вы знаете, вѣроятно, что, когда татары вздумали грабить Украину, мы разсѣяли ихъ на три различныя стороны; на этотъ разъ они вернулись сюда въ столь-же обнищаломъ видѣ, какъ они вышли изъ Крыма. Я говорю «обнищальными», потому, что ихъ плѣнники, которые у насъ въ рукахъ, покрыты не одеждами, а какими то лохмотьями. Если имъ не посчастливилось у насъ, какъ имъ хотѣлось, то за то они вознаградили себя въ Польшѣ. Правда, что туда они пожаловали по приглашенію своихъ союзниковъ, покровительствуемыхъ паускимъ нунціемъ.

Я очень огорчена тѣмъ, что ваше здоровье не отвѣчаетъ моимъ желаніямъ; если только военные успѣхи моихъ армій могутъ, съ своей стороны, способствовать къ его восстановленію, то я не замедлю тотчасъ-же подѣлиться съ вами пріятными извѣстіями, которыя получу. Благодареніе Богу, до сихъ поръ я имѣю только очень хорошія; со всѣхъ сторонъ меня извѣщаютъ: чтобы ни показалось турецкаго или татарскаго, а, въ особенности, изъ среды мятежниковъ Польши, все оказывается жестоко битымъ. Скоро я надѣюсь получить извѣстія о чемъ-либо болѣе рѣшительномъ, чѣмъ эти частныя стычки между легкими отрядами.

Остаюсь съ моимъ особеннымъ къ вамъ уваженіемъ
и пр.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Феврѣ, 2-го сентября (1769 г.)

Письмо, которымъ Ваше Императорское Величество почтили меня, отъ 14-го іюля, привело въ рѣшительный восторгъ стараго рыцаря воинственной Томирисы, передъ которой даже древняя Томириса положительно значила-

бы теперь весьма мало. Какъ это великолѣпно дать возможность процвѣтать столь многочисленной колоніи, какова Саратовская, и не взирая ни на турокъ, ни на *Gazette de Cologne* и *Couurier d'Avignon*.

Два вашихъ драгоцѣнныхъ камня, Азовъ и Таганрогъ, выпавшіе изъ короны Петра Великаго, послужатъ наилучшими украшеніями вашего вѣнца, и, какъ я полагаю, Мустафѣ никогда не удастся испортить ихъ въ вашемъ головномъ уборѣ.

Какъ я ни старъ, но меня живо интересуютъ тѣ черкешенки, которыя приносили Вашему Величеству присягу на вѣрность и которыя, по всей вѣроятности, также точно поклялись бы и своимъ любовникамъ. Благодареніе Богу, Мустафѣ не заполучить ихъ. И та и другая часть, составляющія родъ человѣческой, поставлены, такимъ образомъ, въ обязательныя къ вамъ отношенія.

Совершенно вѣрно, что у Вашего Величества два величайшихъ врага: это—папа и падишахъ турецкій. Императоръ Константинъ, конечно, былъ далекъ отъ мысли, чтобъ когда-нибудь Римъ могъ принадлежать попу и что свою столицу онъ строилъ для турокъ. Но, точно также, онъ не предвидѣлъ, чтобъ когда-либо около Москвы и Невы образовалась имперія столь же могущественная какъ и его.

Что среди польскихъ конфедератовъ находится горсть фанатиковъ, обольщенныхъ и ослѣпленныхъ монахами—это отлично понимаетъ старый вашъ рыцарь, государыня. Что крестовые походы были смѣшны—это такъ; но, чтобъ султанъ турецкій, по милости папскаго нунція, могъ начать крестовый походъ противъ васъ, это—достойно занять мѣсто въ любомъ итальянскомъ фарсѣ. Тутъ какая-то смѣсь и отвратительнаго и до крайности нелѣпаго, ни на что не похожаго: хотя я ничего не понимаю въ дѣлахъ политическихъ, но я, тѣмъ не менѣе, подозреваю, что среди всего этого сумасбродства дѣйствуютъ люди, питающіе кое-какіе глубокіе замыслы. Еслибъ Ваше Величество имѣли въ виду только одну славу, никто не рѣшился-бы мѣшать вамъ наслаждаться ею, такъ какъ вы заслужили

ее достаточно; но, повидимому, существует нежеланіе, чтобъ ваше могущество сдѣлалось равносильно вашему величію: говорятъ, что это чрезчуръ ужь много за разъ. Вызывать чувства восхищенія въ людяхъ невозможно никакимъ образомъ, не возбуждая при этомъ зависти въ другихъ.

Я вижу, государыня, что въ этомъ году мнѣ не придется ухаживать за Вашимъ Величествомъ во владѣніяхъ Мустафы,—этого достойнаго союзника папы. Мое путешествіе приходится отложить до будущаго года. Мнѣ стукнетъ, по правдѣ сказать, семьдесятъ семь лѣтъ, а у меня нѣтъ уже и той силы, что есть у любого Турка; но, я не предвижу ничего такого что могло бы мнѣ помѣшать съ наступленіемъ прекрасныхъ дней, отправиться привѣтствовать звѣзду Сѣвера и проклинать полумѣсяць. М-*me* Geoffrin совершила же прекраснѣйшимъ образомъ путешествіе въ Варшаву, почему не предпринять послѣ этого и мнѣ путешествіе въ Петербургъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ? Я прибуду въ іюнѣ и вернусь оттуда въ сентябрѣ: а еслибы случилось, что я умерь-бы дорогою, то я велю себѣ сдѣлать надпись на моей маленькой могилѣ: Здѣсь покойтся прахъ поклонника великой Екатерины, того, который имѣлъ честь умереть на дорогѣ, отправляясь къ ней, чтобы выразить ей чувства своего глубокаго уваженія.

Склоняюсь къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.
Фернейскій пустынный.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 11-го—22-го сентября 1769 г.

Я видѣлъ, м. г., изъ вашего письма къ графу Шувалову, что предполагаемое опустошеніе новой Сербіи, о которомъ фанатическія газеты столько проповѣдовали, васъ нѣсколько встревожило; однако, вполне достоверно, что татары, хотя и напали на наши границы съ трехъ сто-

ронъ, нашли вездѣ должное сопротивленіе и удалились, не причинивъ значительнаго вреда. Вся эта экспедиція длилась только три дня, во время страшнаго мороза, соединившагося съ вѣтромъ и снѣгомъ; отчего татары и потерѣли большія потери, какъ людей, такъ и лошадей.

Но, что вы скажете, когда узнаете, что прекрасныя черкешенки, вознегодовавшія на постоянное заключеніе въ константинопольскомъ сералѣ, какъ животныя въ конюшнѣ, убѣдили своихъ братьевъ подчиниться Россіи? Дѣло въ томъ, что горные черкесы принесли мнѣ присягу на вѣрность. Это тѣ, которые живутъ въ странѣ, называемой Кабардой. Произошло это вслѣдствіе побѣды, одержанной нашими калмыками съ поддержкой регулярныхъ войскъ, надъ татарами кубанскими, подданными Мустафы и живущими въ странѣ, по которой протекаетъ рѣка того-же имени за Танаисомъ.

Прощайте; будьте здоровы и будемъ вмѣстѣ смѣяться надъ Мустафою—побѣдителемъ.

Екатерина.

Кстати, я слышала, будто въ Константинополѣ и Парижѣ запретили продавать мой наказъ.

Петербургъ, 15-го—26-го сентября (1769 г.)

— М. г., для меня ничего не можетъ быть болѣе лестнаго, какъ то путешествіе, которое вы задумываете предпринять, чтобы посѣтить меня: но я дурно отплатила бы вамъ за ваши дружескія чувства, которыя вы мнѣ этимъ доказываете, еслибъ не сдумѣла забыть на время чувство удовольствія, которое доставляетъ мнѣ возможность видѣть васъ, ради безпокойства, которое возбуждается во мнѣ при мысли, чему вы можете подвергнуть себя въ теченіи столь долгаго и утомительнаго путешествія. Слабое и нѣжное здоровье ваше — мнѣ хорошо извѣстно; я въ восторгѣ отъ вашего мужественнаго намѣренія, но еслибъ, къ несчастію, путешествіе такого рода вдругъ разстроило ваше здоровье, то ничто не утѣшило бы меня никогда; ни сама я себѣ, ни вся Европа, никто —

не простилъ-бы мнѣ этого. И еслибъ когда-либо пришла надобность воспользоваться той эпитафіей, которую вамъ угодно было сочинить и которую вы такъ любезно адресуете, то все обратилось бы тогда съ упрекомъ ко мнѣ за то, что я подвергнула васъ подобной опасности. Помимо всего этого легко можетъ случиться, м. г.,—если только положеніе вещей останется таковымъ, какъ оно есть,—что дѣловые интересы мои потребуютъ моего личнаго присутствія въ южныхъ провинціяхъ имперіи, а это удвоило-бы тогда вашъ путь и всѣ неизбѣжныя съ такимъ разстояніемъ дорожныя неудобства.

Тѣмъ не менѣе, примите, м. г., увѣреніе въ моемъ совершеннѣйшемъ къ вамъ уваженіи, съ которымъ я имѣю и т. д.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

17-го октября (1769 г.)

Государыня, дряхлый и недостойный рыцарь Вашего Императорскаго Величества былъ совершенно подавленъ тысячею фальшивыхъ и невѣрныхъ слуховъ, разносившихся съ разныхъ сторонъ и глубоко его огорчившихъ. И вотъ вдругъ раздается съ разныхъ концовъ отрадное извѣстіе, что ваша армія разбила на голову рабовъ Муштафы, на берегахъ Днѣстра. Я оживаю, я молодѣю! Моя законодательница — побѣдоносна. Та, которая устанавливаетъ повсюду терпимость, вызываетъ къ жизни искусства, наказала враговъ искусствъ: она увѣнчана лаврами и всецѣло наслаждается своею славой. Ахъ! государыня, побѣда эта — была очень необходима; людскія сужденія создаются только на основаніи успѣховъ. Зависть разбита, наконецъ. Въ отвѣтъ на выигранную битву сказать ничего нельзя: лавры, вѣнчающіе мудрую голову, производятъ наилучшій эффектъ въ мірѣ.

Мнѣ говорили, что, будто-бы, въ рядахъ турецкой арміи есть французы; мнѣ не хочется этому вѣрить, ибо я не хотѣлъ-бы скорбѣть за своихъ соотечественниковъ. Я

зналъ, однако, одного полковника, служившаго въ Корсикѣ, у котораго было непреодолимое желаніе отправиться созерцать лошадиные хвосты; я сильно стыдилъ его за это, я доказывалъ и убѣждалъ его, сколь желаніе его было мало христіанскимъ; я выставилъ ему на видъ все превосходство Новаго Завѣта передъ Алкораномъ; но болѣе всего я убѣждалъ его, ссылаясь на то, что драться на ряду съ негодыями, держащими на запорѣ женщинъ, и противъ величайшей героини нашихъ дней—значитъ совершить величайшее преступленіе противъ всѣхъ правилъ французской порядочности и вѣжливости. Съ тѣхъ поръ, я болѣе ничего не слышалъ о немъ. Если-жъ онъ находится въ числѣ вашихъ плѣнниковъ, то я молю Ваше Императорское Величество приказать ему явиться ко мнѣ на показаніе; пусть онъ присутствуетъ въ моемъ маленькомъ замкѣ на моемъ Те Деум'ѣ, или, вѣрнѣе сказать, на моемъ Те Деум'ѣ и пусть онъ во всеулышаніе объявить, кромѣ того, что Мустафа недостоинъ даже того, чтобъ разуть Ваше Величество.

Достанетъ-ли у меня еще довольно голоса, чтобы воспѣть всѣ ваши побѣды? Я имѣю честь принадлежать къ числу членовъ вашей академіи, и потому я ея данникъ. Графъ Орловъ считается, кажется, нашимъ президентомъ? Я послалъ-бы ему какую-нибудь скучную пиндарическую оду, если-бъ не зналъ, что онъ не питаетъ особеннаго пристрастія къ стихамъ.

Вставай теперь, наслѣдникъ Цезарей, глава священной римской имперіи, защитникъ Латинской Церкви, вставай и иди. Вотъ прекраснѣйшій случай передъ тобой. Иди въ Боснію, Сербію, Булгарію; идите-же и вы, венеціанцы! снастите ваши корабли и поддержите великую героиню Европы.

А вашъ флотъ, государыня!.. Да руководить имъ благополучно Борей и да введетъ его затѣмъ западный вѣтеръ въ Константинопольскій проливъ! Леандръ и Геро, вы, которые еще и теперь пребываете въ Дарданеллахъ, благословите флотъ, идущій изъ Петербурга. Зависть, умолкни! народы, восхищайтесь! Такъ говоритъ

бѣдный больной въ Фернэ; но рѣчь эта—не бредъ разстроеннаго ума, а голосъ восхищеннаго сердца.

Да соизволитъ Ваше Императорское Величество принять выраженіе глубочайшаго уваженія и искренней радости вашего самаго покорнаго и самаго набожнаго пустынника.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 7—18-го октября 1769 г.

М. г., если вы скажете, что я надоѣдлива съ своими письмами, то будете совершенно правы; но пеняйте за это сами на себя. Мы неоднократно выражали желаніе получить извѣстіе о поражении Мустафы; ну, такъ знайте-же, этотъ побѣдоносный турецкій императоръ потерялъ теперь всю свою Молдавію. Яссы—взяты; визарь въ страшномъ смятеніи бѣжалъ за Дунай. Вотъ что привезъ мнѣ курьеръ сегодня, по утру, и что заставить, наконецъ, умолкнуть и «Gazette de Paris», и «Courrier d'Avignon», и папскаго нунція, пишущаго въ «Gazette de Pologne».

Прощайте, будьте здоровы и увѣрены, что я глубоко цѣню вашу дружбу.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 30-го октября (1769 г.)

Ваше Императорское Величество, убивая турокъ, возвращаете меня къ жизни. Письмо, которымъ вы почтили меня, отъ 22-го сентября, заставило меня соскочить больного съ постели, съ крикомъ: «Аллахъ! Екатерина!» Я правъ, стало быть; я сталъ пророкомъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ Магометъ: Богъ и побѣдоносныя войска ваши услышали, значить, голосъ мой, когда я пѣлъ: *Te Catharinam laudamus, te dominam confitemur*. Архангелъ Гавріиль возвѣстилъ мнѣ о полномъ поражении оттоманской арміи, о взятіи Хотина и перстомъ своимъ указалъ мнѣ путь въ Яссы.

Положительно, государыня, я внѣ себя отъ восторга, я просто въ восхищеніи, я глубоко васъ благодарю, и къ окончательному дополненію моего счастья я долженъ вамъ сказать, что всей этой славой вы обязаны всецѣло г. Нунцію. Вамъ не удалось-бы отомстить за Европу, еслибъ онъ не спустилъ съ цѣпи турецкій диванъ дровтивъ Вашего Величества.

Наконецъ таки, моя законодательница вполнѣ побѣдоносна. Я не знаю, дѣлались-ли какія-нибудь попытки въ Парижѣ и Константинополѣ, чтобъ уничтожить вашъ Наказъ, но я знаю только, что его слѣдовало-бы скрыть отъ глазъ нашихъ французовъ; въ немъ заключается слишкомъ позорный упрекъ намъ за нашу отжившую, варварскую и смѣшную юриспруденцію, почти отъ начала до конца основанную на папскихъ декреталяхъ и на церковной юрисдикціи.

Хотя я и не могу проникать въ ваши тайны, но отплытіе вашего флота приводитъ меня въ положительный восторгъ. Если архангелъ Гавріиль не обманулъ меня, то это задуманное предпріятіе, само по себѣ, наивеличайшее, какое только затѣвалось со временъ Ганнибала.

Позвольте переслать Вашему Величеству копію съ письма, отправленного мною къ королю Прусскому; такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь о васъ, то я считаю своимъ долгомъ представить его на судъ вашъ.

Пусть пошлетъ мнѣ Господь Богъ только здоровье, и я, конечно, не премину явиться къ вамъ, будущимъ лѣтомъ, чтобы склониться у вашихъ ногъ, государыня, хотя на нѣсколько дней, даже хотя на нѣсколько только часовъ, если уже ничего другаго я не сумѣю сдѣлать.

Да проститъ Ваше Императорское Величество беспорядочность моего письма, вызванную сильною радостью, и не откажите принять выраженіе глубокаго уваженія сердца, переполненнаго вами.

Фернейскій пустынникъ.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 29-го октября—9-го ноября (1769) г.

М. г., я была крайне опечалена, увидавъ изъ вашего обязательнаго письма, отъ 17-го октября, что тысячи разныхъ фальшивыхъ слуховъ, распространяемыхъ на нашъ счетъ, васъ сильно огорчили и встревожили. Тѣмъ не менѣе, совершеннѣйшая правда, что намъ довелось совершить самую удачную кампанію, какую только можно себѣ представить. Снятіе блокады Хотипа, вслѣдствіе недостатка фуража, было единственнымъ неуспѣхомъ, который намъ можно приписать. Но какія послѣдствія оказались изъ всего этого? Полное пораженіе тѣхъ полчищъ, которыми Мустафа выставилъ противъ насъ.

Президентомъ академіи считается не тотъ графъ Орловъ, который занимаетъ постъ главнаго начальника артиллеріи, а его меньшей братъ, научная дѣятельность котораго единственное его занятіе. Ихъ пять братьевъ; трудно назвать изъ нихъ одного, который достоинъ большаго уваженія, и рѣдко можно встрѣтить семью, связанную большими узами дружбы. Главный начальникъ артиллеріи—это второй; два другіе его брата находятся въ настоящее время въ Италиі; когда я показала ему то мѣсто вашего письма, гдѣ вы говорите, что не подозреваете его въ слишкомъ большомъ пристрастіи къ французскимъ стихамъ, то онъ отвѣтилъ мнѣ на это, что, недостаточно владѣя французскимъ языкомъ, онъ ихъ плохо понимаетъ. И я думаю, что это правда, такъ какъ онъ сильно любить поэтическія произведенія роднаго языка.

Я надѣюсь, что скоро вы будете въ состояніи сообщить мнѣ пріятныя извѣстія о моемъ флотѣ. Я думаю, что онъ уже прошелъ Гибралтаръ. Подождемъ, что онъ сдѣлаетъ; это совсѣмъ новое зрѣлище—нашъ флотъ на водахъ Средиземнаго моря. Мудрая Европа судить будетъ о немъ только по успѣхамъ его.

Признаюсь вамъ, что участіе, съ которымъ вы относитесь къ всему касающемуся насъ, служить весьма пріятнымъ удовлетвореніемъ.

Будьте увѣрены, что я глубоко цѣню чувства вашей дружбы ко мнѣ. Прошу васъ продолжать хранить ее и быть увѣреннымъ въ таковой-же съ моей стороны.

Вольтеръ Еватеринѣ II-й.

Фернэ, 28-го ноября (1769) г.

Письмо, отъ 18-го октября, которымъ Ваше Императорское Величество почтили меня, сразу помолодило меня на цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ; я превратился, такимъ образомъ, въ совсѣмъ молодаго шестидесятилѣтняго человѣка, вполне готоваго совершить походъ вмѣстѣ съ вашими войсками противъ Мустафы. Я оказался на столько слабымъ, что позволилъ опечалить себя фальшивыми извѣстіями кое-какихъ газетъ, утверждавшихъ, что турки, будто-бы, вернулись въ Хотинъ, снова овладѣли имъ и даже вторглись въ предѣлы Польши. Вы не можете себѣ представить, отъ какой ужасной, удручающей тяжести освободило меня письмо Вашего Величества.

Послѣднія пришедшія въ Марсель изъ Турціи суда передаютъ, что число недовольныхъ въ Константинополѣ возрасло такъ, что для смягченія раздающагося ропота сераль вынужденъ обратиться ко лжи,—ресурсъ печальный; обманъ обнаружится скоро, и негодование тогда усилится вдвое. Сколько-бы ни приказывали стрѣлять ради выдуманныхъ побѣдъ изъ семи-башенныхъ и тофанскихъ пушекъ, истина проникнетъ сквозь пушечный дымъ и заставитъ трепетать Мустафу, сидящаго на своихъ соболинныхъ коврахъ.

Я ни мало не удивлюсь, если услышу черезъ четыре мѣсяца, когда вашъ флотъ появится въ Дарданеллахъ, что этотъ глупѣйшій тираннъ (да проститъ онъ мнѣ это выраженіе) свергнутъ съ престола, и что преемникъ его униженно молитъ Ваше Величество даровать ему миръ. Мнѣ не принадлежитъ право читать въ книгѣ будущаго, еще менѣе проникать въ настоящее—но мнѣ трудно вообразить себѣ, чтобы венеціанцы не воспользовались столь

прекраснымъ случаемъ. Какъ мнѣ кажется, Ваше Величество нажимаете Мустафу со всѣхъ сторонъ.

Когда мечъ извлеченъ изъ ноженъ, то никто не въ состояніи уже предусмотрѣть, къ какому концу придешь. Я не пророкъ и да сохранить меня Богъ отъ этого! но давно я уже сказалъ, что если имперіи турецкой суждено быть когда-либо разрушенной, то это доведется совершить вашей странѣ. Я радуюсь, что Мустафѣ придется весьма дорого заплатить за свою христіанскую дружбу съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ. Что я знаю, вѣрнѣе всего, это то, что, благодареніе Богу, Ваше Величество покрыты побѣдной славой. И я ни мало не досажаю на тѣхъ, которые это оспаривали, такъ какъ ихъ позорное униженіе доставляетъ мнѣ слишкомъ большое удовольствіе. Не надъ одними только турками одержали вы побѣду, а также и надъ тѣми, кто осмѣливался завидовать твердости и величью вашей души, которою я всегда восхищался.

Да соблаговолятъ Ваше Императорское Величество принять мою благодарность, мою радость, мои пожеланія, мое восхищеніе вами и мое глубокое уваженіе.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ. 2-го—13-го декабря (1769) г.

М. Г., мы не только не изгнаны изъ Молдавіи и Хотина, какъ то печатаетъ Gazette de France, но нѣсколько дней тому назадъ я получила извѣстіе о взятіи Галаца, крѣпости на Дунай, во время котораго, по словамъ плѣнниковъ были убиты сераскиръ и паша. Но что совершенно вѣрно, такъ это то, что между плѣнными находится молдавскій князь Маврокордато. Три дня спустя, наша легкая кавалерія привезла изъ Бухареста, столицы Валахіи, князя господаря, его брата и сына въ Яссы, къ генераль-лейтенанту Стоффельну, начальнику порта. Всѣ эти господа проведутъ свой карнавалъ не въ Венеціи, а въ Петербургѣ. Бухарестъ занятъ теперь моими войсками. Теперь у турокъ нѣтъ ни одного мѣста въ Молдавіи по сю сторону Дуная.

Пишу вамъ всѣ эти подробности, чтобъ вы могли судить о положеніи вещей, не имѣющемъ, право, ничего печальнаго для тѣхъ, угодно интересоваться моими дѣлами.

Думаю, что мой флотъ въ Гибралтарѣ, если еще не прошелъ его: вы это узнаете скорѣе меня. Богъ да сохрани Мустафу! Онъ такъ хорошо ведетъ свои дѣла, что я не хотѣла-бы, чтобы съ нимъ случилось несчастье. Его друзья, его связи, все тому способствуетъ: его правительство такъ любимо подданными, что жители Галаца присоединились къ нашимъ войскамъ во время его осады, чтобы броситься на несчастный остатокъ турецкаго корпуса, только что ихъ покинувшаго и бѣжавшаго со всѣхъ погъ.

Вотъ, что я хотѣла вамъ сказать въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 28-го ноября, полное дружбы. Прошу васъ сохранить мнѣ ваши чувства, которыми такъ дорожу и быть увѣреннымъ въ моихъ.
Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ II-й.

Ферв, 2-го января (1770) г.

Государыня, я узнаю, что флотъ Вашего Императорскаго Величества находится въ наилучшемъ состояніи въ Портъ-Магонѣ; позвольте мнѣ выразить вамъ по этому случаю мою искреннюю радость. Говорятъ, что въ Азовѣ, по приказанію Вашего Величества, работаютъ надъ сооруженіемъ галеръ и бригантинъ. Каково будетъ изумленіе Мустафы, когда онъ увидитъ себя атакованнымъ и со стороны Понта-Эвксинскаго и со стороны Эгейскаго моря, онъ, который даже не знаетъ, что такое это море Эгейское и Эвксинское, также точно, какъ не знаютъ этого и его великій визарь и его муфтіи. Я знавала одного представителя Блистательной Порты, который былъ управляющимъ Румели; я, какъ-то, спросилъ его, что новаго въ Греціи? Онъ мнѣ отвѣтилъ на это, что никогда ничего не слыхалъ о существованіи такой страны. Я на-

чалъ ему говорить объ Афинахъ, нынѣ Сетинахъ; онъ и объ нихъ ровно столько-же слышалъ.

Я не въ силахъ отказать себѣ въ удовольствіи, что-бы не повторить Вашему Величеству, что вашъ проэктъ одинъ изъ самыхъ величайшихъ и удивительныхъ, какой когда-либо замышлялся; проэктъ Ганнибалла не можетъ даже идти въ сравненіе. Я крѣпко вѣрю, что Вашъ—будетъ счастливѣе его, и говоря серьезно: что въ состояніи вамъ противопоставить турки? Они извѣстны, какъ самые плохіе въ Европѣ моряки, а въ настоящее время они, къ тому-же, обладаютъ весьма ничтожнымъ количествомъ судовъ. Съ высоты Дарданеллъ вамъ благопріятствуютъ Леандръ и Геро.

Субъектъ, имѣвшій непреодолимое желаніе отправиться служить въ рядахъ арміи великаго визиря, не привелъ въ исполненіе своей мысли. Я совѣтовалъ ему скорѣе отправиться совершить походъ вмѣстѣ съ вашими войсками: онъ говоритъ, что ему хотѣлось видѣть какъ воюютъ турки; онъ могъ-бы это увидать еще лучше, стоя подъ вашими знаменами; онъ былъ-бы тогда свидѣтелемъ ихъ бѣгства.

Ожидается появленіе манифеста отъ грузинъ, которымъ они категорически заявляютъ о нежеланіи своемъ поставлять болѣе своихъ дѣвъ Мустафѣ. Отъ души желаю, чтобъ это была правда, и чтобъ всѣ ихъ прекрасныя дѣвы перешли въ руки вашихъ храбрыхъ офицеровъ: они ихъ заслужили вполне. Красота должна быть наградою мужеству.

Какъ я счастливъ, что войска Вашего Величества проникли, съ одной стороны, до Дуная, а съ другой—до Эрзерума! Когда я подумаю, государыня, что всѣмъ этимъ вы обязаны Римскому епископу и его апостолическому нунцію—я прославляю Господа Бога; вотъ ужъ онъ никакимъ образомъ не воображалъ, что окажетъ вамъ столь почтенныя услуги.

Благодарю Ваше Величество за то, что вы познакомили меня съ пятью братьями *), составляющими истин-

*) Орловыми.

Вольгеръ.

ное украшеніе вашего двора. Я начинаю воистину вѣрять, что они проводятъ васъ до самаго Константинополя.

Вотъ ужъ четыре мѣсяца, какъ я написалъ два письма графу Шувалову: отвѣта до сихъ поръ никакого. Гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ Вашимъ Величествомъ; Ваше Величество благоволитъ отвѣчать; вы знаете, какую живѣйшую радость доставляетъ мнѣ сообщеніе извѣстій о ея побѣдахъ; я же доставляю себѣ удовольствіе тихонько передавать о нихъ тѣмъ, кого это можетъ премоного огорчить. Публика горячо желаетъ вамъ всякаго благополучія, любитъ васъ и восхищается вами. Да будетъ 1770 годъ еще болѣе славнымъ и счастливымъ нежели 1769 г.

Склоняюсь къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества,
Альвійскій старецъ.

Екатерина Вольтеру.

8-го—19-го января, (1770 г.)

М. г. Я очень тронута тѣмъ, что вы раздѣляете со мной чувство удовольствія, по случаю прибытія нашихъ судовъ въ Портъ-Магонь. Тутъ они, по крайней мѣрѣ, поближе къ врагамъ, нежели къ своимъ домашнимъ очагамъ; судя по сочиненнымъ матросами пѣснямъ, они, должно быть, довольно весело совершили свой переходъ, не взирая даже на бури и на позднее морское время.

Грузины, дѣйствительно, подняли свой щитъ противъ турокъ и отказываются выплачивать имъ годовую дань по поставкѣ рекрутовъ въ сераль. Гераклій, могущественнѣйшій изъ ихъ князей, человекъ весьма умный и мужественный. Онъ нѣкогда участвовалъ въ завоеваніи Индіи, подъ начальствомъ знаменитаго Шахъ-Надира. Я слышала объ этомъ изъ собственныхъ устъ отца Гераклія, умершаго здѣсь, въ Петербургѣ, въ 1762 г.

Войска мои нынѣ осенью перешли Кавказскій хребетъ и соединились съ грузинами. Тутъ и тамъ были кое-ка-

кія схватки съ турками; отчеты объ нихъ были нанечатаны въ газетахъ. Весна покажетъ намъ, что будетъ далѣе.

Съ другой-же стороны, мы продолжаемъ укрѣпляться въ Молдавіи и Валахіи и продолжаемъ наши работы по очисткѣ здѣшняго русла рѣки Дуная. Но всего лучше то, что мы здѣсь такъ мало ощущаемъ войну, что никто не запомнитъ карнавала, подобнаго тому, какой былъ здѣсь въ нынѣшнемъ году—карнавала, въ которомъ, казалось, все вниманіе умовъ было направлено, вообще, только на изобрѣтеніе всякаго рода удовольствій. Не знаю, происходитъ ли нѣчто подобное въ Константинополѣ. Быть можетъ, тамъ заняты созданіемъ рессуровъ для продолженія войны. Такому роду занятія я нисколько не завидую; я радуюсь, что мнѣ нѣтъ надобности заниматься подобными дѣлами, и смѣюсь въ душѣ надъ тѣми, кто предвѣщаль мнѣ недостатокъ въ деньгахъ и въ людяхъ. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто склоненъ къ заблужденіямъ; за деньги они встрѣчаютъ льстецовъ, которые дорого имъ стоятъ.

Такъ какъ аккуратность моя не въ тягость вамъ, то будьте увѣрены, м. г., что я въ настоящемъ 1770 г., который, я желаю, чтобы вамъ принесъ счастье, буду продолжать ей слѣдовать. Да укрѣпляется ваше здоровье столь-же быстро, какъ укрѣпились уже Азовъ и Таганрогъ.

Прошу васъ быть увѣреннымъ въ моей дружбѣ и въ моемъ расположеніи къ вамъ.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 2-го февраля (1770 г.)

Ваше Величество удостоиваетъ меня сообщеніемъ, что господа Молдавіи и Валахіи не проведутъ своего карнавала въ Венеціи; но не могли-ли-бы Ваше Величество заставить ихъ поужинать съ какимъ-нибудь адмираломъ Туниса или Алжира? Говорятъ, что эти африканскія животныя слишкомъ близко подошли къ нѣкоторымъ изъ

вашихъ кораблей и что ваши пушки произвели на нихъ большое смятеніе: вотъ хорошее предзнаменованіе: Ваше Величество побѣждаетъ на моряхъ, какъ на сушѣ, да притомъ еще на моряхъ, которыхъ вашъ флотъ никогда не видалъ.

Нѣтъ, я не хочу болѣе сомнѣваться въ полномъ переворотѣ. Турецкія султаны (военныя суда) не будутъ сопротивляться болѣе алжирцевъ. Что-же касается до султаншъ серая Мустафы, то онѣ по праву принадлежать побѣдителямъ.

Меня увѣряютъ, что, въ настоящее время, Ваше Императорское Величество—полная владычица Чернаго моря, что г. Тотлебенъ дѣлаетъ чудеса съ черкешенками и мингрельками, и что вы всегда торжествуете. Я счастливъѣ, чѣмъ вы думаете, государыня, потому что, хотя я не колдунъ и не пророкъ, но горячо утверждалъ, что нѣкоторыя изъ этихъ великихъ событій должны произойти, хотя и не всѣ; я не предвидѣлъ, что флотъ можетъ выѣхать изъ Невы, чтобы отправиться въ Мраморное море.

Это предпріятіе гораздо лучше колесницъ Кира и, въ особенности, колесницъ Соломона, которыя ему ни на что не пригодились. Мои колесницы пасуютъ передъ вашими кораблями.

Но, воюя отъ одного полюса до другаго, Ваше Величество не нуждается-ли въ офицерахъ? Сардинскій король только-что преобразовалъ гугенотскій полкъ, который служилъ ему и его отцу съ 1689 года. Религія взяла у него верхъ надъ благодарностью; быть можетъ, нѣкоторые изъ офицеровъ и сержантовъ будутъ добиваться чести служить подъ вашими знаменами. Они могли-бы пригодиться для дисциплинированія черногорцевъ, если ваше побѣдоносное войско не захочетъ принять къ себѣ иностранцевъ. Я знаю одного изъ этихъ офицеровъ, молодого, храбраго и умнаго малаго, который-бы предпочелъ драться за васъ, чѣмъ за великаго султана и его друзей, если они у него есть. Но, государыня, я долженъ только восхищаться и молчать.

Соизвольте принять чрезвычайную радость, безграничную благодарность, глубокое уваженіе стараго альпійскаго отшельника.

Ваше Императорское Величество слишкомъ справедливый, чтобы не пожурить г. камергера, графа Шувалова, за то, что онъ не отвѣчалъ на мои восторженныя письма.

Екатерина Вольтеру.

18-го февраля—1-го марта (1770 г.).

Милостивый государь, въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 2-го февраля, я скажу вамъ, что молдавскій господарь умеръ, а валахскій, находящійся теперь здѣсь, очень уменъ; что мы продолжаемъ господствовать надъ этими двумя провинціями, не смотря на газеты, которыя часто выгоняютъ пась оттуда.

Султанъ сдѣлалъ новаго господара *in partibus infidelium*, которому приказано набрать громадное войско и взять Бухарестъ; онъ нашелъ только тысячъ шесть, семь, съ которыми былъ порядкомъ побить въ январѣ и чуть не попалъ въ плѣнъ. На прошедшей недѣлѣ, я получила извѣстіе о взятіи Джіорджіоне на Дунаѣ и о пораженіи турецкаго корпуса въ шестнадцать тысячъ человекъ подъ этой крѣпостью. Мы отслужили *te Deum* за эту побѣду и за столько другихъ, одержанныхъ нами съ 4-го января.

Говорятъ, что мой флотъ выѣхалъ изъ Магона. Надо надѣяться, что мы вскорѣ услышимъ что-нибудь о немъ, и что онъ осмѣлится опровергнуть мнѣніе людей, убѣряющихъ, что онъ ни на что не годенъ. Я нахожу весьма забавнымъ, что зависть должна прибѣгать къ лжи, чтобы морочить весь свѣтъ. Подобный союзникъ всегда готовъ на банкротство. Тѣ немногіе турецкіе корабли, которые еще существуютъ, нуждаются въ матросахъ. Мусульмане потеряли охоту умирать изъ-за капризовъ Его Высочества.

Г. Тотлебенъ перешолъ Кавказъ и находится теперь на зимнихъ квартирахъ въ Георгіи. Но, такъ какъ тамъ зима коротка, то, надѣюсь, онъ вскорѣ начнетъ войну.

Когда первая часть моего флота стояла въ Англии, графъ Чернышевъ, нашъ посланникъ, былъ очень озабоченъ тѣмъ, что нѣсколько кораблей нуждались въ починкѣ. Англійскій адмиралъ просилъ его не беспокоиться. «Никогда нѣсколько значительная морская экспедиція не обходилась безъ подобныхъ неудобствъ; это ново для васъ; у насъ это случается ежедневно».

Очень желаю, чтобы вы имѣли удовольствіе видѣть ваши пророчества сбывшимися; очень немногіе пророки могутъ гордиться подобнымъ преимуществомъ.

Будьте увѣрены, милостивый государь, въ моей дружбѣ и въ моемъ полномъ уваженіи.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Февр., 10-го марта (1770 г.)

Государыня, я-бы уже имѣлъ честь ранѣе поблагодарить Ваше Императорское Величество, еслибъ не былъ такъ страшно боленъ. У меня нѣтъ силы вашихъ подданныхъ. Я радуюсь, въ особенности, тому, что они все еще продолжаютъ бить турокъ.

Ваше Величество сказали мнѣ великое слово: Я не нуждаюсь ни въ людяхъ, ни въ деньгахъ: я это прекрасно вижу, изъ того, что вы приказываете покупать картины въ Женевѣ, за которыя платите очень дорого. Французскій дворъ не похожъ на васъ; денегъ у него нѣтъ, и беретъ онъ ихъ у насъ-же.

Письмо, которымъ, Ваше Величество удостоили меня, чрезвычайно мнѣ пригодилось для уничтоженія всѣхъ распускаемыхъ слуховъ. Я доставляю себѣ удовольствіе оскорблять всѣхъ распространителей дурныхъ новостей.

Король Пруссій прислалъ мнѣ пятьдесятъ очень хо-

рошенькихъ французскихъ стиховъ *); но я-бы предпочелъ, чтобы онъ послалъ вамъ пятьдесятъ тысячъ чело-вѣкъ для диверсии и чтобы вы напали на Мустафу ва-шими соединенными силами. Всѣ газеты говорятъ, что эта толстая свинья выступить во главѣ трехъ сотъ ты-сячъ чело-вѣкъ; но я полагаю, что этотъ расчетъ не со-всѣмъ вѣренъ. Триста тысячъ воиновъ, со всѣмъ, что должно слѣдовать для службы и прокормленія подобной арміи, дошло-бы почти до пятисотъ тысячъ. Это хорошо во времена Кира и Томирисы, когда у Соломона было сорокъ тысячъ военныхъ колесницъ, съ двумя или тремя миллиардами рублей чистоганомъ. уже не говоря о его офицерскомъ флотѣ.

Наступаетъ время, когда долженъ будетъ отличиться флотъ Вашего Величества, нѣсколько болѣе реальный, чѣмъ флотъ Соломона. Эту весну, и моря, и суша огласятся новостями вѣрными и ложными. Осмѣлюсь просить Ваше Императорское Величество соблаговолить приказать, чтобы мнѣ посылали только однѣ вѣрныя. Писать сводъ зако-новъ одной рукой и побѣждать Мустафу другой— вещь столь новая и прекрасная, что вы, навѣрное, извините мое любопытство.

Мнѣ остается попросить Васъ еще объ одной мило-сти, а именно: поторопиться окончить эти двѣ великія работы, чтобы я имѣлъ удовольствіе сообщить о нихъ Петру Великому, которому я думаю скоро представиться на томъ свѣтѣ.

Надѣюсь говорить съ нимъ еще и о молодомъ князѣ Голицынѣ, который дѣлаетъ мнѣ честь, ночуя сегодня въ моей фернейской хижинѣ. Меня постоянно трогаетъ изыс-канная вѣжливость вашихъ подданныхъ. У нихъ столько же пріятнаго, въ умѣ, сколько достойнаго въ сердцахъ. Во времена Екатерины I-й они были далеко не такъ вѣж-ливы. Вы принесли въ Вашу имперію всѣ прелести прин-цессы, вашей матери, которая вы еще украсили.

*) L'Épître à M-me de Morian.

Живите счастливо, государыня; кончайте всѣ ваши работы; будьте славой нашего вѣка и всей Европы. Предоставляю Мустафу вашему храброму войску: не отправится-ли онъ провести карнавалъ 1771 г. въ Венецію, вмѣстѣ съ Кандидомъ?

Только что получилъ письмо отъ графа Шувалова, вашего камергера, изъ котораго вижу, что онъ получилъ мои письма, и что польскія скопища не задержали ихъ.

Прошу Ваше Императорское Величество соизволить на всегда принять мое глубокое уваженіе, восхищеніе и восторгъ.

Еваторина Вольтеру.

Петербургъ, 20—31 марта. (1770 г.)

Три дня тому назадъ, я получила Ваше письмо отъ 10-го марта. Очень-бы я желала, чтобы настоящее письмо застало васъ въ полномъ здоровьи и чтобы вы пережили года Маеусаила. Я въ точности не знаю, состояли-ли года этого добраго человѣка изъ двѣнадцати мѣсяцевъ; но я хочу, чтобы ваши имѣли тринадцать, какъ годъ росписи содержанія двора (*liste civile*) въ Англии.

Изъ прилагаемаго листа вы увидите, въ чемъ состояла наша лѣтняя и зимняя кампанія, о которой, я не сомнѣваюсь, говорятъ тысячи негѣпостей. Но, вѣдь, это постоянное приобщеніе всякаго дѣла слабого и несправедливаго. Такъ какъ событія опровергли столько потерянныхъ сраженій, приписанныхъ намъ парижскими и польскими газетами, то онѣ вздумали уморить мои войска чумой. Не находите-ли вы это весьма забавнымъ? Весной, по всей вѣроятности, зачумленные воскреснутъ для битвы. Въ дѣйствительности-же, ни у кого изъ нашихъ не было чумы.

Я не могу не быть очень тронутой вашей дружбой; вы-бы готовы были послать мнѣ на помощь всѣ христіанскіе народы. Я очень дорожу дружбой короля прусскаго, но надеюсь, что мнѣ не понадобятся тѣ пятьдесятъ ты-

сячь человекъ, которые вы хотите, чтобы онъ мнѣ далъ на помощь противъ Мустафы.

Такъ какъ вы находите слишкомъ преувеличеннымъ количество трехсотъ тысячъ человекъ, во главѣ которыхъ полагаютъ, что выступитъ самъ султанъ, то я хочу поговорить съ вами о турецкомъ вооруженіи прошлаго года. Въ октябрѣ, Мустафа счелъ возможнымъ объявить войну Россіи; онъ былъ къ ней такъ-же мало подготовленъ, какъ и мы. Когда онъ узналъ, что мы упорно защищаемся, то сильно удивился, такъ какъ его заставили надѣяться на много несбывшихся вещей. Тогда онъ приказалъ собрать, изъ различныхъ провинцій его имперіи миллионъ сто тысячъ человекъ и отправить въ Адрианополь для взятія Кіева, зимовки въ Москвѣ и уничтоженія всей Россіи.

Одной Молдавіи приказано было выставить миллионъ четвериковъ хлѣба для безчисленнаго мусульманскаго войска. Господарь отвѣтилъ, что въ самый плодородный годъ, Молдавія не имѣла столько и что это для нея невозможно. Но онъ получилъ вторичное приказаніе исполнить данное порученіе, за что ему обѣщали денегъ.

Артиллерійская часть должна была быть пропорціональной количеству войска. Она должна была состоять изъ пятисотъ пушекъ, взятыхъ изъ арсеналовъ; но когда ихъ пришлось приводить въ дѣйствіе, то большую часть бросили и только около шестидесяти оказались годными.

Наконецъ, въ мартѣ, болѣе шестисотъ тысячъ человекъ собрались въ Адрианополь; но, такъ какъ они во всемъ нуждались, то началось дезертирство. Однако, визирь перешелъ Дунай съ четырьмястами тысячъ человекъ. 28-го августа, подъ Хотиномъ было всего сто восемьдесятъ тысячъ. Вы знаете остальное. Но, быть можетъ, вамъ неизвестно, что визирь перешелъ седьмымъ дунайскій мостъ, и что у него было только пять тысячъ человекъ. когда онъ вошелъ въ Баладу (Balada). Вотъ все, что осталось отъ этого удивительнаго войска. Все, что не погибло, то разбѣжалось и разбрелось по домамъ.

Да, не забудьте, что на пути они грабили свои про-

винціи и жгли мѣста, гдѣ находили сопротивленіе. Все, что я говорю—истинная правда, и я скорѣе сглаживаю, чѣмъ преувеличиваю, опасаясь, чтобы все это не показалось слишкомъ баснословнымъ.

Все, что я знаю о моемъ флотѣ, это то, что одна часть его вышла изъ Магона, а другая намѣревается выѣхать изъ Англїи, гдѣ она зимовала. Я думаю, что вы о немъ услышите раньше, чѣмъ я. Во всякомъ случаѣ, я не премину сообщитъ вамъ, въ свое время, то, что сама узнаю, съ тѣмъ большею послѣдностью, что вы того желаете. Работы надъ сводомъ законовъ нѣсколько запоздали, благодаря войнѣ; онъ теперь отошелъ на второй планъ; надо надѣяться, что наступитъ время, когда онъ снова займетъ первое мѣсто между моими занятїями.

Вы меня просите скорѣе окончить и войну, и законы, чтобы вы могли сообщить о нихъ Петру Великому на томъ свѣтѣ: позвольте вамъ сказать, что это никакъ не можетъ меня заставить скоро покончить съ ними. Въ свою очередь, я васъ серьезно прошу отложить это намѣреніе на возможно далекое время. Не огорчайте вашихъ друзей этого міра изъ-за любви къ тѣмъ, которые уже въ томъ. Если тамъ всякій можетъ выбирать себѣ общество по своему вкусу, то я явлюсь съ совѣтъмъ готовымъ планомъ жизни, составленнымъ для моего полного удовольствїя. Я заранѣе надѣюсь, что вы не откажетесь ежедневно одолжать мнѣ по нѣскольку минутъ на бесѣду: съ нами будетъ Генрихъ IV, Сюлли, но никакъ не Мустафа.

Я очень рада, что вы довольны нашими русскими, являющимися къ вамъ. Всѣ тѣ, которые возвращаются изъ-за границы, не побывавъ въ Феризъ, всегда очень объ этомъ сожалѣютъ. Вообще, наша нація имѣетъ самыя счастливыя способности. Нѣтъ ничего легче заставить ихъ оцѣнить все доброе, разумное. Я не знаю, отчего такъ часто ошибались въ средствахъ: охотно я отнесу вину въ этомъ на сторону правительства, неловко бравшагося за это. Когда въ Европѣ узнаютъ болѣе объ этомъ народѣ, то отбросятъ много предубѣжде-

ній и заблуждений, которыя составили себѣ на счетъ Россіи.

Мнѣ всегда доставляетъ большое удовольствіе память, которую вы сохранили о моей матери, которая, къ моему великому сожалѣнію, умерла очень молодою.

Будьте увѣрены, м. г., во всѣхъ чувствахъ, которыя вы во мнѣ знаете, и въ совершенномъ уваженіи, которое я не перестану питать къ вамъ. Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Ферва, 10-го апрѣля, (1770 г.)

Государыня, мое восхищеніе удвоилось письмомъ, отъ 1-го марта, которымъ Ваше Императорское Величество удостоили почтить меня. Ни одинъ греческій попь не можетъ радоваться вашимъ постояннымъ побѣдамъ надъ обрѣзанными; болѣе меня, крещеннаго въ римской церкви. Мнѣ кажется, что я родился въ греческія героическія времена, когда вижу одну часть вашихъ войскъ по ту сторону Кавказа, другую на берегахъ Дуная, а вашу флотъ въ Эгейскомъ морѣ. Я очень сожалѣю молдавскаго господаря. Этотъ бѣдный Геть не долго пользовался честью видѣть Томирису. Что-же касается до господаря Валахій. те такъ какъ онъ уменъ, то и останется при вашемъ дворѣ.

Вашимъ врагамъ ничего не остается, кромѣ лжи.

Газетчики похожи на г. де-Пурсоньяка, говорившаго: «Онъ далъ мнѣ пощечину, но я, все-таки, ему все высказалъ» *).

Я серьезно полагаю, что великая армія Вашего Императорскаго Величества попадетъ въ равнины Адрианополя въ іюнь. Умоляю простить меня, если я осмѣливаюсь еще настаивать на колесницахъ Томирисы. Тѣ, которыя подносятъ къ вашимъ стопамъ, совсѣмъ не похожи на древнія. Я не принадлежу къ ремеслу челоуѣкоубійць. Но

*) *Polysseignas*, актъ I, сцена VI.

вчера, двое прекрасныхъ нѣмецкихъ убійцъ меня увѣряли, что дѣйствіе этихъ колесницъ было неотразимо при первомъ сраженіи, и что ни батальонъ, ни эскадронъ, не могли бы устоять противъ силы новизны подобнаго нападенія. Римляне смѣялись надъ военными колесницами и были правы; при частомъ употребленіи, это только дурная шутка, но сначала онѣ непременно должны испугать и произвести большой беспорядокъ. Къ тому-же, я не знаю ничего болѣе дешеваго и легче управляемаго. Одинъ опытъ подобной машины, только съ тремя или четырьмя эскадронами, можетъ сдѣлать много хорошаго и не доставить никакихъ хлопотъ.

По всей вѣроятности, я ошибаюсь, потому что при вашемъ дворѣ всѣ другаго мнѣнія, но я прошу только одного довода противъ этой выдумки. Что касается меня, то каюсь, что не вижу ни одного.

Удостоите еще разъ разсмотрѣть это дѣло; я говорю только со словъ самыхъ опытныхъ офицеровъ. Они говорятъ, что только однѣ скаковыя лошади могутъ сдѣлать этотъ маневръ бесполезнымъ; что-же касается до пушки, то рискъ одинаковъ съ обѣихъ сторонъ, и, наконецъ, можно потерять только двѣ телѣги, четыре лошади и четырехъ человѣкъ изъ эскадрона.

Еще разъ, я не убійца, но готовъ имъ сдѣлаться, чтобы служить вамъ.

Недѣли двѣ тому назадъ офицеры монфортскаго полка, которыхъ я приглашалъ служить Вашему Императорскому Величеству, приняли окончательное рѣшеніе: нѣкоторые вступили на савойскую службу, другіе возвратились во Францію, одинъ изъ нихъ имѣетъ честь быть капитаномъ женеваской арміи, состоящей изъ шестисотъ человѣкъ. Въ настоящую минуту въ Женевѣ происходитъ самая ужасная война по ту сторону Рейна. Даже четыре человѣка были сади убиты въ воинственной церкви Кальвина. Я думаю, что въ будущемъ греческая церковь будетъ также дѣйствовать и что она увидитъ только однѣ спины мусульманъ; въ такомъ случаѣ, колесницы понадобятся только для того, чтобы бѣжать за ними въ погоню.

Простираюсь къ стопамъ Вашего Величества, какъ господарь Валахіи, участи котораго завидую.

Пусть Ваше Императорское Величество удостоитъ принять глубокое почтеніе, благодарность и восхищеніе стараго Фернейскаго затворника.

Я получилъ прекрасное письмо отъ графа Шувалова, вашего камергера, но онъ мнѣ не обозначаетъ дня, когда вашъ дворъ будетъ въ Стамбулѣ.

Ферна, 18-го мая (1770 г.)

— Государыня, лды моихъ лѣтъ оставляютъ еще мнѣ немного огня; онъ воспламенится вами. Въ Римѣ и во Франціи, всѣ въ родѣ Мустафы. Я же Екатерининецъ и умру Екатерининцемъ. Письмо, отъ 31-го марта, которымъ Ваше Императорское Величество удостоили почтить меня, наполнило меня радостью; извѣстія, распространяемыя теперь, удручаютъ меня печалью.

Говорятъ о превратностяхъ, а я бы не хотѣлъ ихъ; говорятъ, что турки съ большими силами снова перешли Дунай и отняли Валахію; надо, значить, опять ихъ побить; но я хотѣлъ побѣды въ равнинахъ Адрианополя; говорятъ, что они посылаютъ флотъ въ Морею. Прибавляютъ, что лакедемонцы въ небольшомъ количествѣ; наконецъ, мнѣ причиняютъ тысячи безпокойствъ. вмѣсто всякаго отвѣта, я проклинаю Мустафу и молю Святую Дѣву помочь вѣрнымъ. Я увѣренъ, что ваши распоряженія приведены въ исполненіе въ Греціи, что спартамцамъ даны войска, черногорцы присоединяются къ нимъ, ненависть къ турецкой тиранніи воодушевляетъ ихъ, и что съ вашими войсками во главѣ, они будутъ непобѣдимы.

Что касается до венеціанцевъ, то они присоединятся къ вашей игрѣ, но когда вы уже выиграете партію.

Если Египетъ свергнулъ иго Мустафы, то я не сомнѣваюсь, что Ваше Величество принимали участіе въ этой революціи. Той, которая нашла возможнымъ привести флотъ изъ Невы въ Подопонезъ, ничего не стоило послать лов-

каго посланника въ страну пирамидъ. Черное море должно быть покрыто вашими саиками (saïques), такъ чтобы Стамбулъ не могъ получать продуктовъ ни изъ Египта, ни изъ Греціи, ни изъ *Vopraga d'Enghis*. Вы нападаете на эту обширную имперію отъ Колхиды до Мемфиса. Вотъ мои идеи; онѣ не такъ велики, какъ то, что Ваше Величество до сихъ поръ дѣлалъ. Несчастія Валахіи, о которыхъ всѣ говорятъ, отнимаютъ у меня сонъ, но не отнимаютъ надежды; романъ колесницъ Кира продолжаетъ мнѣ нравиться на сухои мѣстѣ, въ родѣ равнинъ Адрианополя и по сосѣдству съ Стамбуломъ.

Я не вижу, чтобы женеvскія картины были слишкомъ дороги, но нахожу Ваше Императорское Величество слишкомъ великодушною; осмѣлюсь однако пожелать сто великихъ капитановъ, вмѣсто ста картинъ. Я бы желалъ, чтобы ничего не было упущено для вашего торжества и чтобы вы окончили вашъ сводъ законовъ, сводъ, превосходящій сводъ Юстиніана, и окончили его въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ онъ написалъ его. Если Ваше Величество хочетъ возвратитъ мнѣ здоровье и продлить мою жизнь, то я умоляю васъ сообщить мнѣ какое-нибудь хорошее извѣстіе, которое не понравилось-бы брату Ганганелли, но сильно обрадовало-бы Фернейскаго калуцина, готоваго задушить турокъ своимъ шнуркомъ.

Удвоиваю свои желанія; душа моя у ногъ Вашего Императорскаго Величества.

Екатерина Вольтеру.

9—20-го мая (1770 г.)

М. г., оба ваши письма, первое отъ 10-го и второе отъ 14-го апрѣля, дошли до меня одно вслѣдъ за другимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что вы приложили къ нимъ. Я сейчасъ же заказала двѣ колесницы по рисунку и по описанію, которые вы были такъ добры прислать мнѣ и за которые я вамъ очень признательна. Я вѣдо сдѣлать опытъ въ моемъ присутствіи, разумѣется, такъ, чтобы онѣ никому не

могли причинить вреда. Наши военные согласны, что подобныя колесницы могли имѣть свое дѣйствіе съ правильнымъ войскомъ; они прибавляютъ, что въ прошедшую компанію турки имѣли привычку окружать наши войска въ разсыпную и что у нихъ никогда не было въ одномъ мѣстѣ батальона и эскадрона вмѣстѣ. Одни только янычары выбирали мѣста закрытыя, какъ лѣсъ, выбитыя дороги и т. д., чтобы нападать отдѣльными отрядами, и тогда пушки дѣлаютъ свое дѣло. Во многихъ случаяхъ, наши солдаты встрѣчали ихъ штыками и заставляли отступать.

Вы совершенно правы, до сихъ поръ греческая церковь видитъ вездѣ спины мусульманъ и даже въ Морей. Хотя у меня нѣтъ прямиаго извѣстія о моемъ флотѣ, однако, упорно держится слухъ, что онъ завладѣлъ Пелопонезомъ, — приходится поэтому думать, что есть что-то. Тамъ еще не было и половины флота, когда произошла высадка.

Будьте увѣрены, что я безконечно дорожу вашей дружбой и тѣми неоднократными свидѣтельствами, которыя я получаю отъ васъ. Я также очень тронута участіемъ, принимаемымъ вами въ этой войнѣ, которая когда-нибудь да кончится. Мы будемъ имѣть дѣло съ Мустафой, вблизи или издали, какъ то будетъ угодно Провидѣнію.

Что бы ни случилось, я васъ прошу быть увѣреннымъ, что Екатерина II никогда не перестанетъ питать достаточно почтенія и особеннаго уваженія къ знаменитому Фернейскому затворнику.

16—27-го мая (1770 г.)

— М. г., курьеръ, отправленный графомъ Федоромъ Орловымъ изъ Корона, въ Морей, привезъ мнѣ пріятную новость, что послѣ того, какъ мой флотъ присталъ 17-го февраля въ Порто-Вителло, мои войска соединились съ греками, желавшими своего освобожденія. Они раздѣлились на два корпуса, изъ которыхъ одинъ назвался восточнымъ Спартанскимъ легиономъ, а другой сѣвернымъ Спартанскимъ. Первый въ нѣсколько дней овладѣлъ Пасавой, Бердони и Мизистрой, что и составляетъ древнюю

Спарту. Второй отправился братъ Каламату, Леонтари и Аркадію. Во всѣхъ этихъ различныхъ мѣстахъ они взяли въ плѣнъ четыре тысячи турокъ, сдавшихся послѣ нѣкотораго сопротивленія; въ особенности сопротивленіе Мизистры было серьезнѣе другихъ.

Большая часть городовъ Мореи осаждены. Флотъ перѣхалъ изъ Порто-Вителло въ Коронъ; но этотъ городъ еще не былъ взятъ 29-го марта въ день отъѣзда курьера. Однако, всѣ такъ ожидали скорой сдачи, что даже отправили три корабля для взятія Наварина. 28-го пришло въ Коронъ извѣстіе о стычкѣ между греками и турками въ Коринескомъ перешейкѣ. При этомъ случаѣ былъ взятъ въ плѣнъ турецкій комендантъ.

Спѣшу сообщить вамъ хорошія извѣстія, зная, что они доставятъ вамъ удовольствіе и что они совершенно вѣрны, такъ какъ доставлены прямо ко мнѣ. Такимъ образомъ, я исполняю свое обѣщаніе сообщать вамъ извѣстія немедленно по ихъ полученіи. Будьте увѣрены, м. г., въ моихъ неизмѣнныхъ чувствахъ.

И такъ, Греція—на пути къ возвращенію своей свободы, но она далеко не то, чѣмъ была. Однако, съ удовольствіемъ слышишь рассказы объ этихъ мѣстахъ, которыми намъ такъ прожужжали уши въ нашей молодости.

Царскосельская дача, 26 мая—6-го іюня (1770 г.)

М. г., спѣшу отвѣтить на ваше письмо, отъ 18-го мая, полученное мною вчера вечеромъ, такъ какъ вижу, что вы огорчены. Превратности, которыя сторонники Муштафы распространяютъ о моемъ войскѣ, потеря Валахія—только сказки; мнѣ онѣ были непріятны только потому, что смутили васъ. Благодаря Богу, ничего этого нѣтъ. Съ прошедшей почтой я вамъ послала извѣстія, полученные мною изъ Мореи, которыя, для начала, кажутся весьма удовлетворительными. Надѣюсь, что, благодаря вашему посредничеству, Пресвятая Дѣва не покинетъ вѣрныхъ.

Спите спокойно, дѣла вашей любимицы (послѣ всего,

что вы мнѣ говорили, и благодаря дружбѣ, которую вы не перестаете ко мнѣ питать, я смѣло принимаю этотъ титулъ) идутъ очень хорошо: она сама ими довольна и не боится турокъ ни на сушѣ, ни на морѣ.

Этотъ турецкій флотъ, о которомъ столько говорятъ, чудесно снаряженъ! За неимѣніемъ матросовъ, на военные корабли помѣстили садовниковъ сераля.

Послѣ доброй войны, наступитъ миръ, во время котораго надѣюсь окончить мой сводъ.

Братъ Ганганелли слишкомъ уменъ, чтобы искренно быть недовольнымъ моими успѣхами. Намъ нечего съ нимъ дѣлить. Я не отняла у него ни Авиньона, ни Беневента. Мое дѣло, въ концѣ концовъ, дѣло всего христіанства. Только одинъ братъ Реццонико *) можетъ ослѣпляться въ своей набожности. Климентъ XIV мнѣ кажется болѣе просвѣщеннымъ. Капуцины, по моему мнѣнію, имѣютъ тѣ же права, что и кордельеры. Вы можете сдѣлаться папой, и такъ даже должно быть для блага церкви; тогда объ главы церкви греческой и римской не только окажутся въ непосредственной перепискѣ, но еще будутъ связаны дружбой, чего еще никогда до сихъ поръ не случилось. Я заранѣе вижу изъ этого большую пользу для христіанства. Объявляю вамъ, что вы меня найдете умѣренной, но твердой; пожалуйста, не примите эту твердость за упрямство.

Прощайте, м. г., будьте здоровы и вѣрьте, что нельзя быть болѣе тронутой всѣми знаками дружбы, которые вы мнѣ даете. Ничто также не можетъ сравниться съ значеніемъ, которое я придаю имъ.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Ферва, 4-го іюля (1770 г.)

Письмо, которымъ Ваше Императорское Величество удостоили меня, отъ 27-го мая, мною получено. Я вос-

*) Климентъ XIII.

Вольтеръ.

хипаюсь вами во всемъ; восхищеніе мое бесплодно, но желало-бы служить вамъ: еще разъ повторю, я не знаю дѣла, но готовъ поставить на ставку свою жизнь, что въ равнинѣ, эти вооруженныя колесницы, да еще съ помощью вашихъ войскъ, уничтожатъ всякій непріятельскій эскадронъ или батальонъ, правильно выступающій; ваши офицеры согласны съ этимъ, такой случай можетъ представиться. Трудно, чтобы въ сраженіи всѣ турецкіе корпуса нападали въ безпорядкѣ, въ разсыпную, волгижируя у фланговъ вашей арміи; но если они сражаются такимъ неправильнымъ способомъ, и точно не дисциплинированныя дикари, то вамъ не нужно колесницъ Томирисы: достаточно будетъ ихъ невѣжества и ихъ горячности, чтобы быть побитыми, какъ вы ихъ всегда били.

Я не понимаю, какъ это Ваше Величество еще не овладѣли, въ данную минуту, Брайловымъ и Бендерами; но, быть можетъ, эти города уже взяты, и мы только не получили объ этомъ извѣстія.

Газеты причиняютъ мнѣ всегда непріятность, соотвѣтственную моей привязанности; боюсь, чтобы турки не находились съ большими силами въ Пелопонезѣ.

Я ничего болѣе не слышу о предполагаемой революціи, случившейся въ Египтѣ; все это меня беспокоитъ, изъ-за моихъ дорогихъ грековъ и изъ-за вашего побѣдоноснаго войска, очень для меня дорогаго.

Франція посылаетъ флотъ противъ Туниса; я бы лучше желалъ, чтобы она послала тридцать линейныхъ кораблей противъ Константинополя.

Ваше предпріятіе на Грецію есть, безъ сомнѣнія, самое лучшее дѣло въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ; но надо, чтобы оно вполнѣ удалось; еще недостаточно, что оно дѣлаетъ вамъ безконечную честь. Гдѣ выгоды, тамъ и слава, говорилъ нашъ король Людовикъ XI, который ни въ чемъ не могъ сравниться съ вами.

Я бы далъ все на свѣтѣ, чтобы увидать Ваше Величество на софѣ Мустафы. Дворецъ его довольно гадокъ, сады также; вы бы скоро превратили эту темницу въ са-

мое прелестное мѣсто на землѣ. Сблаговолите, умоляю васъ, сказать мнѣ, надѣетесь-ли вы добраться туда? Мнѣ кажется, что не понадобится бы болѣе одного сраженія, — оно было-бы рѣшительнымъ. Я не могу придти въ себя отъ изумленія. Ваше Величество принуждены направлять войска въ Валахію, Польшу, Бессарабію, Георгію, и находить еще время удостоивать меня своими письмами; я на столько же удивленъ и сконфуженъ, на сколько и благодаренъ. Удостоите-же принять мое глубокое почтеніе и мой восторгъ передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Фернэ, 20-го іюля (1770 г.)

Государыня, ваше письмо отъ 6-го іюня, какъ кажется, новаго стиля, показываетъ мнѣ, что Ваше Императорское Величество нѣсколько снисходитъ къ моей страсти къ своей особѣ. Вы меня утѣшаете, но также и нѣсколько смущаете, вѣроятно, для того, чтобы держать своего обожателя въ неизвѣстности. Ваши побѣды утѣшаютъ меня; смущаетъ же меня опасеніе, чтобы Ваше Величество не заключило миръ будущей зимой.

Я полагаю, что извѣстія изъ Греціи доходятъ иногда къ намъ скорѣе черезъ Марсель, чѣмъ къ Вашему Величеству черезъ курьеровъ. По этимъ извѣстіямъ, турки четыре раза были разбиты, и весь Пелопонезъ въ вашихъ рукахъ.

Если Али-Бей, дѣйствительно, завладѣлъ Египтомъ, какъ говорятъ, то отъ турецкаго полумѣсяца вотъ уже оторвано два большихъ рога; и сѣверная звѣзда, конечно, гораздо могущественнѣе ихъ луны. За чѣмъ-же заключать миръ, когда можно такъ далеко доводить свои побѣды?

Ваше Величество мнѣ скажетъ, что я разсуждаю не совсѣмъ философски и что миръ есть лучшее благо. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ этой истинѣ; но позвольте, мнѣ желать, чтобы этотъ миръ былъ подписанъ вашей рукой въ Константинополь. Я увѣренъ, что если вы одер-

жите порядочную побѣду, по сю или по ту сторону Дуная, то ваши войска могутъ прямо идти на столицу.

Венеціанцы, разумѣется, только воспользуются случаемъ, у нихъ есть корабли и нѣсколько войска. Когда они взяли Морею, ихъ поддерживала только диверсія императора въ Венгрію; теперь у нихъ гораздо болѣе могущественный покровитель; мнѣ кажется, что теперь не время колебаться.

Мустафа долженъ просить у васъ прощенія, а венеціанцы—законовъ.

Я боюсь еще, чтобы христіанскіе князья, или таковыми называющіеся, не завидовали сѣверной звѣздѣ; но все это тайны, въ которыя мнѣ не позволено проникать.

Я боюсь также, чтобы ваши финансы не разстроились, благодаря вашимъ побѣдамъ; но думаю, что у Мустафы они еще въ большемъ разстройствѣ, благодаря его пораженіямъ. Говорятъ, что Ваше Величество дѣлаетъ заемъ у голландцевъ; турецкому падишаху негдѣ будетъ занять, а это также одно изъ вашихъ преимуществъ передъ нимъ.

Отъ своихъ опасеній перехожу къ утѣшеніямъ. Если вы заключите миръ, то я увѣренъ, что онъ будетъ чрезвычайно почетенъ, что вы удержите Молдавію, Валахію, Азовъ и плаваніе по Черному морю, по крайней мѣрѣ, до Трeбизонда. Но что будетъ съ моими бѣдными греками? Что станется съ этими новыми спартанскими легіонами? Вы, конечно, восстановите истмическія игры, во время которыхъ римляне публичнымъ постановленіемъ утвердили за греками ихъ свободу. Но какъ поддержать силу этого декрета, если въ Греціи не останется войска? Я бы желалъ также, чтобы Дунай и судоходство по немъ принадлежали вамъ вдоль Валахіи, Молдавіи и даже Бессарабіи. Не знаю, требую-ли я слишкомъ много или слишкомъ мало: ваше дѣло рѣшить и велѣть вычеканить медаль, которая бы увѣковѣчила ваши успѣхи и ваши благодарнія. Тогда Томириса превратится въ Солона и на свободѣ кончатъ свои законы. Эти законы будутъ лучшими памятниками Европы и Азіи, потому что въ другихъ государ-

ствахъ они составлялись слишкомъ поспѣшно, въ родѣ того, какъ законопачиваются суда, когда у нихъ образуется течь; они слишкомъ многочисленны, такъ какъ составлены сообразно постоянно нарождающимся потребностямъ; они противорѣчивы, такъ какъ эти потребности постоянно мѣняются; они очень дурно составлены, такъ какъ почти всегда писались педантами при варварскихъ правительствахъ. Они походятъ на наши города, построенные неправильно, случайно, дворцы въ перемежку съ хижинами, въ улицахъ узкихъ и кривыхъ.

Наконецъ, пусть Ваше Величество дасть законы страннѣ въ двѣ тысячи лѣ, но прежде пусть отдеретъ Муштафу за уши!

Вотъ утѣхи стараго затворника, который до послѣдней минуты будетъ проникнутъ самымъ глубокимъ уваженіемъ, самымъ справедливымъ восхищеніемъ и самою безграничною преданностью къ Вашему Императорскому Величеству.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 10—21 іюля. (1770 г.)

М. г., въ отвѣтъ на ваше письмо и новые вопросы, отъ 4-го іюля, объявляю вамъ, что, согласно вашему желанію, графъ Румянцевъ, командующій моею арміею въ Валахіи, одержалъ самую полную побѣду надъ нашими врагами, 7-го іюля этого мѣсяца, верстъ за двѣнадцать отъ Дуная. Наша правая упиралась въ Прутъ. Турецкій лагерь былъ обнесенъ четырьмя окопами, которые всѣ были взяты на зарѣ, штыками. Побойще продолжалось четыре часа, послѣ чего мои войска овладѣли полемъ сраженія, турецкимъ лагеремъ, тридцатью пушками, громаднымъ количествомъ провіанта и военныхъ снарядовъ и множествомъ плѣнныхъ.

Наша потеря незначительна: даже нѣтъ ни одного выдающагося офицера раненымъ или убитымъ. При отъѣздѣ курьера, еще продолжалось преслѣдованіе бѣглецовъ. Ту-

ренкое войско состояло изъ восьмидесяти тысячъ человекъ, подъ командою хана Крымскаго и трехъ пашей.

Графъ Румянцевъ сообщаетъ мнѣ, что приказалъ служить Те Деуш, въ самой малаткѣ крымскаго хана, которая должна быть самой прекрасной изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ. Осада Бендеръ должна теперь начаться, а потомъ мы увидимъ.

Я бы не говорила съ вами о всѣхъ этихъ военныхъ дѣлахъ, еслибы вы не высказывали желанія знать онихъ.

Будьте увѣрены въ значеніи, которое я придаю вашей дружбѣ; я всегда потороплюсь отвѣтить на нее, какъ бы ни была занята.

Екатерина.

22-го іюля—2-го августа (1770 г.).

Милостивый государь, я писала вамъ, дней десять тому назадъ, что графъ Румянцевъ, разбилъ крымскаго хана, соединившагося съ значительнымъ турецкимъ отрядомъ, что у нихъ отняли палатки, артиллерію и т. д., на маленькой рѣчкѣ, называемой Ларга; имѣю удовольствіе сообщить вамъ сегодня, что, вчера вечеромъ, курьеръ графа привезъ мнѣ извѣстіе, что въ тотъ самый день, когда я вамъ писала (21-го іюля), мое войско одержало полную побѣду надъ войскомъ Мустафы, командуемымъ визиремъ Али-Беемъ, начальникомъ янычаръ, и семью или восемью пашами; они были разбиты въ своихъ укрѣпленіяхъ: ихъ артиллерія, въ количествѣ ста тридцати пушекъ, ихъ лагерь, багажи, всевозможный провіантъ, попали въ наши руки. Ихъ потеря значительна; наша же такъ мала, что я боюсь и говорить о ней, чтобы она не показалась баснословной. Однако, сраженіе длилось пять часовъ.

Графъ Румянцевъ, котораго я только что произвела въ фельдмаршала за эту побѣду, сообщаетъ мнѣ, что какъ древніе римляне, мои солдаты никогда не спрашиваютъ, многочисленъ-ли непріятель, но только гдѣ онъ? На этотъ разъ турки были въ числѣ ста пятидесяти тысячъ,

укрѣпившихся на возвышенностяхъ, омываемыхъ Кагуломъ, ручейкомъ въ двадцати пяти верстахъ отъ Дуная, и имѣя за спиною Измаиловъ.

Но мои новости этимъ не ограничиваются, я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, хотя и не прямымъ путемъ, что мой флотъ разбилъ флотъ турецкій близъ *Naroli de Romanie* и разсѣялъ тѣ изъ непріятельскихъ кораблей, которые не удалось ему потопить.

Осада Бендеръ открылась еще 21-го іюля. Князь Прозоровскій овладѣлъ громадной добычей изъ скота всякаго рода, между Очаковымъ и Бендерами. Мой азовскій флотъ растетъ въ величинѣ и надеждахъ, передъ самымъ носомъ господина Мустафы.

Я ничего не могу вамъ сказать о Браиловѣ, кромѣ того, что это старый замокъ, на берегу Дуная, взятый генераломъ Ренномъ въ самый день сраженія при Прутѣ, въ 1711 году.

Отъ самихъ грековъ зависитъ воскресить Грецію. Я сдѣлала все, что могла, чтобы украсить географическія карты сообщеніемъ Коринѳа съ Москвою. Не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Чтобы посмѣшить васъ, скажу, что султанъ прибѣгалъ къ содѣйствию пророковъ, колдуновъ, прорицателей и помѣшанныхъ, считающихся святыми у мусульманъ. Они ему предсказали, что 21-е будетъ днемъ особенно счастливымъ для Оттоманской имперіи. Сейчасъ-же его Высочество отправилъ курьера къ визирю, чтобы приказать ему назначить на этотъ день переправу черезъ Дунай и, вообще, воспользоваться счастливымъ соавѣздіемъ. Увидимъ, обратятъ-ли несчастія на путь истинный этого монарха и не разочаруютъ-ли они его въ обманщикахъ и лгунахъ.

Ваши любезные греки во многихъ случаяхъ являли доказательства ихъ древняго мужества, и они далеко не лишены ума.

Прощайте, милостивый государь; будьте здоровы, не лишайте меня вашей дружбы и будьте увѣрены въ моей.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Ферна, 11-го августа (1770 г.)

Государыня, каждое письмо, которымъ Ваше Императорское Величество удостоиваете меня, излѣчиваетъ меня отъ лихорадки, происходящей отъ парижскихъ извѣстій. Говорять, будто ваши войска понесли вездѣ большія потери; что они окончательно очистили Морею и Валахию; что между ними развилась чума; что всевозможныя несчастія послѣдовали за вашими побѣдами. Ваше Величество—мой врачъ; вы возвращаете мнѣ полное здоровье. Получивъ извѣстie, я сейчасъ-же пишу о положеніи вещей, чѣмъ удлиняю лица тѣхъ, которые огорчали меня.

Будьте-же такъ добры, государыня, сохраните мнѣ здоровье, которое вы же возвратили; никогда не слѣдуетъ покидать больного во время его выздоровленія.

У меня еще бываютъ маленькіе приступы лихорадки, когда я вижу, что венеціанцы ни на что не рѣшаются, что греки не образовали войска, и что нѣтъ никакого положительнаго извѣстія о революціи въ Египтѣ.

Есть еще Браилловъ, Бендеры, причиняющіе мнѣ бессонницу; я вижу во снѣ ихъ гарнизоны взятыми въ плѣнъ и внезапно просыпаюсь.

Ваше Величество, пожалуй, скажетъ, что я весьма нетерпѣливъ больной и что турки гораздо больнѣе меня. Не имѣй я принциповъ человѣколюбія, я бы сказалъ, что хотѣлъ-бы ихъ всѣхъ видѣть окончательно уничтоженными или, по крайней мѣрѣ, прогнанными такъ далеко, чтобы они никогда не вернулись.

Мы, французы, гораздо лучше; мы удивительно много говоримъ глупостей; столько-же ихъ дѣлаемъ, но все это проходитьъ черезъ недѣлю уже все забыто. Народная веселость кажется неистощимой. Въ Парижѣ узнаютъ, что отъ землетрясенія обрушилось пространство въ тридцать лье; говорятъ: «Очень жаль», и отправляются въ оперу. Самыя серьезныя дѣла не избавляются отъ насмѣшки.

Въ настоящее время у насъ отличнѣйшая погода: вотъ чудесное время, чтобы побить турокъ. Неужели эти варвары будутъ всегда нападать, какъ гусары? Не попадутся-ли они когда-нибудь сомкнутыми рядами, чтобы на нихъ можно было пустить мои вавилонскія колесницы?

Мнѣ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, помочь вамъ убить нѣсколькихъ турокъ. Говорятъ, что со стороны христіанина это дѣло очень пріятное Богу. Это не подходитъ къ моимъ правиламъ терпимости; но люди полны противорѣчій, и къ тому-же Ваше Величество кружить мнѣ голову.

Еще разъ умоляю какихъ нибудь извѣстій, изъ милости; о пяти или шести взятыхъ городахъ и пяти или шести выигранныхъ сраженіяхъ, хотя бы только для того, чтобы заставить замолчать зависть.

Простираюсь къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ наиглубочайшимъ уваженіемъ и живѣйшимъ нетерпѣніемъ.

Фернейскій отшельникъ.

Екатерина Вольтеру.

9-го—20 августа, (1770 г.)

Вы мнѣ говорите въ вашемъ письмѣ отъ 20-го іюля, будто я васъ пугаю, чтобы не дать вамъ успокоиться и что мои побѣды приносятъ вамъ утѣшеніе: вотъ вамъ маленькая доза этихъ утѣшеній.

Только-что явился ко мнѣ курьеръ съ извѣстіемъ о послѣдствіяхъ кагульскаго сраженія. Мои войска подвинулись къ Дунаю и расположились на его берегу, противъ Изаки (Isacki). Визирь и (ага) начальникъ янычаръ бѣжали на другой берегъ; но всѣ остальные, желавшіе послѣдовать ихъ примѣру, были убиты, потоплены и разсѣяны. Онъ приказалъ сломать мостъ и около двухъ тысячъ янычаръ были взяты въ плѣнъ. Двадцать пушекъ, пять тысячъ лошадей, громадная добыча и огромное количество всевозможныхъ запасовъ попали въ наши руки.

Татары сейчас-же прислали просить фельдмаршала графа Румянцева отпустить ихъ въ Крымъ: онъ имъ отвѣтилъ, что требуетъ ихъ покорности и послалъ значительный корпусъ пашѣво, къ Измаилу, чтобы сдѣлать на нихъ легкій натискъ. Намъ уже давно извѣстно, что они не желаютъ ничего лучшаго.

Вы не хотите мира? успокойтесь — до сихъ поръ никто и не упоминаетъ о немъ. Я согласна съ вами, что миръ—вещь прекрасная; когда онъ существовалъ, то я полагала, что это *non plus ultra* счастья: и вотъ уже почти два года, какъ я воюю и вижу, что ко всему можно привыкнуть. По правдѣ сказать, въ войнѣ есть прекрасныя минуты. Я нахожу въ ней важный недостатокъ, а именно, что во время ея, нельзя любить ближняго, какъ самого себя. Я привыкла думать, что нечестно дѣлать зло людямъ; однако, я теперь нѣсколько утѣшаюсь, говоря Му-стафѣ: *Tu l'as voulu, George Dandin!* (Ты самъ захотѣлъ, Жоржъ Данденъ). И, послѣ этого размышленія, я также хорошо себя чувствую, какъ и прежде.

Великія событія всегда мнѣ нравились, а побѣды никогда не соблазняли. Я не вижу также, чтобы миръ былъ близокъ. Забавно, что увѣряютъ турокъ, будто мы не можемъ долго поддерживать войну. Если-бы страсть не омрачала этихъ людей, то какъ-бы имъ было забыть, что Петръ Великій воевалъ въ продолженіи тридцати лѣтъ то съ этими самыми турками, то со шведами, поляками, персами, и имперія не дошла до крайности? Напротивъ того, Россія изъ каждой войны выходила болѣе цвѣтущею; и эти-же самыя войны пустили въ ходъ промышленность. Каждая война у насъ была матерью какого-нибудь новаго источника, оживлявшаго нашу торговлю и промышленность.

Вашъ проектъ мира мнѣ нѣсколько напоминаетъ дѣлежъ Льва въ баснѣ; вы все хотите захватить для вашей любимицы. Не надо забывать и спартанскихъ легионовъ; объ истмическихъ играхъ мы поговоримъ послѣ.

Въ ту минуту, какъ я хотѣла кончить это письмо, я получила извѣстіе о взятіи Измаилова, при нѣкоторыхъ довольно странныхъ обстоятельствахъ.

Прежде чѣмъ перейти Дунай, визирь обратился съ рѣчью къ войскамъ и сказалъ имъ, что невозможно долѣе сопротивляться русскимъ; что онъ, визирь, видитъ себя въ необходимости перебраться на другую сторону Дуная, что онъ для спасенія ихъ пришлетъ столько судовъ, сколько будетъ возможно; но, если ему не удастся исполнить свое обѣщаніе и если русскія войска нападутъ на нихъ, то онъ имъ совѣтуетъ сложить оружіе и увѣряетъ ихъ, что русская императрица поступитъ съ ними вполнѣ человѣчно и что все, что имъ говорили до сихъ поръ о русскіихъ, было выдумано врагами обѣихъ имперій.

Какъ только мои войска подошли къ Измаилу, турки вышли изъ него, а оставшіеся сложили оружіе. Капитуляція города была совершена въ полъ-часа. Захватили сорокъ восемь пушекъ и значительные магазины всякаго рода. Отъ 21-го до 27-го іюля, т. е. отъ кагульской битвы, считаютъ около восьми тысячъ пѣнныхъ; а съ прошлаго года мы отняли у врага около пяти сотъ пушекъ.

Графъ Румянцевъ послалъ корпусъ на право къ вашему Браилову, который и будетъ взятъ, какъ вы того желали; а другой на лѣво, который долженъ взятъ Килию.

Ну, что-же, довольны-ли вы? Прошу васъ быть настолько-же довольнымъ моею дружбой, какъ я вашей.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 28-го августа, (1770 г.)

Государыня, мои опасенія разсѣялись, несмотря на всѣ усилія польскихъ диссидентовъ и газетчиковъ другихъ странъ; ваша полная побѣда, одержанная надъ оттомами на Прутѣ, даетъ имъ страшный отвѣтъ.

Пусть Ваше Императорское Величество позволить мнѣ выразить всю мою радость. Я уже болѣе не беспокоюсь на счетъ Греціи, о которой мнѣ передавали столько тревожнаго. Я все еще считаю васъ владычей Наварина и

нѣсколькихъ другихъ крѣпостей. Невѣроятно, чтобы ваши войска очистили эту страну, какъ здѣсь говорятъ. когда вы бѣте турокъ, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ; и если даже раздѣленіе вашихъ силъ васъ заставило-бы отложитъ или даже совсѣмъ оставить завоеваніе Греціи, то это предпріятіе, тѣмъ не менѣе, покрыло васъ славой. Я утверждаю, что современъ Аннибала не было сдѣлано ничего болѣе великаго; и репутація того-же Аннибала, принужденнаго опять вернуться въ Африку, оттого нисколько не пострадала. Если-бы вамъ удалось только довести ужасъ до стѣнъ Константинополя, а ваши войска до Коринѳа, и населить ваши провинціи большимъ количествомъ греческихъ семействъ, то и то вы имѣли-бы большія выгоды; но ваша послѣдняя побѣда заставляетъ меня на все надѣяться.

Если вы хотите продолжать ваши побѣды, то вы ихъ распространите, я полагаю, куда вамъ угодно; если-же захотите мира, то продиктуете его. Что касается до меня, то я попрежнему хочу, чтобы Ваше Императорское Величество короновались въ Константинополѣ. Простите мнѣ это упрямство; оно почти равняется упорству, съ которымъ я привязанъ къ вашей особѣ и вашей славѣ; такъ какъ вы сдѣлались моею преобладающею страстью, то я льщу себя мыслию, что Ваше Императорское Величество всегда будете удостоивать меня благосклоннымъ принятіемъ глубокаго почтенія и неизмѣнной преданности стараго фернейскаго отшельника.

Вольтеръ Екатеринѣ.

18—29-го августа, (1770 г.)

Милостивый государь, рискуя надѣсть вамъ слишкомъ частыми письмами, я должна сказать вамъ, что вчера получила извѣстіе, что генералъ-майоръ графъ Тотлебенъ взялъ двѣ крѣпости по ту сторону Кавказа — Шерипанъ и Багдадъ. Онъ держитъ въ осадѣ городъ и крѣпость Котатись, на туземномъ языкѣ Кутайсь, на Фазѣ (Phase),

впадающей въ Черное море. Мои войска всего въ шестидесяти верстахъ отъ него. Древній Трeбизондъ отъ нихъhalb. Саломонъ, имеритинскій князь, дѣйствуетъ за одно съ графомъ. Супруга этого князя пришла въ русскій лагерь и просила генерала, чтобы, въ случаѣ взятія Багдада, она первая вошла въ городъ. Вы понимаете, что ей не было отказано.

Этотъ Багдадъ и не такъ прекрасенъ, и не такъ великъ, какъ Багдадъ Тысячи и одной ночи. Не находите ли вы Мустафу прекрасно одѣланнымъ, а газеты чрезвычайно лживыми?

Я чуть не забыла вамъ сказать, что еще до взятія этихъ городовъ, князь Гераклій разбилъ турокъ подъ Ахалпихомъ.

Поручаю себя вашей дружбѣ и вашимъ молитвамъ: нельзя болѣе дорожить ими, какъ дорожить ваша любимица.

Екатерина.

Вольтеръ Еватеринѣ.

Фервэ, 5-го сентября, (1770 г.)

Государыня, я такъ былъ полонъ побѣдами Вашего Императорскаго Величества и такъ надуть восторгомъ и славою, что забылъ вамъ послать стихи, которые король прусскій написалъ мнѣ въ честь вашей почтенной особы и въ безчестье мало почтеннаго Мустафы; вотъ они:

Si monsieur le mamamouchi
 Ne s'était point mêlé des troubles de Pologne,
 Il n'aurait point avec vergogne
 Vu ses spahis mis en hachi;
 Et de certaine imperatrice
 (Qui vaut seule deux empereurs.)
 Reçu, pour prix de son caprice,
 Des leçons qui devraient rabaisser ses hauteurs.
 Vous voyez comme elle s'aquitte
 De tant de devoirs importants.
 J'admire avec le vieil ermite

*Ses immenses projets, ses exploits éclatants.
 Quand on possède son mérite
 On peut se passer d'assistants *)*

Я не имѣю чести думатьъ, какъ коронованныя головы и твердо убѣжденъ, что сто тысячъ вспомогательнаго войска въ Греціи и на Дунаѣ, далеко не помѣшали-бы. Въ вашемъ положеніи, было-бы гораздо лучше получить помощь, чѣмъ похвалы. Слава ваша отъ этого выиграла, но побѣды запоздали.

Послѣднія письма изъ Венеціи говорятъ, что, во время народнаго возстанія, вѣрные мусульмане остервенились противъ всѣхъ франковъ, убили французскаго посланника и почти всю его прислугу; что англійскій посланникъ избѣжалъ ярости народа, только переодѣвшись въ матроса; что венеціанскій судья долго защищался въ своемъ домѣ и что, наконецъ, Grand Seigneur послалъ ему стражу въ тысячу человекъ.

Еслибы эти извѣстія были справедливы (чему я не хочу вѣрить), то какой-же изъ европейскихъ государей сейчасъ не вооружится, чтобъ отомстить за права гражданъ? Вы однѣ ихъ защищаете; но вы также однѣ пользуетесь безсмертною славой.

Да позволить мнѣ Ваше Императорское Величество склониться къ ея стопамъ.

Старый фернейскій отшельникъ.

*) Еслибы господинъ мамамучи не вмѣшался въ польскія смуты, то со стыдомъ не увидѣлъ-бы, какъ его спаги рубятся въ куски; а отъ нѣкоторой императрицы, которая одна стоитъ двухъ императоровъ, не получилъ-бы за свой капризъ уроковъ, которые должны-бы понизить его чванство. Вы видите, какъ она справляется съ столькими важными обязанностями. Вмѣстѣ съ старымъ отшельникомъ, я восхищаюсь ея громадными прозектами, блестящими подвигами. Обладая такими достоинствами, можно обойтись безъ помощниковъ.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 31-го августа, —11-го сентября, (1170 г.)

Милостивый государь, хотя на этотъ разъ я не могу сообщить вамъ, въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 11-го августа, какихъ-бы то ни было военныхъ событій, но, надѣюсь, не помѣшать вашему выздоровленію, сказавъ вамъ, что послѣ взятія Измаилова, буржакскіе и бѣлгородскіе татары отдѣлились отъ Порты. Они послали уполномоченныхъ къ двумъ генераламъ моей арміи для капитуляціи и отдались подъ протекторатъ Россіи. Они дали заложниковъ и поклялись на Коранѣ не помогать болѣе ни туркамъ, ни крымскому хану и не признавать хана, если онъ не приметъ тѣхъ-же условій, т. е. мирно жить подъ протекторатомъ Россіи и отдѣлиться отъ Порты. Неизвѣстно, что сдѣлалось съ этимъ ханомъ. Повидимому, однако, если не онъ, то большая часть его поданныхъ примутъ эти условія.

Татары, съ самаго начала этой войны, считали ее несправедливой; имъ не на что было жаловаться; прерванная торговля съ Украиною причиняла имъ потерю, болѣе дѣйствительную, чѣмъ они могли ожидать выгодъ отъ грабежей.

Мусульмане говорятъ, что два послѣднихъ сраженія стоятъ имъ сорока тысячъ человѣкъ. Это ужасно, я согласна; но когда дѣло идетъ объ ударахъ, то лучше ихъ давать, чѣмъ получать.

Теперь, я не посмѣю спросить васъ, довольны-ли вы, такъ какъ, какую-бы вы ни питали ко мнѣ дружбу, но я увѣрена, что вы не можете равнодушно смотрѣть на несчастія столькихъ людей. Надѣюсь, однако, что эта-же дружба утѣшитъ васъ во всѣхъ несчастіяхъ турокъ; вы сдѣлаетесь терпимы и человѣчны и уже болѣе не будетъ противорѣчія въ вашихъ чувствахъ. Невозможно, чтобы вы любили враговъ искусствъ.

Сохраните мнѣ, пожалуйста, вашу дружбу и будьте увѣрены, что я ее очень цѣню.

P. S. Я должна вамъ упомянуть еще объ одномъ новомъ явленіи: большое количество турецкихъ дезертировъ является къ нашему войску. Говорятъ, что никогда еще не бывало этому примѣра. Эти дезертиры увѣряютъ, что у насъ съ ними лучше обходятся, чѣмъ у нихъ.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 14-го сентября, (1770 г.)

Государыня, мы узнали, черезъ Венецію и Марсель, о вашихъ двухъ морскихъ побѣдахъ, при Румелійскомъ *Naroli* и *Scio*. Сію минуту, при восклицаніяхъ ста тысячъ ртовъ, я получилъ подробности, которыми Ваше Императорское Величество удостоиваетъ меня, о побѣдѣ г. фельдмаршала Румянцева надъ Али-Беемъ и столькими пашами, сопровождаемыми сто пятьюдесятью тысячами человекъ.

Если я умру отъ удручающихъ меня болѣзней, то умру, почти удовлетворенный, потому что Мустафа наполовину свергнутъ. Я ему очень благодаренъ за то, что онъ совѣтуется съ пророками и юродивыми. Этотъ народъ, во всѣ времена, былъ одинъ и тотъ-же, съ тою только разницей, что пророки — юродивые, болѣе опасные. Суровые мусульмане признаютъ ихъ въ количествѣ четырехъ сотъ сорока тысячъ, включая сюда всѣхъ героевъ *Ветхаго Завѣта*; они-бы составили гораздо болѣе сильную армію, чѣмъ армія Али-Бега или Али-Бея.

Я болѣе, чѣмъ когда-либо вижу, что колесницы Кира совсѣмъ бесполезны вашему побѣдоносному войску. Если оно еще разъ встрѣтитъ Али-Бея, то разобьетъ его непремѣнно; но приходится перебираться черезъ Дунай въ виду очень многочисленнаго войска. Нѣтъ ничего, на что-бы я не считъ способнымъ графа Румянцева; но возможно-ли рѣшиться на переправу, послѣ которой необходимо, или взять Константинополь, или потерять вся-

кую возможность для отступления? Я поднимаю руки къ небу, молюсь и молчу.

Всѣ, желавшіе неудачъ Вашему Величеству, будутъ очень пристыжены. И къ чему желать вамъ неприятностей, когда вы мстите за всю Европу? Это, вѣроятно, все люди, не желающіе, чтобы говорили по гречески, такъ какъ, будь вы владычицей Константинополя, Ваше Величество сейчасъ-же бы учредили прекрасную греческую академію. Въ вашу честь сочинили бы Екатерина и ду; Зевкисъ и Фидій усѣяли-бы землю вашими изображениями; паденіе оттоманской имперіи, праздновалось-бы по гречески; Анины сдѣлались-бы одною изъ вашихъ столицъ; греческій языкъ сдѣлался-бы всемірнымъ; всѣ негоціанты Эгейскаго моря испрашивали-бы у Вашего Величества греческіе паспорта.

Я не люблю венеціанцевъ, которые такъ долго медлятъ сдѣлаться греками. Я также немного сердить на этого египетскаго Али, столь-же неподвижнаго, какъ мумія. Но, въ концѣ концовъ, мнѣ не на что жаловаться: двѣ побѣды на морѣ и двѣ на сушѣ — милости довольно порядочныя, за которыя я благодарю Ваше Императорское Величество отъ всего сердца и прибавляю *de profundis* Муштафѣ:

Пусть Ваше Императорское Величество всегда будетъ также счастлива, какъ вы этого заслуживаете, и удостоить принять глубокое уваженіе, радость и неизмѣнную привязанность стараго альпійскаго отшельника.

Екатерина Вольтеру.

10—21 сентября (1770 г.)

Милостивый государь, вы мнѣ говорите въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, что я должна сообщить вамъ о взятіи полдюжины городовъ: я, кажется, уже писала вамъ о взятіи Измаилова на Дунаѣ, теперь прибавляю еще о взятіи крѣпости Новой-Килии. Послѣ нѣскольконедельнаго

Вольтеръ

6

подступа, турецкій гарнизонъ, въ пять тысячъ человекъ былъ отправленъ на другой берегъ рѣки.

Письма съ Мальты подтвердили извѣстіе о великомъ морскомъ сраженіи, данномъ въ каналѣ Scio; на слѣдующій же день мой флотъ превратилъ въ пепель тридцать три непріятельскихъ корабля, удалившихся въ Ливернскую гавань, въ Азіи.

Надѣюсь, что вамъ не непріятно будетъ узнать, что мною не досчитываются тѣ, которые съ такимъ наслажденіемъ заставляютъ насъ терпѣть поражение на бумагѣ. Прошу васъ сохранить для меня свою дружбу и быть увѣреннымъ и т. д.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 21-го сентября (1770 г.)

Государыня, да здравствуетъ августѣйшая, обожаемая Екатерина! да здравствуютъ ея побѣдоносныя войска! Ея письмо, отъ 20-го августа новаго-стиля, написано самымъ лучшимъ слогомъ, которымъ когда-либо писали. Войско Александра заставитъ, наконецъ, аеинцевъ хорошо говорить о ней. Зависть принуждена восхищаться.

Ваше Величество совсѣмъ правы; война очень полезна для страны, когда она ведется съ успѣхомъ на ея границахъ. Народъ дѣлается тогда болѣе промышленнымъ, болѣе дѣятельнымъ, какъ и болѣе страшнымъ. Турокъ бьютъ со всѣхъ сторонъ у нихъ-же, и всякая побѣда увеличиваетъ храбрость и надежды вашихъ воиновъ. Эхо передало нашимъ Альпамъ, что въ то время, какъ визирь переходилъ въ безпорядкѣ Дунай, генераль Тотлебенъ побѣдилъ значительный турецкій корпусъ у Эрзерума и даже овладѣлъ этимъ городомъ.

Если это правда, то мнѣ кажется, что Вашему Величеству нельзя болѣе колебаться слѣдовать за своей судьбой, зовущей ее такъ громко. Самая великая изъ революцій начата; вашъ геній ее окончитъ. Я уже давно говорилъ, что если когда-либо оттоманская имперія бу-

деть уничтожена, то это сдѣлаетъ Россія; моя Августѣйшая Императрица исполнитъ мое пророчество. Я уже боѣе не боюсь письма, которымъ она меня удостоиваетъ.

Великій монархъ писалъ мнѣ, что, будто, Ваше Величество не только заключить миръ, но заключить его съ умѣренностью; я не вижу отчего такъ перемониться съ Мустафой, который-бы не поперемонился, еслибы былъ побѣдителемъ.

Когда я говорилъ о мирѣ, самъ опасаясь его; когда прибавлялъ, что вы должны диктовать его условія, то далекъ былъ отъ мысли, чтобъ Ваше Величество покинуло этихъ храбрыхъ спартанцевъ. Боже меня сохрани подозрѣвать это! но, послѣ столькихъ побѣдъ, нечего уже выпрашивать прощенія имъ у ихъ презрѣннаго повелителя: пора имъ не имѣть другаго; кромѣ моей покровительницы, или, скорѣе, пора имъ быть совѣмъ свободными подъ ея знаменами.

Нѣкоторое время я опасался, чтобы ваше войско не перешло Дунай и не подвергло-бы себя нѣкоторымъ неудачамъ. Я полагаю, что переправа черезъ Дунай, въ присутствіи турокъ, будетъ очень трудна, а отступленіе еще труднѣе; но теперь все мнѣ кажется великимъ; страхъ обуялъ ихъ и этотъ страхъ сражается за васъ. Я увѣренъ, что десять тысячъ вашихъ солдатъ побьютъ пятьдесятъ тысячъ Османлисовъ.

Меня не удивляетъ, что душѣ вашей, способной на все великое, нравится подобная война. Я помню, что высадное войско уже вернулось въ Грецію и вашъ черноморскій флотъ угрожаетъ окрестностямъ Константинополя. Если-бы эта египетская революція, о которой мнѣ столько кричали, могла дѣйствительно совершиться, то я бы счелъ турецкую имперію на всегда погибшей.

Я думаю, что у венеціанцевъ не хватитъ самаго главнаго качества въ политикѣ—смѣлости. Хитрость никогда никому не пригождалась для великихъ цѣлей; она хороша только для мелкихъ.

Но передъ кѣмъ осмѣливаюсь я предаваться моимъ мыслямъ? Я говорю съ ангеломъ хранителемъ сѣвера, я

должень молчать, должень заставить умолкнуть свой возторгъ и оставаться въ границахъ глубокаго уваженія и привязанности, повергающихъ меня къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества на все то не долгое время, которое мнѣ остается прожить.

Фернейскій отшельникъ.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ 16—27 сентября (1770 г.)

Милостивый государь, какъ много должна я сегодня вамъ сообщить! не знаю, съ чего и начать.

Мой флотъ, подъ командою не моихъ адмираловъ, а графа Алексѣя Орлова, разбилъ непріятельскій флотъ, сжегъ его всего въ Чесменской гавани, древнемъ Клазоменѣ (Clazomène). Три дня тому назадъ я получила объ этомъ прямое извѣстіе. Около ста судовъ всевозможныхъ родовъ были обращены въ пепель. Не смѣю выговорить количество погибшихъ мусульманъ: ихъ насчитываютъ до двадцати тысячъ.

Общій военный совѣтъ положилъ предѣлъ разъединенію двухъ адмираловъ, отдавъ командованіе генералу войскъ сухопутныхъ, находившемуся на этомъ флотѣ и который, къ тому же, былъ старшій по службѣ. Это рѣшеніе было единодушно всѣми одобрено. Я всегда говорила, что герои рождаются для великихъ событій.

Турецкій флотъ преслѣдовался отъ Румынскаго Наполи, гдѣ онъ выдержалъ два нападенія, до Scio. Графъ Орловъ зналъ, что изъ Константинополя отправлено подкрѣпленіе и, желая предупредить его соединеніе, онъ напалъ на врага, не теряя времени. Пріѣхавъ въ каналъ Scio, онъ увидѣлъ, что соединеніе уже совершилось. Съ девятью линейными кораблями, онъ очутился въ присутствіи шестнадцати оттоманскихъ: число фрегатовъ и другихъ судовъ было еще болѣе неравнобѣрно. Онъ не колебался, и общее расположеніе умовъ было таково, что всѣ рѣшили побѣдить, или умереть. Сраженіе началось:

графъ Орловъ держался въ центрѣ; адмиралъ Спиридовъ, имѣвшій на своемъ кораблѣ графа Федора Орлова, командовалъ авангардомъ; контръ-адмиралъ Едфинстонъ—арьер-гардомъ.

Турки были расположены такъ, что одно изъ ихъ крыльевъ упиралось на каменистый островъ, а другое на мели, такъ что они не могли быть обогнутыми.

Впродолженіе нѣсколькихъ часовъ огонь былъ ужасенъ съ обѣихъ сторонъ; корабли такъ близко подошли другъ къ другу, что ружейная стрѣльба присоединилась къ пушечной. Корабль генерала Спиридова боролся съ тремя военными кораблями и одной турецкой шебекой. Не смотря на это, онъ зацѣпилъ Капитанъ-пашу, имѣвшаго девяносто пушекъ и набросалъ туда столько гранадъ и горючихъ матеріаловъ, что корабль загорѣлся; огонь перешелъ на нашъ корабль и оба взлетѣли на воздухъ въ ту минуту, какъ адмиралъ Спиридовъ съ графомъ Федоромъ Орловымъ и около девяносто людей экипажа спустились съ него.

Графъ Алексѣй, увидя въ разгарѣ сраженія, что адмиральскіе корабли взлетѣли на воздухъ, подумалъ, что братъ его погибъ. Онъ почувствовалъ тогда, что онъ не болѣе, какъ человѣкъ и лишился чувствъ; но, минутою спустя, придя въ себя, онъ приказалъ поднять паруса и съ своими кораблями бросился на враговъ. Въ минуту побѣды офицеръ принесъ ему извѣстіе, что его братъ и адмиралъ живы. Онъ говоритъ, что не можетъ описать, что почувствовалъ въ эту минуту, самую счастливую въ его жизни. Остальной турецкій флотъ въ безпорядкѣ бросился въ Чесменскій портъ.

Слѣдующій день прошелъ въ приготовленіи брандеровъ и въ стрѣльбѣ по врагу въ портѣ, на которую тотъ отвѣчалъ. Но ночью брандеры были пущены и такъ хорошо сдѣлали свое дѣло, что менѣе, чѣмъ въ шесть часовъ турецкій флотъ былъ совсѣмъ уничтоженъ. Говорятъ, что вода и суша дрожали отъ количества непріятельскихъ судовъ, взлетающихъ на воздухъ. Это чувствовалось до Смирны, находящейся въ двѣнадцати лье отъ Чесмы.

Во время пожара, наши вытащили изъ порта турецкій корабль съ шестидесятью пушками, находившійся подъ вѣтромъ и поэтому уцѣлѣвшій. Они также захватили батарею, оставленную турками.

Война—скверная вещь. Графъ Орловъ мнѣ пишетъ, что на другой день послѣ пожара флота, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что вода въ Чесменскомъ портѣ, который не очень великъ, была совсѣмъ красная, такъ много погибло въ ней турокъ.

Это письмо будетъ отвѣтомъ на ваше отъ 26 августа, въ которомъ ваши опасенія на нашъ счетъ уже начали разсѣиваться. Надѣюсь, что теперь ихъ болѣе уже нѣтъ. Мнѣ кажется, что дѣла мои идутъ довольно хорошо. Что же касается до взятія Константинополя, то я не полагаю его столь близкимъ. Однако, какъ говорятъ, не надо ни въ чемъ отчаяваться. Я начинаю думать, что это всего болѣе зависитъ отъ самого Мустафы. До сихъ поръ онъ такъ велъ себя, что если еще будетъ держаться того упрямства, которое его друзья внушаютъ ему, то можетъ навлечь на свою имперію большія опасности. Онъ забылъ свою роль зачинщика.

Прощайте, милостивый государь, будьте здоровы. Если выигранныя сраженія могутъ вамъ нравиться, вы должны быть нами довольны. Вѣрьте моему къ вамъ уваженію и почтенію.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 2-го октября (1770 г.)

Государыня, я не живу въ XVIII ст., я чувствую себя перенесеннымъ въ Альпы временъ основанія Вавилона. Я вижу героиню изъ дома Асканіевъ, возведенную на престолъ Рокселановъ, торжествующую надъ Киромъ, на Фазисѣ, на Понтѣ Эвксинскомъ, на морѣ Эгейскомъ, на берегахъ Дуная. Даламбергъ, находящійся теперь въ Фернэ, въ такомъ же восторгѣ, какъ и я, съ тою только разницею, что восторгъ свой онъ выражаетъ. Мы одинаково

ненавидимъ Мустафу; среди кустарниковъ нашихъ горъ мы ищемъ только лавровъ, чтобы украшать ими портретъ Вашего Императорскаго Величества, но не находимъ ихъ. Всѣ натуралисты увѣряютъ, что ихъ можно найти только въ Россіи.

Послѣ письма отъ 29 августа, которымъ Ваше Величество удостоили меня, мы съ увѣренностью ожидаемъ, что ваше побѣдоносное войско перейдетъ Дунай; что ви-зиръ будетъ разбитъ итегум у Адрианополя; что городъ этого злаго Константина, такъ поздно крестившагося, откроетъ вамъ свои ворота; что дамамъ сераля будетъ возвращена свобода, что флотъ Эгейскаго моря соединится съ флотомъ Понта Эвксинскаго; что Мустафа уѣдетъ въ Дамаскъ или Алепо и т. д., и т. д.

Вы были совершенно правы, говоря въ началѣ этой войны, что тѣ, которые возбудили ее, трудились для вашей славы: дѣйствительно, Ваше Величество много имъ обязаны.

И мы тоже не остаемся безъ славы. Въ Парижѣ появились очень хорошенькія новомодныя кареты, тамъ изобрѣли столовые приборы для десерта очень тонкаго вкуса; недавно большой хоръ исполнялъ мотеть *), надѣлавшій много шума, по крайней мѣрѣ, въ той залѣ, въ которой его пѣли; наконецъ, у насъ есть танцовщица **), о которой рассказываютъ чудеса.

Не смотря на наши триумфы, души Даламбера и моя летятъ къ Дарданеламъ, на Дунай, къ Черному морю, въ Бендеры, въ Крымъ и въ особенности въ Петербургъ: тамъ онѣ у ногъ Вашего Императорскаго Величества, проникнуты восхищеніемъ, почтеніемъ, радостью и полныя надеждой писать ей въ Стамбуль.

Обожатель исключительно одного Вашего Императорскаго Величества, Вольтеръ, погребенный въ Фернэ и кричащій: Слава въ вышнихъ.

*) Сочиненной г. Азайсомъ, учителемъ музыки Сорезской коллегии.

***) М-лле Жирарденъ или м-лле Дервие.

Екатерина Вольтеру.

28-го сент. 9-го окт. (1770 г.)

Милостивый государь, вы любите великія души: посмотрите, какъ отразилась душа графа Алексѣя Орлова въ отвѣтъ, данномъ имъ христіанскимъ консуламъ въ Смирнѣ! Я увѣрена, что вы останетесь имъ довольны (вы его найдете въ прилагаемомъ листѣ). Не правали я, говоря, что эти Орловы рождены для великихъ вещей?

Вы меня спрашиваете въ вашемъ письмѣ отъ 21 сентября, не овладѣлъ-ли генераль Тотлебенъ Эрзерумомъ? Я уже, кажется, сообщила вамъ, что его послѣднее завоеваніе былъ городъ Кутаисъ (Cotatis). Въ военное время нельзя подвигаться такъ быстро, потому что необходимо дважды въ день подкрѣпляться пищею, а для этого, надо или имѣть пищу, или находить ее.

Я искренно хочу мира, не потому, что мнѣ не хватаетъ средствъ, но потому, что ненавижу пролітіе христіанской крови. Если г. Мустафа будетъ продолжать упорствовать, то надѣюсь, что въ будущемъ году, онъ найдетъ насъ всюду, гдѣ намъ будетъ только возможно убѣдить его, что гораздо лучше покориться обстоятельствамъ, чтобы спасти свою имперію, чѣмъ доводить упрямство до крайности.

Греки, спартанцы, сильно выродились; они предпочитаютъ грабежъ свободѣ. Они погибнуть на вѣки, если не воспользуются совѣтами героя, котораго я послала имъ. Я совсѣмъ не говорю о венеціанцахъ: я нахожу, что въ Италіи только папа и сардинскій король — люди достойные.

Будьте увѣрены, что нельзя испытывать большаго удовольствія, чѣмъ испытываю я, всякій разъ, какъ получаю ваши письма; въ нихъ столько доказательствъ вашей дружбы, что я не могу не быть вамъ чрезвычайно признательной.

Екатерина.

Р. S. Сейчас получила извѣстіе, что Бѣлгородъ, по турецки Аккерманъ, на Днѣстрѣ, 26-го сентября сдался на капитуляцію. Скоро, я полагаю, вы услышите о вашемъ Браиловѣ.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 12-го октября (1770 г.)

Государыня, письмо Вашего Императорскаго Величества отъ 11-го сентября, удерживаетъ меня въ прежней радости, но не увеличиваетъ ее. Я увѣренъ, что, еслибы Мустафа, его визирь Аземъ и его муфти знали, какъ я интересуюсь ими, то, въ благодарность за это, они посадили-бы меня на колъ.

Да благословенъ будетъ ихъ Аллахъ, если, въ самомъ дѣлѣ, Али сдѣлался королемъ Египта! Но эта новая милость Провидѣнія, по отношенію къ Мустафѣ, мнѣ кажется сомнительной. Это было-бы извѣстно въ Марсельѣ, постоянно посылающемъ корабли въ портъ Александрію; мы-бы это знали черезъ Венецію; но никто не говоритъ объ этомъ. Нельзя сдѣлаться египетскимъ королемъ инкогнито. Осмѣлюсь сказать болѣе: Ваше Величество имѣли-бы уже въ этой странѣ Моисея и Фараона какого-нибудь израильянина, который-бы поощрялъ революцію во имя Господа и который далъ-бы вамъ отчетъ. Такъ что я ограничиваюсь только самыми нѣжными желаніями, чтобы мой дорогой Мустафа былъ изгнанъ съ береговъ Нила и Дуная.

Прошу пзволить мнѣ, Ваше Величество, пожалѣть этихъ бѣдныхъ грековъ, имѣющихъ несчастье принадлежать еще людямъ, говорящимъ по турецки. Вотъ маленькая скорбь, испытываемая мною среди удовольствій, доставленныхъ мнѣ вашими побѣдами. Уже довольно того, что, въ такое короткое время, вы сдѣлались полной владычицей Молдавіи; Валахіи, почти всей Бессарабіи, обоихъ береговъ Чернаго моря, съ одной стороны къ Азову, а съ другой къ Кавказу.

Когда Ваше Величество составляли свои прекрасные законы, первымъ изъ которыхъ была терпимость, вы не воображали, чтобы такая хорошая христіанка сдѣлалась покровительницей буджайскихъ (Budjiak) обрѣзанцевъ, происходящихъ, по прямой линіи, отъ Тамерлана и Чингизъ-хана. Но, такъ какъ вы всѣ дѣти Ноя (хотя его никто никогда не зналъ, кромѣ евреевъ), то ясно, что вы всѣ двоюродные братья и сестры, и должны поддерживать другъ друга. Эта терпимость Вашего Императорскаго Величества къ господамъ бессарабскимъ татарамъ непременно вынудитъ непобѣдимаго Мустафу просить у васъ мира. Но что сдѣлается съ моею бѣдной Греціей? Неужели я постоянно буду имѣть несчастье знать, что дѣти благороднаго Алкивіада повинуются другимъ, а не Екатеринбургѣ Великой?

Но, все-таки, при первомъ конгрессѣ, я сдаю въ ваши руки интересы олимпійскихъ игръ и аѳинскаго театра, но я предпочитаю положить на сраженіе, чѣмъ на срабаніе уполномоченныхъ. Вамъ такъ хорошо служить графы Орловы и фельдмаршалъ Румянцевъ, что, не смотря на мое миролюбіе, я, безъ сомнѣнія, желаю лучше новыхъ побѣдъ, чѣмъ мира.

Каюсь, что я нѣсколько тороплюсь, но, будучи очень старъ и боленъ, я хочу скорѣе насладиться. Если вы немного запоздаете взойти на стамбульскій престолъ, то мнѣ уже невозможно будетъ быть свидѣтелемъ этого миленькаго торжества.

Пусть Ваше Императорское Величество по прежнему соблаговолитъ принять глубокое почтеніе, благодарность и честныя желанія стараго фернейскаго отшельника.

Екатерина Вольтеру.

7—18 октября (1770 г.)

Милостивый государь, за пріѣздомъ принца Генриха прусскаго въ Петербургъ, послѣдовало взятіе Бендеръ, о чемъ и объявляю вамъ. То и другое помѣшало мнѣ

отвѣчать на ваши три письма, которыя я получила одно вслѣдъ за другимъ. По слухамъ, графъ Орловъ завладѣлъ Лемносомъ. Вотъ, мы, окончательно, въ странѣ сказокъ: боюсь, чтобы, со временемъ, сама эта война не показалась сказочной.

Если мамамучи не заключить мира этой зимой, то не знаю, что съ нимъ будетъ въ будущемъ году. Еще немного того счастья, примѣры котораго мы видѣли, и исторія турокъ можетъ дать будущимъ вѣкамъ новые сюжеты для трагедій.

Вы, пожалуй, скажете, что начиная съ успѣховъ этой кампаніи, я сильно подняла тонъ, но дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ счастье привалило ко мнѣ, Европа находить у меня много ума. Однако, въ сорокъ лѣтъ ни умъ нашъ, ни красота, далеко не увеличиваются передъ Господомъ Богомъ.

Я съ вами совершенно согласна, что вскорѣ мнѣ пора будетъ отправляться изучать греческій языкъ въ какой-нибудь университетъ; пока, переводить Гомера на русскій; все-таки, это кое-что для начала. Обстоятельства намъ покажутъ, надо-ли будетъ идти далѣе. Умы турокъ склоняются на нашу сторону; они говорятъ, что ихъ султанъ безразуденъ, подвергая имперію столькимъ несчастіямъ; что совѣтъ его друзей окажется гибельнымъ для мусульманъ.

Прощайте, будьте здоровы и молитесь за насъ Бога.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 25-го октября (1770 г.)

Государыня, Клазомена (Clazomeue), былъ когда-то прекраснымъ городомъ: Александръ увеличилъ его; турки опустошили, но, подъ вашей властью, онъ вновь сдѣлается цвѣтущимъ.

Письмо Вашего Императорскаго Величества отъ 16—27-го сентября, наполняетъ меня радостью и заставляетъ

трепетать отъ ужаса. Всѣ эти графы Орловы — герои, а вы самая счастливая, какъ и самая первая принцесса во вселенной. Я очень жалѣю князя Козловскаго. Какъ-же мнѣ не оплакивать человѣка, который мнѣ привезъ портретъ моеи героини? Но, за то, онъ умеръ, служа вамъ.

Что-же, послѣ всего, Ваше Императорское Величество выиграетъ изъ всей этой рѣзни, единственной причиной которой—самъ Мустафа, теперь столь-же утомленный, какъ и встревоженный? Должно быть онъ заколдованъ, если до сихъ поръ не просить у Васъ мира.

Англичане и испанцы готовы начать войну въ обоихъ полушаріяхъ изъ-за маленькаго, пустыннаго острова; но Ваше Величество дерется теперь за Восточную имперію.

Изъ Марселя пишутъ, что Али-Бей, дѣйствительно, захватилъ себѣ въ Египтѣ такую власть, которую падишахъ Мустафа не можетъ уже отнять у него, но что онъ не окончателно покончилъ съ Оттоманской Портой. Я, все-таки, продолжаю думать, что провіантъ не можетъ болѣе проходить изъ Египта въ Константинополь, передъ вашимъ побѣдоноснымъ флотомъ.

Я полагаю, что Ваше Императорское Величество владѣетъ Чернымъ моремъ, такъ что только Левантъ можетъ доставлять припасы и помощь столицѣ вашего врага.

Разумѣется, я слишкомъ мало знаю, чтобы осмѣлиться разсуждать о томъ, можетъ-ли ваше войско, или нѣтъ перейти Дунай; я могу только высказывать свои желанія. Носится слухъ, что князь Репнинъ и генералъ Баверъ, перешли эту рѣку съ легкими войсками, чтобы сдѣлать развѣдки и потревожить турокъ. Я совершенно полагаюсь на осторожность и усердіе вашихъ генераловъ, но смѣю быть почти увѣреннымъ, что турки не выдержатъ нападенія вашихъ войскъ. Когда разъ страхъ овладѣлъ народомъ, то онъ все растетъ и растетъ, если только самое время не заставитъ опомниться. Завоеватели странъ, занимаемыхъ нынѣ турками, никогда не давали своимъ врагамъ времени вздохнуть.

Видю, что Ваше Величество прекрасно подражаетъ

имъ; къ тому же, для вашихъ солдатъ не существуетъ времени года; они могутъ взять Бендеры въ октябрѣ и идти къ Адрианополю въ ноябрѣ.

Чѣмъ ваши успѣхи больше, тѣмъ сильнѣе удивляюсь я тому, что никто не помогъ вамъ и что турецкая раса еще не изгнана изъ Европы.

Я думаю, что самые великіе принцы чаще ошибаются въ политическихъ дѣлахъ, чѣмъ частные люди въ своихъ семейныхъ. Они очень дорожатъ своими интересами, отлично ихъ понимаютъ, но, по слишкомъ общей судьбѣ, никогда ихъ почти не добиваются.

Что бы тамъ ни было, но вотъ наступило время самой лучшей и самой благородной изъ революцій со временъ завоеваній первыхъ калифовъ. Если не вы ее вызвали, то значить никто. Я былъ-бы сильно огорченъ, еслибъ Ваше Величество изъ столькихъ трудовъ извлекли только одну славу. Ваша сильная и великодушная душа мнѣ скажетъ, что и этого уже много, а я осмѣлюсь возразить, что послѣ такого количества пролитой крови и издержанныхъ сокровищъ, надо и еще чего-нибудь другаго: лучи славы монарховъ считаются, въ подобныхъ случаяхъ, чистомъ приобрѣтенныхъ ими провинцій.

Простите мои бесполезныя размышленія. Ваше Величество ихъ извинить, потому что ихъ подсказываетъ сердце, и вы мнѣ скажете въ двухъ словахъ болѣе, чѣмъ другіе наговорятъ на сотнѣ страницъ.

Да удостоитъ Ваше Императорское Величество принять съ своей всегдашней добротой мою радость вашими успѣхами, восхищеніе передъ графами Орловыми, вашими генералами и вашими войсками, мои желанія еще большихъ успѣховъ, мое глубокое почтеніе, восторгъ и мою неизмѣнную привязанность.

Старый Отшельникъ.

Фернэ, 6-го ноября (1770 г.)

Государыня, если Бендеры взяты штыками, какъ говорятъ, то я приношу мою усерднѣйшую благодарность Вашему Императорскому Величеству; потому-что, лежа

больной въ постели, у меня нѣтъ другаго удовольствія, кромѣ вашихъ побѣдъ, и каждое ваше завоеваніе подкрѣпляетъ мои силы.

Изъ Марсея подтверждаютъ, что Али-Бей-Египетскій король, что онъ завладѣлъ Александріей, гдѣ уже установилъ значительную торговлю со всѣми торгующими народами. Да будетъ угодно Пресвятой дѣвѣ Маріи, въ которую Али-Бей не вѣруеть, чтобы все это была сущая правда!

Что меня сильно огорчаетъ, такъ это-то, что ваши побѣдоносныя войска еще не въ Адрианополѣ. Ваше Величество, пожалуй, скажете, что я слишкомъ буйный старикъ, котораго ничто не можетъ удовлетворить; что хотя вы ежедневно и побѣждаете Мустафу, для доставленія мнѣ удовольствія, но что я удовлетворюсь только тогда, когда вы будете на берегахъ Евфрата. Ну, что-жъ, это правда; Месопотамія страна превосходная; по ней можно путешествовать на носилкахъ, чего нельзя дѣлать въ Петербургѣ около ноября. Его Высочеству, принцу Генриху тамъ очень хорошо! Да, но онъ герой, хотя и не великанъ; справедливость требуетъ, чтобы онъ увидѣлъ сѣверную героиню, такъ какъ онъ настолько-же любезный человекъ, насколько великій генераль.

Но, все-таки, я полагаю, что Али-бей удерживаетъ Египеть для Вашего Императорскаго Величества; ибо моя страсть хотеть отдать вамъ также и Египеть, чтобы ваша академія наукъ, членомъ которой я имѣю честь быть, могла хорошо изучить его древности, чего, по всей вѣроятности, никогда не будетъ сдѣлано при Али-бей.

Говорятъ, что въ Константинополѣ чума; вѣроятно, Мустафа дѣлалъ перепись своему народу, потому-что Богъ посылаетъ обыкновенно чуму царямъ, вознамѣрившимся сосчитать своихъ подданныхъ. Доброму царю Давиду это обошлось въ семьдесятъ тысячъ евреевъ *), въ чемъ не было большой потери. Надѣюсь, что Ваше Величество скоро прогонитъ изъ Стамбула чуму и турокъ.

*) Книга Царствъ, глава XXIV, стихъ 15.

Приникаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества изъ глубины моей пустыни и моего ничтожества, съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ страстью, которая все растетъ и совершенствуется.

Феврѣ, 20-го ноября (1770 г.)

— Ваше Императорское Величество предвидѣли вѣрно: ваши враги послужили только къ вашей славѣ, и какъ бы вы ни кончили эту великую войну, слава ваша не будетъ переходящей. Въ одно время, побѣдительница и законодательница, вы упрочили безсмертіе за своимъ именемъ. Я немного огорченъ, въ качествѣ француза, слухомъ, что Дарданеллы укрѣпляетъ какой-то кавалеръ Тоттъ. Какъ! Такъ-то кончаютъ французы, когда-то начавшіе первый крестовый походъ! Что бы сказалъ Готфридъ Бульонскій, еслибы эта новость могла проникнуть въ страну, въ которую не доходятъ никакія извѣстія?

Все еще говорятъ о чумѣ въ Германіи; ее боятся, вездѣ требуютъ свидѣтельствъ о здоровьи, а того не думаютъ, что еслибы помогли Вашему Величеству выгнать въ этомъ году турокъ изъ Европы, то навсегда прогнали-бы съ ними и чуму. Забываютъ самыя великія, самыя настоящія интересы, для интереса химеричнаго, для политики, кажущейся мнѣ очень не разумной. Я полагаю, что ошибокъ дѣлается очень много: это участь большей части министерствъ.

Во Франціи готовятся къ войнѣ и надѣются на миръ; въ которомъ сильно нуждаются. Было-бы слишкомъ безобразно подвергаться величайшему изъ золъ изъ-за ничтожнаго, необитаемаго острова; никогда не должно начинать войны, не имѣя полной вѣроятности много изъ нея выиграть. Пусть война съ Мустафой кончится сверженіемъ его съ престола или, по крайней мѣрѣ, раззореніемъ его лѣтъ на тридцать! Пусть Ваше Императорское Величество пользуется продолжительнымъ торжествомъ и, раздавивъ Турцію, успокоитъ Польшу!

У васъ два сосѣда, сочиняющіе стихи, король прусскій и императоръ китайскій; Фридрихъ уже сочинилъ для васъ, ожидаю того-же и отъ Кинъ-Лонга.

Прибѣгаю къ побѣдоноснымъ стопамъ и гораздо болѣе бѣлымъ, чѣмъ у Мустафы, съ глубочайшимъ почтеніемъ и величайшей страстью.

Фернъ, 26-го ноября (1770 г.)

— Государыня, надо желать того, чему нельзя помѣшать. Вижу, что этого толстаго Мустафу заставятъ просить у васъ мира; но, во имя Иисуса Христа, нашего Спасителя, заставьте его подороже заплатить за него. Когда Ваше Императорское Величество сдѣлается опять его другомъ, я начну называть его Высочествомъ. Разсказываютъ, что онъ запросто выдается съ англійскимъ посланникомъ два раза въ недѣлю и говоритъ съ нимъ по италіански; я съ трудомъ этому вѣрю; турки едва выучиваются по арабски. Я знаю царицъ во всемъ стоящихъ значительно выше Мустафы, которыя въ совершенствѣ говорятъ на многихъ языкахъ. Что же касается до стамбульскаго падишаха, то я сильно сомнѣваюсь, чтобы онъ имѣлъ эту заслугу и чтобы у него существовала академія.

Говорятъ также, что онъ хочетъ поручить свои непобѣдимыя войска своему брату, что нѣсколько противорѣчить миролюбивымъ планамъ, приписываемымъ ему; но его братъ искуснѣе-ли его? и если онъ падишахъ, то отчего-же не командуетъ самъ своими войсками?

Я думаю, что онъ сталь-бы дрожать отъ страха передъ однимъ изъ четырехъ Орловыхъ, стоящихъ болѣе, чѣмъ четыре сына Эмона и которые болѣе дѣйствительные герои. Я гораздо болѣе сожалѣю о польской анархіи, чѣмъ объ оттоманской дерзости: объ теперь въ бѣдѣ, вполне ими заслуженной. Да здравствуетъ царь Китайскій, сочиняющій стихи и живущій въ мирѣ со всѣми!

Сознаюсь Вашему Величеству, что ненавижу папское

правительство; я нахожу его смѣшнымъ и отвратительнымъ; впродолженіи слишкомъ многихъ вѣковъ оно помрачало и обогрѣло кровью половину Европы. Но Гангanelли, нынѣ царствующій, человекъ умный, и повидимому, понимающій, что постыдно оставлять городъ Константина варварамъ, врагамъ всѣхъ искусствъ и что надо предпочитать мусульманамъ грековъ, хотя и схизматиковъ.

Король Сардинскій, имѣющій право на островъ Кипръ, не любитъ этихъ варваровъ. Но, еще разъ, я не понимаю равнодушія венеціанцевъ, которые могли отнять Кандію въ три мѣсяца; еще менѣ императрицу-царицу, которой были открыты Бѣлградъ, Боснія и Сербія. Съ турками всѣ сдѣлались очень воздержанны и очень вѣжливы. Простите, государыня, мои размышленія; но вы удостоили меня приучить говорить, что думаю, а великимъ страстямъ все прощается.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 2—13-декабря (1770 г.)

Милостивый государь, повторенія надоѣдаютъ. Я вамъ такъ часто говорила о томъ или другомъ взятомъ городѣ, о побитыхъ туркахъ и т. д.! Для занимательности надо, говорить, разнообразіе: и такъ, узнайте-же, что вашъ милый Браиловъ былъ осажденъ, сдѣланный приступъ былъ отброшенъ и осада снята.

Графъ Румянцевъ разсердился: онъ вторично послалъ генералъ-майора Глѣбова съ подкрѣпленіемъ къ тому же Браилову. Вы, пожалуй, подумаете, что турки, ободренные снятіемъ осады, дрались какъ львы? Совсѣмъ нѣтъ. При вторичномъ приближеніи нашихъ войскъ, они покинули городъ, пушки и бывшіе тамъ магазины. Глѣбовъ вошелъ въ него и тамъ устроился. Другой корпусъ отправился снова занимать Валахію.

Третьяго дня я получила извѣстіе, что Бухарестъ, столица этого княжества, былъ взятъ 15 ноября, послѣ небольшого сраженія съ турецкимъ гарнизономъ.

Волтеръ.

7

Но, что дѣйствительно васъ утѣшить, такъ какъ вы желали, чтобы Дунай былъ перейденъ, такъ это то, что въ тоже самое время фельдмаршалъ Румянцевъ послалъ на другой берегъ рѣки нѣсколько сотенъ охотниковъ и легкихъ войскъ, которые выѣхали изъ Измаилова на судахъ и завладѣли крѣпостью Тульчей, отстоящей въ пятнадцать верстахъ отъ лагеря визиря. Они отправили гарнизонъ на тотъ свѣтъ, увели нѣсколькихъ плѣнныхъ и тринадцать пушекъ, остальные пригвоздили и счастливо вернулись въ Килию. Узнавъ объ этой выходкѣ, визирь снялъ лагерь и уѣхалъ съ своими людьми въ Бабададжи.

Вотъ каково положеніе нашихъ дѣлъ; если будетъ угодно Мустафѣ, мы будемъ продолжать, хотя, для блага человѣчества, было бы гораздо лучше, еслибы онъ образумился.

Г. Тотлебенъ отправился осаждать Поті на Черномъ морѣ. Онъ не особенно хорошо отзывается о потомкахъ Митридата, но за то находитъ климатъ древней Иберіи лучшимъ въ свѣтѣ.

Послѣднія письма изъ Италіи говорятъ, что моя послѣдняя эскадра теперь въ Магонѣ. Если султанъ не опомнится, то я ему пошлю ихъ еще съ полъ-дюжины; можно подумать, что это ему нравится.

Теперешняя болѣзнь Англіи можетъ быть вылѣчена только войной: англичане слишкомъ богаты и разъединены; война ихъ сдѣлаетъ бѣднѣе и соединитъ умы. Да и сама нація ее хочетъ; но дворъ досадуетъ только на губернатора Буэносъ-Айреса.

Вы видите, что я этимъ письмомъ отвѣчаю на нѣсколько вашихъ. Празднества, вызванныя пребываніемъ здѣсь принца Генриха Прусскаго, уѣзжающаго сегодня въ Москву, нѣсколько помѣшали моей всегдашней аккуратности отвѣчать вамъ. Данные мною праздники, кажется, понравились ему: опишу вамъ послѣдній.

Это былъ маскарадъ, на которомъ присутствовали три тысячи шестьсотъ человѣкъ. Передъ ужиномъ, вошли Аполлонъ, четыре времени года и двѣнадцать мѣся-

цевъ; то были дѣти отъ восьми до десяти лѣтъ, выбранныя изъ институтовъ, которые я учредила для дворянъ обочкxъ половъ. Аполлонъ маленькою рѣчью пригласилъ все общество въ залъ, приготовленное Временами года и, затѣмъ, приказалъ своей свитѣ подать дары тѣмъ, кому они были предназначены.

Эти дѣти какъ нельзя лучше выполнили все, что имъ нужно было сказать и сдѣлать. Я прилагаю ихъ маленькія привѣтствія, правда, совсѣмъ ребяческія.

Сто двадцать человекъ, которые должны были ужинать въ залѣ Временъ года, отправились туда. Это большая комната, съ двѣнадцатю нишами, и въ каждой стояло по столу съ десятью приборами. Каждая ниша изображала какой нибудь мѣсяцъ и сообразно съ нимъ была отдѣлана. Надъ нишами устроили родъ галереи, идущей вокругъ всей залы и на которой, кромѣ множества масокъ, помѣщались еще четыре оркестра.

Когда всѣ усѣлись за столъ, четыре Времени года, послѣдовавшія за Аполлономъ, начали танцовать балетъ со своей свитой; затѣмъ, явилась Діана и ея нимфы. Когда балетъ кончился, раздалась музыка, написанная Трайетто нарочно для этого дня, и вошли маски. Въ концѣ ужина, Аполлонъ пришелъ просить общество пойти на приготовленный имъ спектакль. Въ помѣщеніи, прилегающемъ къ залу, былъ устроенъ театръ, на которомъ эти же самыя дѣти разыграли маленькую комедію *Юга сіе* (*Saint-Foix*), послѣ чего всѣ начали танцовать съ такимъ увлеченіемъ, что разошлись только въ пять часовъ утра. Весь этотъ праздникъ приготовлялся въ такомъ секретѣ, что никто не зналъ, будетъ-ли что-нибудь кромѣ маскарада. Двадцать одна комната были наполнены масками. Въ залѣ Временъ—девятнадцать сажень длины и ширина пропорціональна этому.

Я думаю, что Али-Бей не можетъ не найти для себя выгоднымъ продолженіе этой войны. Говорятъ, что христіане и турки очень довольны имъ; что онъ терпимъ, храбръ и справедливъ.

Не находите-ли вы страннымъ это безумство, охватив-

шее всю Европу и заставляющее ее видѣть вездѣ чуму, вслѣдствіе чего и принимать предосторожности, между тѣмъ, какъ она въ одномъ только Константинополѣ, гдѣ и никогда не прекращалась? Я тоже приняла мѣры. Всѣхъ окуриваютъ до удушенія, а между тѣмъ, весьма сомнительно, чтобы зараза перешла за Дунай.

Прощайте, будьте здоровы, продолжайте питать ко мнѣ прежнюю дружбу; никто ее не цѣнитъ болѣе меня.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Февра, 22-го декабря (1770 г.)

Государыня, страсть моя становится нѣсколько несчастной. Я не имѣю извѣстій ни о Вашемъ Императорскомъ Величествѣ, ни о моемъ врагѣ Мустафѣ. Все, что я могу дѣлать на этотъ разъ, это наскучить вамъ своими сношеніями съ царемъ Китайскимъ, вашимъ сосѣдомъ *).

Я вообразилъ, что декабрьскіе дожди, опасенія чумы и голода, могли приостановить ходъ вашихъ побѣдъ и что Ваше Величество найдете, пожалуй, время позабавиться маленькой новой Энциклопедіей **), только что появившейся у Юрскаго хребта. Въ ней говорится о вашей наивеликолѣпнѣйшей особѣ, начиная съ 17 страницы перваго тома, по поводу Азбуки (Alphabet). Надо, чтобы авторъ былъ переполненъ вами, если онъ говорить о васъ, гдѣ только можетъ.

Я не знаю, кто онъ, но несомнѣнно, что это человѣкъ, къ которому вы были добры, и который долженъ говорить о Вашемъ Величествѣ по поводу слова Благодарность.

Говорятъ, что во Франціи есть люди, находящіе это дурнымъ; но вся вселенная должна бы находить это хо-

*) *Épître au roi de la Chine* (Посланіе Китайскому царю).

**) *Les Questions sur l'Encyclopédie*.

рошимъ, и еслибы я былъ немного вашей жертвой, то я бы очень этимъ гордился.

Напечатаны только три тома. Ихъ послали черезъ общественныя кареты завѣдывающему ващими почтами по адресу Вашего Императорскаго Величества.

Осмѣливаюсь сказать вамъ о фабрикѣ часовъ, устроившейся въ Фернэ, и предложить вамъ ея услуги, когда Ваше Величество, согласившись на миръ съ Мустафой, захочетъ соблаговолить послать ему часы съ своимъ портретомъ. Онъ, можетъ, будетъ дрожать, но будетъ также растроганъ. Однимъ словомъ, моя фабрика часовъ къ вашимъ услугамъ: еслибы я былъ молодъ, я бы самъ перевелъ ее въ Саратовъ.

Король Прусскій полагаетъ, что Али-Бей совѣмъ не король Египта; вотъ еще поводъ заключить миръ съ этой проклятой Оттоманской державой, за которую столь многіе заступаются. Я, конечно, умру отъ горя, не увидя васъ на Константинопольскомъ престолѣ. Я очень хорошо знаю, что горе убиваетъ только въ романахъ, но, вѣдь, вы внушили мнѣ страсть нѣсколько романическую, а необходимо, чтобы съ такой императрицей, какъ вы, мой романъ кончился благородно. Я унесу съ собой утѣшеніе, что я видѣлъ васъ владычицей Чернаго и Эгейскаго морей.

Несмотря на всѣ мои признанія, удостойте принять глубочайшее почтеніе Фернейскаго отшельника.

Екатерина Вольтеру.

12—23 Декабря, (1770)

Милостивый государь, никогда не было ли болѣе полной, чѣмъ это предполагаемое письмо англійскаго посланника Муррея (изъ Константинополя), въ которомъ говорится, что онъ видитъ падишаха два раза въ недѣлю и что тотъ говоритъ съ нимъ по-итальянски. Ни одинъ иностранный министръ не видитъ султана иначе, какъ во время публичныхъ аудіенцій. Мустафа знаетъ только по-турецки; сомнительно, чтобы онъ даже умѣлъ читать и

писать. Это человекъ свирѣпый и кровожадный: говорятъ, что онъ уменъ отъ природы; можетъ быть, но я оспариваю у него осторожность; онъ совсѣмъ не заявилъ ее въ эту войну. Его братъ *) менѣе не остороженъ, онъ ханжа. Онъ не совѣтоваль ему начинать войну, и не думаю, чтобы ему когда-либо поручили командованіе.

Но, что, быть можетъ, васъ размѣшитъ, это то, что у этихъ двухъ принцевъ есть сестра, бывшая ужасомъ всѣхъ пашей. До войны ей было за шестьдесятъ лѣтъ; она была пятнадцать разъ замужемъ; и, когда у нея не бывало мужа, то султанъ, очень любившій ее, давалъ ей на выборъ любого пашу своей имперіи. Между тѣмъ, когда паша женится на принцессѣ императорскаго дома, то обязанъ отослать весь свой гаремъ. Эта султанша, кромѣ своихъ лѣтъ, еще зла, ревнива, капризна и интригантка. Ея кредитъ у брата безграниченъ, а паша, женившіеся на ней, лишались головъ, что далеко не было пріятно имъ, но, тѣмъ не менѣе, вся эта исторія совершенно справедлива.

Ахъ! вы столько прекрасныхъ вещей наговорили про Китай, что я не осмѣливаюсь оспаривать достоинства стиховъ его императора. Однако, благодаря моимъ дѣламъ съ этимъ правительствомъ, я могла-бы сообщить свѣдѣнія, которыя уничтожили-бы мнѣніе, составившееся объ ихъ умѣннн жить, и заставили-бы ихъ считать за невѣжественныхъ олуховъ; но не надо вредить своему близнецу. И такъ, я молчу и восхищаюсь сношеніями уполномоченныхъ Пропаганды, не противорѣча имъ. Въ концѣ-концовъ, у меня дѣла съ татарскимъ правительствомъ, покорившимъ Китай, а не съ настоящими китайцами.

Сохраняйте мнѣ вашу дружбу и ваше довѣріе, и будьте увѣрены, что никто васъ не уважаетъ болѣе меня.

P. S. Газеты говорятъ, будто я приказала задержать много важныхъ особъ; я должна вамъ сказать, что ничего

*) Абдуль-Ахметъ, родившійся въ 1725 г., его преемникъ въ 1774 г.

подобнаго не было и что ни одна живая душа, ни большая, ни маленькая, не потеряла своей свободы. Принц Генрихъ Прусскій мой свидѣтель. Я ссылаюсь на него.

Вольтеръ Екатеринаѣ.

Феврѣ, 22-го Января, (1771 г.)

Государыня,

L'univers admire vos fêtes;
Nos Français en sont confondus,
Et je les admire encore plus
A la suite de vos conquêtes *).

Что еще выше великолѣпія, это умъ; никогда не было праздника, болѣе гениально задуманнаго, лучше устроеннаго, болѣе изящнаго и благороднаго. У насъ въ Парижѣ пускали ракеты и была иллюминація по поводу женитьбы дофина Франціи на дочери императрицы. Не надо никакого чрезвычайнаго усилія генія для огарковъ свѣчь и летающихъ ракетъ. Но за то царствовалъ такой порядокъ, что было болѣе убитыхъ и раненыхъ, чѣмъ при вашей первой побѣдѣ надъ турками.

Правда, мнѣ хотѣлось бы, чтобы Аполлонъ поднесъ Вашему Императорскому Величеству знамя Магомета и пукъ перьевъ, которые толстый Мустафа носить на своемъ толстомъ тюрбанѣ; но это останется для наступающаго года, для конца кампаніи.

У насъ дѣла значительно измѣнились. Когда-то крестовые походы начались во Франціи. Теперь-же мы лучшіе друзья невѣрныхъ.

En France à l'Eglise écharpe:
Nous avons pris le parti

*) Вселенная восхищается вашими праздниками, наши франгузы смущены ими. И я еще болѣе ими восхищаюсь, вслѣдъ за вашими побѣдами.

De secourir le mufti,
Et de dépouiller le pap e*).

Будучи слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы осмѣлиться рѣшать между церквами греческой, латинской и мусульманской, я въ своемъ уединеніи занимаюсь только вашей славой. Я предпочитаю ваши праздники праздникамъ святаго Николая, св. Василя, св. Вагъоне, называемаго Петромъ и даже празднику Байрама.

Si j'ai pour sainte Catherine
Un peu plus de dévotion,
C'est parce que mon héroïne
Descend jusqu'à porter son nom **).

Что касается до Гуркелеса, то это достойный святой; за то онъ покровитель графа Орлова, да и всѣхъ четырехъ. Говорятъ, что одинъ изъ этихъ святыхъ совершилъ поступокъ, подобнаго которому нѣтъ въ легендѣ; что, взявъ турецкій корабль, гдѣ была мебель и прислуга наши, онъ ихъ отослалъ по принадлежности. Не только ваши вельможи учатъ турокъ искусству войны, но они учатъ ихъ еще вѣжливости: вотъ настоящій героизмъ, и это вы внушаете его.

И вотъ вы, по моему мнѣнію, первая держава вселенной, такъ какъ безъ всякаго затрудненія я ставлю васъ выше вашего близкаго сосѣда царя Китайскаго, хотя онъ сочиняетъ стихи и я написалъ ему посланіе, котораго онъ не прочтетъ. Пусть Ваше Императорское Величество долго пользуется своей славой и своимъ счастьемъ!

Не будь семидесяти восьми лѣтъ, преслѣдующихъ меня, то Аполлонъ мнѣ свидѣтель, что я не устроилъ-бы въ своей деревнѣ колоніи часовщиковъ. Она была-бы те-

*) Франція ускользаетъ отъ церкви: мы вздумали помочь муфтію и ограбить папу.

***) Если у меня къ Екатериנѣ нѣсколько болѣе благоговѣнія, то потому, что моя героиня снисходитъ носить свое имя.

перь около Астрахани, куда-бы я ее перевелъ; она-бы работала только для Вашего Величества.

Моя колонія, дѣйствительно, дѣлаетъ прекрасныя вещи: она вскорѣ пошлетъ вамъ нѣсколько образцовъ, и вы увидите, что нельзя работать ни лучше, ни дешевле. Вы слишкомъ много тратите на пушки и корабли, чтобы къ великолѣпію не присоединить справедливую экономію, которая и составляетъ основу величія.

Живите, царствуйте для славы Россіи и для примѣра всему міру.

Пусть Ваше Императорское Величество сохранить свое благоволеніе моему обожателю и подданному по сердцу. Сію минуту я получилъ письмо, которымъ Ваше Величество удостоиваете меня отъ 12 декабря стараго стilia. Я подозрѣвалъ, что письмо англійскаго посланника въ Турціи было плодомъ воображенія какого-нибудь пансіонера нашихъ газетчиковъ. Болѣе, чѣмъ когда-либо, благодарю за доброту, доставляющую мнѣ возможность заставить молчать нашихъ кельтскихъ ротозѣевъ.

Какъ! этотъ грубый турецкій Сарданапалъ хочетъ сдѣлать еще кампанію! Но, слава Богу! вамъ понадобится только одна побѣда по дорогѣ къ Адрианополю, чтобы свергнуть съ престола этого человѣка, недостойнаго короны и о которомъ нѣкоторые изъ нашихъ кельтовъ отзываются какъ о гениі. Но куда онъ пойдетъ? Вотъ Алибей или бегъ, который не принимаетъ его въ странѣ Озириса; вотъ Арскій паша, который возмущается противъ него. Судьба существуетъ; ваша ощутительна. Ваша имперія въ полной силѣ своего роста, а имперія Мустафы—своего паденія; кавалеръ Тоттъ не спасетъ его отъ разоренія.

Приникаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, полный радости и надежды, съ глубочайшимъ почтеніемъ и живѣйшей благодарностью.

Фернейскій отшельникъ.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 12—23-го января (1771 г.).

Милостивый государь, если вы чувствуете себя несчастнымъ, когда Мустафа не получаетъ удара за ударомъ, то зимніе мѣсяца должны вамъ сильно досаждать. Однако, я получила утѣшительное извѣстіе, что Steigova въ Валахіи, на рѣкѣ Олтѣ, была занята моими войсками въ теченіи послѣдняго мѣсяца.

Мнѣ кажется, что вы должны быть довольны 1770 годомъ, и что не изъ чего заигрывать съ Китайскимъ императоромъ, моимъ сосѣдомъ, у котораго, не смотря на его стихи и вашу зарождающуюся страсть (пожалуйста, не сердитесь), я почти отрицаю здравый смыслъ. Вы скажете, что это говоритъ моя ревность; совѣмъ нѣтъ: я бы не промѣняла моего римскаго носа на его широкое и плоское лицо; у меня нѣтъ никакой претензіи на его талантъ писать дурные стихи: я люблю читать только ваши.

Посланіе моему сопернику прелестно; я сейчасъ же показала его принцу Генриху Прусскому, которому оно также очень понравилось. Но, если судьбѣ угодно, чтобы у меня былъ соперникъ въ вашемъ расположеніи, то во имя Дѣвы Маріи прошу, чтобы это былъ не императоръ Китайскій, противъ котораго у меня есть зубъ. Возьмите лучше его высочество Али-бея Египетскаго, онъ терпимъ, справедливъ, привѣтливъ, человѣченъ. Иногда онъ немного хищенъ, но надо-же быть снисходительнымъ къ нѣкоторымъ недостаткамъ нашихъ ближнихъ. Золотыя лампы Мекки соблазнили его: ну что-же, онъ сдѣлаетъ изъ нихъ хорошее употребленіе. Придется-таки похлопотать Мустафѣ *gazi* (*gazi*—по-турецки побѣдитель), не умѣющему ни вести войны, ни заключать мира.

Вы скажете, пожалуй, что я хочу стѣснять ваши вкусы и что склонности не приказываются; я вовсе не хочу васъ стѣснять, я вамъ просто представляю петицію

или увѣщаніе въ пользу Али Египетскаго противъ крючкова-
ватаго носа и самыхъ плохихъ стиховъ моего глупаго со-
сѣда, съ которымъ, благодаря Бога, у меня нѣтъ ника-
кихъ дѣлъ.

Я получила ваши книги *); я ихъ пожираю. Я вамъ
за нихъ очень обязана, а также и за страницу 17. Я
была-бы въ отчаяніи, еслибы это повредило автору на его
родинѣ. Этотъ сановникъ, столь предубѣжденный противъ
меня **), потерялъ уже голосъ; быть можетъ, его прее-
мники лучше сѣмѣють отличать общественныя дѣла отъ
личныхъ страстей, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ на это
надѣяться для блага самихъ дѣлъ. Я васъ настоятельно
прошу доставить мнѣ продолженіе вашей Энциклопедіи,
какъ только она появится.

Скажите, пожалуйста, получили-ли вы обширное опи-
саніе праздника, даннаго мною принцу Прусскому? Уже
шесть дней, какъ онъ насъ покинулъ; ему, кажется, по-
нравилось здѣсь болѣе, чѣмъ аббату Шаппу, который,
промчавшись на почтовыхъ въ закрытыхъ саняхъ, раз-
глядѣлъ все въ Россіи.

Что-же касается до вашей Фернейской мануфактуры,
то я уже вамъ писала, прося выслать всевозможныхъ ча-
совъ на нѣсколько тысячъ рублей: я ихъ всѣ возьму.

Чтобы ни говорилъ король Пруссіи, но Али-бей вер-
ховный глава церкви. Если я поѣду въ Стамбуль, то по-
прошу и его туда пріѣхать, чтобы вы сами могли его уви-
дѣть. И, такъ какъ я не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете мнѣ
удовольствіе принять постъ патриарха, то вы будете имѣть
удовольствіе совершать таинство крещенія надъ Али-бе-
емъ, погружая его въ воду или какъ-нибудь иначе.

До тѣхъ поръ, надѣюсь, вы не умрете съ горя, что
я еще не въ Константинополѣ. Какая-же пьеса кончается
ранѣе третьяго акта? Какой романъ бросаетъ своего героя
на поль-дороги, зимой, на берегу рѣки?

*) Три первыхъ тома Questions sur l'Encyclopedie.

**) Герцогъ Шуазель.

Я по прежнему съ большой дружбой самая искренняя изъ вашихъ друзей.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Феврѣ, 9-го февраля, (1771 г.)

Государыня, говорятъ, что Мустафа наконецъ рѣшается просить пощады, что онъ начинаетъ понимать, что Ваше Императорское Величество кое-что значить на земномъ шарѣ и что сѣверная звѣзда сильнѣе его полумѣсяца.

Не знаю будетъ-ли кавалеръ Тоттъ посредникомъ мира. Я утѣшаюсь тѣмъ, что по крайней мѣрѣ, Его Высочество запатитъ протори и убытки процесса, который его низость начала съ вами такъ не кстати и что онъ откажется отъ своей прекрасной привычки помѣщать въ Семи Башняхъ министровъ державъ, съ которыми онъ вокоетъ, привычку, которая должна-бы вооружить противъ него всю Европу.

Ваше Величество, сбросивъ платье амазонки, облечетъ въ свои одежды законодательницы; вы безъ всякаго труда умиротворите Польшу; наконецъ моя, сѣверная Звѣзда будетъ гораздо блестящѣе нашихъ южныхъ солнць.

Я все еще сердить, что моя Звѣзда не направитъ своего зенита на Черное море; но, вѣдь, если миръ начертанъ на небѣ, то надо, чтобы ваша прекрасная и августѣйшая рука подписала его. Я подчиняюсь велепямъ рока. Рокъ другое священное величество, во всѣ времена направлявшее величества этого мѣра.

Оно отправило герцога Шуазеля, герцога Пралена и Парижскій парламентъ *) въ деревню, среди зимы. Оно сдѣлало папу изъ кордельера**). Оно отнимаетъ отъ бѣднаго Али-бея надежду быть Египетскимъ фараономъ и могло-

*) Герцогъ Шуазель, герцогъ Праленъ и члены парламента только что были сосланы.

***) Ганганелли, принявшій имя Клементя XIV.

бы привести его къ положенію, которое Іосифъ предсказалъ великому хлѣбодарю Фараона.

Судьба дѣлаетъ подобныя вещи ежедневно, не думая объ этомъ; добрые христіане, въ родѣ васъ, называютъ это Провидѣніемъ, и я называю также, желая угодить вамъ.

Однако, если Вашему Величеству суждено не сойтись въ статьяхъ съ Диваномъ, то я умоляю ваше провидѣніе провести ваши побѣдоносныя войска черезъ Дунай и дать праздникъ принцу Генриху въ Атмейданѣ.

Я немного рошшу на эту судьбу, давнюю мнѣ семьдесятъ семь лѣтъ и такое слабое здоровье, съ такимъ страстнымъ желаніемъ увидѣть дворъ моей героини, украшенный ея героями.

Имѣю несчастіе только издали склоняться къ ногамъ ея съ глубочайшимъ почтеніемъ.

P, S. Я написалъ письмо въ стихахъ королю Датскому, въ которомъ упоминается имя Вашего Императорскаго Величества; но я не смѣю его послать вамъ безъ вашего позволенія.

Фернэ, 12 марта.

Государыня, вы самая счастливая изъ всѣхъ императрицъ и изъ всѣхъ женщинъ. Меня увѣряютъ, что большой отрядъ вашихъ войскъ перешелъ Дунай, что все небольшое количество моихъ враговъ турокъ, оставшіе еще въ Валахіи, истреблено; что ваши корабли блокируютъ Дарданеллы и, наконецъ, что я могу быть перенесенъ въ Константинополь на носилкахъ къ концу октября, если еще буду живъ.

Правда, что французскій визирь *),—онъ уже пересталъ имъ быть—можетъ упрекать себя только въ недостаткѣ кокетничанья съ Вашимъ Императорскимъ Вели-

*) Герцогъ Шуазель.

чествомъ. Онъ тѣмъ болѣе виноватъ въ этомъ, что очень любезенъ, любить поступки благородныя, великодушныя и смѣлыя; у меня были съ нимъ большіе споры. Я никогда не уступалъ; всегда говорилъ ему, что на вѣки останусь вамъ вѣрнымъ, что вы будете торжествовать и что его Мустафа ничего болѣе, какъ толстый быкъ, котораго зовутъ султаномъ. Мои споры съ нимъ нисколько не измѣнили благосклонность, которую онъ всегда выказывалъ мнѣ; и теперь, когда онъ несчастенъ, я къ нему еще болѣе привязанъ; такъ какъ я болѣе, чѣмъ когда-либо Екатеринынецъ, то стою противъ всѣхъ достаточно безразсудныхъ, чтобы быть Мустафитами.

Въ новомъ королѣ Шведскомъ*) Ваше Императорское Величество будетъ имѣть сосѣда, значительно стоящаго во всемъ выше своихъ лѣтъ и присоединяющаго много ума и граціи къ большимъ знаніямъ. Сосѣди не всегда бываютъ близкими друзьями; но этотъ, до сихъ поръ, кажется достойнымъ сдѣлаться вашимъ. Не думаю, чтобы онъ сочинялъ стихи, какъ Кинъ-Лонгъ, но, по видимому, онъ гораздо достойнѣе вашего восточнаго сосѣда.

Моя колонія будетъ имѣть честь вскорѣ послать нѣсколько часовъ Вашему Императорскому Величеству, такъ какъ вы выразили на это свое согласіе; она у вашихъ ногъ, какъ и я.

Мое воображеніе занимается только Дунаемъ, Чернымъ моремъ, Адрианополемъ, Архипелагомъ, и гримасой, которую сдѣлаетъ Мустафа съ своимъ чернымъ евнухомъ въ гаремѣ.

Умоляю Ваше Императорское Величество принять глубочайшее почтеніе, благодарность и восторгъ стараго Фернейскаго отшельника.

*) Густафъ III.

Еваторина Вольтеру.

Петербургъ, 8—14-го августа, (1771 г.)

Милостивый государь, читая ваши Questions sur l'Encyclopédie, я повторяла то, что говорила тысячу разъ: что до васъ никто не писалъ, какъ это дѣлаете вы, и что весьма сомнительно, чтобы и послѣ васъ кто нибудь сравнялся съ вами. Среди этихъ-то размышлений и нашли меня ваши два письма отъ 22 января и 9-го февраля.

Вы можете судить объ удовольствіи, которое они мнѣ доставили. Ваши стихи и проза никогда не будутъ превзойдены: я на нихъ смотрю, какъ на non plus ultra французской литературы и стою на этомъ. Когда разъ васъ почитаешь, то хочется перечитать еще разъ и другое чтеніе дѣлается противнымъ.

Такъ какъ праздникъ, данный мною принцу Генриху, получилъ ваше одобреніе, то я буду считать его прекраснымъ: до этого, я дала ему другой, въ деревнѣ, гдѣ не обошлось безъ ракетъ и огарковъ. Никто не былъ раненъ; были приняты всѣ предосторожности. Страшное несчастіе, случившее въ прошломъ году въ Парижѣ, сдѣлало насъ осторожными. Кромѣ этого, я давно не помню зимы, болѣе оживленной: съ октября до февраля все только и были праздники, танцы, спектакли, и т. д.

Не знаю, показалось-ли мнѣ такъ вслѣдствіе прошедшей кампаніи, или дѣйствительно радость царила между нами. Я узнаю, что въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ не то, хотя тамъ пользуются благодатнымъ миромъ, не прерываемымъ въ теченіи восьми лѣтъ *). Надѣюсь, что это происходитъ не отъ христіанскаго участія, принимаемаго въ несчастіяхъ невѣрныхъ; это чувство было бы недостойно потомковъ первыхъ крестоносцевъ.

*) Во Франціи былъ миръ съ 1763 г., конца семилѣтней войны.

Еще недавно у васъ во Франціи былъ новый св. Бернаръ, проповѣдывавшій крестовый походъ противъ насъ *), хотя, кажется, онъ самъ хорошо не зналъ изъ-за чего. Но и этотъ св. Бернаръ ошибся въ своихъ пророчествахъ, какъ и первый. Ничего не случилось изъ того, что онъ предсказалъ; онъ только озлобилъ умы. Если это была его цѣль, то, надо сознаться, онъ достигъ ея. Однако, подобная цѣль не кажется достойной столь великаго святаго.

Вы прекрасный католикъ и убѣдитесь въ ихъ единовѣрцевъ, что греческая церковь, при Екатеринѣ II, не соперничала съ латинской церковью, ни всякой другой и что она только защищается.

Согласитесь, что эта война заставила блистать нашихъ воиновъ. Графъ Алексѣй Орловъ продолжаетъ совершать достойные подвиги: онъ послалъ восемьдесятъ шесть плѣнныхъ алжирцевъ и салетинцевъ великому Мальтійскому мастеру, прося его промѣнять ихъ въ Алжирѣ на христіанскихъ рабовъ. Уже давно ни одинъ рыцарь св. Іоанна Іерусалимскаго не освобождалъ столько христіанъ изъ рукъ невѣрныхъ.

Читали-ли вы его же письмо къ европейскимъ консуламъ въ Смирнѣ, которые обратились къ нему съ просьбою пощадить этотъ городъ послѣ пораженія турецкаго флота? Вы мнѣ говорите о сдѣланной имъ отправкѣ турецкаго корабля, на которомъ были мебель, прислуга и т. д. паши; вотъ какъ это было:

Нѣсколько дней послѣ Чесменскаго морскаго сраженія, казначей Порты возвращался изъ Каира на кораблѣ съ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ, и отправлялся въ Константинополь: въ дорогѣ онъ получилъ ложное извѣстіе, что турецкій флотъ разбилъ нашъ; онъ поторопился высадиться на берегъ, чтобы первому привезти это извѣстіе султану. Въ то время, какъ онъ скакалъ въ Стам-

*) Жанъ-Жакъ Руссо, Contrat social, II, 8.

буль, одинъ изъ нашихъ кораблей привелъ его судно къ графу Орлову, строго воспретившему никому не входить въ комнату женщинъ и ничего не трогать изъ груза. Онъ велѣлъ привести къ себѣ самую меньшую дочь турка, дѣвочку лѣтъ шести, подарилъ ей брильянтовое кольцо и нѣсколько мѣховъ и отправилъ со всей семьей и всѣмъ ихъ добромъ въ Константинополь.

Все это говорилось въ газетахъ. Но вотъ о чемъ до сихъ поръ умалчивалось: случилось графу Румянцеву послать офицера въ лагерь визиря; его повели сначала къ помощнику (kiaga) визиря, который, послѣ первыхъ привѣтствій, спросилъ его: «Есть-ли кто-нибудь изъ графовъ Орловыхъ въ войскѣ?» Офицеръ отвѣчалъ, что нѣтъ. Турокъ съ живостью спросилъ его: «Гдѣ-же они?» Майоръ отвѣчалъ, что двое служили во флотѣ, а трое остальныхъ были въ Петербургѣ. «Знайте-же, возразилъ турокъ, что я чту ихъ имя и что мы всѣ поражены тѣмъ, что видимъ. Ихъ великодушiе проявилось особенно въ отношенiи меня. Я тотъ самый турокъ, который обязанъ графу Орлову сохраненiемъ своихъ женъ, дѣтей и всего имущества. Я никогда не буду въ состоянiи отблагодарить ихъ; но если, въ теченiи моей жизни, я могу оказать имъ услугу, то сочту это за большое счастье». Онъ прибавилъ еще много другихъ увѣренiй и, между прочимъ, сказалъ, что визирю извѣстна его благодарность, и что онъ одобряетъ ее. Онъ говорилъ все это со слезами на глазахъ.

И такъ, турки до слезъ разстроганы великодушiемъ русскихъ, исповѣдующихъ греческую религiю. Картина этого поступка графа Орлова, можетъ, когда-нибудь будетъ висѣть въ моей галереѣ, въ pendant поступку Цицона.

Подданные моего сосѣда, императора китайскаго, завели торговлю съ моими, какъ только онъ уничтожилъ нѣкоторыя несправедливыя притѣснительныя мѣры. Они уже обмѣняли разныхъ вещей миллиона на три рублей, въ первые четыре мѣсяца по открытiи торговли.

Царскiя фабрики моего сосѣда заняты приготовленiемъ

для меня ковровъ, между тѣмъ, какъ онъ самъ требуетъ отъ насъ хлѣба и ягнятъ.

Вы часто сами говорите о вашихъ годахъ; но, каковы-бы они не были, ваши сочиненія всегда одинаковы; свидѣтелемъ тому эта Энциклопедія, полная всего новаго. Стоитъ только ее прочесть, чтобы увидѣть, что вашъ гений въ полной силѣ; относительно васъ, всѣ случаи, приписываемые возрасту, становятся предразсудками.

Мнѣ очень интересно посмотрѣть работы вашихъ часовщиковъ; если бы вы устроили колонію ихъ въ Астрахани, то я бы нашла предлогъ съѣздить къ вамъ. Что же касается Астрахани, я вамъ скажу, что климатъ Таганрога гораздо лучше и здоровѣе, чѣмъ въ Астрахани. Всѣ, возвращающіеся оттуда, говорятъ, что нельзя достаточно похвалить этотъ городъ, о которомъ я вамъ разскажу анекдотъ, подражая старухѣ изъ Кандида.

Петръ Великій, взявъ Азовъ, захотѣлъ устроить портъ на морѣ и выбралъ Таганрогъ. Портъ былъ выстроенъ. Затѣмъ онъ колебался, построить-ли Петербургъ на Балтійскомъ морѣ, или сдѣлать городъ изъ Таганрога. Наконецъ, обстоятельства заставили его выбрать Балтійское море. Мы не выиграли относительно климата: тамъ, почти, нѣтъ зимы, между тѣмъ какъ наша слишкомъ длинная.

Кельты, расхваливающіе гений Мустафы, хвалятъ-ли также его храбрые подвиги? Въ теченіи этой войны, не знаю ни одного такого подвига, кромѣ того, что онъ велѣлъ отрубить головы нѣсколькимъ визирямъ, и не могъ сдержать Константинопольскую чернь, осыпавшую ударами, на его глазахъ, посланниковъ великихъ державъ, въ то время, какъ мой былъ запертъ въ Семи Башняхъ *). Вѣнскій интернунцій умеръ отъ ранъ. Если это гениальныя черты, то я молю небо навсегда меня избавить отъ нихъ и сохранить ихъ, исключительно, для Мустафы и кавалера

*) Обрѣзковъ.

Тотта, его помощника. Этотъ послѣдній будетъ, въ свою очередь, задушенъ. Случилось-же это съ визиремъ Магометомъ, хотя онъ спасъ жизнь султану и приходился ему пасынкомъ.

Миръ совсѣмъ не такъ близокъ, какъ то увѣряють газеты. Третья кампанія неизбежна, и у Али бея есть еще время для укрѣпленія. Въ крайнемъ случаѣ, если онъ не поправится, то отправится провести карнавалъ въ Венеціи *), съ вашими изгнанниками.

Прошу васъ прислать мнѣ Брѣге, написанный вами молодому датскому королю, и о которомъ вы мнѣ говорите: я не хочу терять ни одной строчки изъ всего того, что вы пишете. Судите, по этому, объ удовольствіи, съ которымъ я читаю ваши сочиненія, о значеніи, которое приписываю имъ и объ уваженіи и дружбѣ, которыя я питаю къ святому фернейскому отшельнику, называющему меня своей любимицей: вы видите, что я горжусь этимъ.

5—16 -го марта, (1771 г.)

— Милостивый государь, я получила ваши два письма отъ 14-го и 27-го февраля, почти въ одно время. Вы желаете, чтобы я вамъ что нибудь рассказала о грубостяхъ и глупостяхъ китайцевъ, о которыхъ я упоминала въ одномъ изъ моихъ писемъ; мы сосѣди, какъ вы знаете; наши границы, съ той и другой стороны, населены племенами кочующими, татарами и язычниками. Всѣ эти народы весьма привычны къ грабежу. Они уводятъ другъ у друга (часто изъ мести) стада и даже людей. Эти ссоры кончаются комиссарами, посылаемыми на-границу.

Господа китайцы такіе кляузники, что кончить самое пустое дѣло съ ними чуть-ли не все равно, что выпить цѣлое море. Нѣсколько разъ случалось, что, не находя ничего другаго, они требовали кости мертвецовъ, не для

*) Въ романѣ Кандидъ, шесть развѣчаныхъ монарховъ встрѣчаются въ Венеціи, во время карнавала.

того, чтобы имъ отдать послѣднія почести, но только изъ-за кляузы.

Подобные пустяки служили имъ предлогомъ для прекращенія торговли въ теченіи десяти лѣтъ; я говорю предлогомъ, потому что настоящей причиной было то, что Его Китайское Величество отдалъ монополь торговли съ Россіей одному изъ своихъ министровъ. Китайцы и русскіе одинаково на это жаловались; и, такъ какъ, всякую естественную торговлю стѣснять очень трудно, то обѣ націи обмѣнивались своими товарами тамъ, гдѣ не было установлено таможенъ и предпочитали необходимость риску.

Когда имъ писали отсюда о положеніи дѣлъ, то, въ отвѣтъ получали объемистыя тетради плохой прозы въ которыхъ даже не проглядывало ни философскаго ума, ни учтивости, и съ начала до конца, полныхъ невѣжества и варварства. Имъ здѣсь сказали, что не имѣютъ никакого желанія проникать ихъ слогъ, потому что, въ Европѣ, какъ и въ Азіи, онъ считается невѣжливымъ.

Знаю, что на это можно отвѣтить: татары, покорившіе Китай, не стоятъ древнихъ китайцевъ. Я хочу этому вѣрить, но, все-таки, это доказываетъ, что побѣдители не усвоили вѣжливости побѣжденныхъ, рискующихъ увлечься преобладающими нравами.

Я дошла теперь до статьи: Законъ (Lois,) которую вы были такъ добры прислать мнѣ и которая такъ лестна для меня. Разумѣется, не будь войны, которую султанъ такъ несправедливо объявилъ мнѣ, большая часть того, что вы говорите, была-бы сдѣлана, но, въ настоящую минуту, можно только дѣлать проекты для различныхъ вѣтвей великаго древа закона, сообразно съ моими принципами, уже напечатанными, и которые вы знаете. Мы очень заняты войной; она насъ слишкомъ развлекаетъ, чтобы призвать необходимое вниманіе къ этому громадному труду.

Я предпочитаю ваши стихи отряду вспомогательныхъ войскъ; они могутъ повернуть тылъ въ рѣшительную минуту. Ваши стихи составляютъ наслажденіе потомства, которое будетъ только эхомъ вашихъ современниковъ; прис-

ланные мнѣ вами запечатлѣваются въ памяти, и огонь, ихъ наполняющій, поразителенъ; онъ зажигаетъ во мнѣ желаніе пророчества: вы проживете двѣсти лѣтъ.

Охотно надѣнешься на то, чего желаешь: потрудитесь выполнить мое пророчество; это первое, сдѣланное мною.

Екатерина.

31 марта—11 апрѣля 1771.

— Милостивый государь, ваше благословеніе принесетъ мнѣ счастье, не смотря на морозы, на войну, на Мустафу и его чернаго визиря.

Вамъ сказали правду: отрядъ войска графа Румянцева перешелъ Дунай и произвелъ большой переполохъ на томъ берегу. Правда, также, что ваши враги турки были изгнаны изъ Валахіи; у нихъ остается только одинъ городъ по сю сторону Дуная—Тырново (Тигно). Очень жаркое сраженіе было въ Горгорѣ: двѣ тысячи мусульманъ убиты и, по крайней мѣрѣ, четыре тысячи потоплены въ Дунай; затѣмъ замокъ, расположенный на островѣ этой рѣки, сдался на капитуляцію графу Олицу.

Султанъ, сильно разсерженный этими новыми потерями, и не зная, по видимому, кому мстить за нихъ, по слалъ за головой господаря *in partibus*, котораго онъ самъ назначилъ въ прошломъ году. Скажу мимоходомъ, что онъ нашелъ почти всю Валахію въ нашихъ рукахъ.

Со всѣхъ сторонъ я слышу подтвержденіе всего хорошаго, что вы говорите о Шведскомъ королѣ: близкій родственникъ, близкій сосѣдъ—надо надѣяться, что мы будемъ жить въ мирѣ.

Все готовится къ тому, чтобы удовлетворить васъ и надѣлать хлопотъ султану. Графъ Орловъ, пріѣзжавшій сюда на минуту, снова уѣхалъ въ Ливорно съ своимъ княземъ Долгорукимъ: они отправятся на островъ Паросъ; тамъ стоятъ лагеремъ войска и, между прочимъ, большой отрядъ гвардейскаго Преображенскаго полка.

Нельзя ничего прибавить къ чувствамъ уваженія и дружбы, которыя я питаю къ вамъ.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Феврѣ, 30 апрѣля 1771.

Государыня, согласно съ приказаніемъ Вашего Императорскаго Величества, я посылаю вамъ *Épître au roi de Danemark*. Мнѣ кажется, что онъ гораздо ниже посвященнаго мною героинѣ Сѣвера. Я какъ-бы соразмѣрялъ свои небольшія силы съ величіемъ сюжета. Потому, что хотя король Датскій тоже составляетъ счастье своего народа, хотя онъ и направлялъ пушечные выстрѣлы въ Алжирскихъ пиратовъ, но онъ не унизилъ оттоманской гордости, не восторжествовалъ надъ Мустафой, и не соединялъ еще любви къ литературѣ съ военной славой.

Что-же касается до кельтовъ, живущъ хъ на западъ отъ Германіи и противъ Англіи, то, въ настоящее время, они не дѣлаютъ никакихъ завоеваній съ тѣхъ поръ, какъ потеряли плодородную Канаду; они пишутъ много книгъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одной путной; у нихъ плохая музыка и совсѣмъ нѣтъ денегъ. Парламенты королевства, принявъ себя за англійскій парламентъ, благодаря сходству въ названіи, завели съ правительствомъ войну путемъ брошюръ; въ театрахъ разыгрываются плохія пьесы, получающія аплодисменты, и все это составляетъ первый народъ вселенной, первый дворъ вселенной, первыхъ обезьянъ вселенной. У нихъ гражданская чернильная война, не мало похожая на войну крысъ съ лягушками.

Не знаю, будетъ-ли кавалеръ Тоттъ *) первымъ артиллеристомъ вселенной; но я льщу себя мыслью, что оттоманскій тронъ, къ которому у меня весьма мало влеченія, не будетъ первымъ трономъ.

Въ своей пустынѣ я слышу, что открытіе кампаніи уже ознаменовалось одной изъ вашихъ побѣдъ. Умоляю Ваше Императорское Величество увѣдомить меня сообщеніемъ, долженъ-ли я заказывать себѣ носилки въ этомъ году, или въ будущемъ, для прогулки по Босфору.

*) Онъ былъ на турецкой службѣ.

Пока моя колонія работаетъ и пользуется добротами Вашего Императорскаго Величества; она разчитываетъ черезъ недѣлю отправить три или четыре маленькихъ ящика съ часами, стоимостью начиная около восьми лундоровъ за штуку до восьмидесяти. Есть и усыпанныя брильянтами съ вашимъ портретомъ, нарисованнымъ очень хорошимъ художникомъ; всѣ часы хороши и хорошо проверены. Ихъ дѣлали съ усердіемъ, которое должно всегда имѣть, служа вамъ; всѣ цѣны на добрую треть ниже англійскихъ и, однако, ничего не упушено.

Всѣ мы въ моемъ кантонѣ горячо желаемъ, чтобы всѣ минуты этихъ часовъ были для васъ благопріятны и чтобы Мустафа переживалъ постоянно только однѣ скверныя.

Пусть героиня Сѣвера соблаговолитъ принять глубокое почтеніе и благодарность стараго больнаго горъ Юры.

Феряз, 6-го мая (1771 г.)

— Государыня, и такъ я переносусь на носилкахъ въ Таганрогъ, если климатъ тамъ такъ мягокъ; но я полагаю, что атмосфера вашего двора была бы для меня гораздо здоровѣе. Я буду, значить, имѣть удовольствіе умереть не по гречески, и не по римски; такъ какъ Ваше Императорское Величество допускаетъ, чтобы каждый отправлялся на тотъ свѣтъ сообразно съ своей фантазіей, то мнѣ и не предлагать исповѣдальнаго билета.

Но я не поѣду въ Нишшу; тамъ нельзя встрѣтить китайцевъ хорошаго общества; всѣ они заняты въ Пекинѣ переписываніемъ стиховъ своего царя тридцатью двумя шрифтами.

Я подозреваю, что ваши восточные сосѣди очень мало образованы, очень тщеславны и нѣсколько плутоваты; но другіе ваши сосѣди, турки, еще болѣе невѣжественны и еще болѣе тщеславны. Говорятъ, что они менѣе плутоваты, но только потому, что богаче.

Полагаю, что ваша войска еще легче разбили-бы послѣдователей Конфуція, чѣмъ послѣдователей Магомета.

Кладу къ стопамъ вашимъ четвертый и пятый томы Questions sur l'Encyclopédie; никакъ не могу не поговорить въ нихъ, отъ времени до времени, о моемъ толстомъ Мустафѣ; и, между тѣмъ, какъ ваши храбрые войска берутъ города и изгоняютъ янычаръ, я осмѣливаюсь дать нѣсколько щелчковъ ихъ повелителю, прикрываясь вашей эгидой.

Я увѣренъ, что великій поэтъ Кинъ-Лонгъ не нарушилъ-бы международное право въ лицѣ вашего министра *). Говорятъ, что великій султанъ все еще держитъ его въ плѣну, точно онъ взялъ его на войнѣ. Надѣюсь, что онъ будетъ освобожденъ при первомъ сраженіи.

Я не перестаю удивляться, что христіанскіе принцы и республики спокойно переносятъ оскорбленія, которыя ихъ посланники получаютъ въ Оттоманской Портѣ, когда такъ часто они бывають щекотливы къ тому, что называется честью.

Я все продолжаю молиться за Али-Бея; но объ египетскихъ дѣлахъ знаю не болѣе евреевъ, рассказывавшихъ объ Египтѣ столько чудеснаго.

Энциклопедическіе вопросы невѣжды уже готовились къ отправкѣ, когда явились мои Фернейскіе колонисты, смотряще на себя, какъ на подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, и принесли два ящика съ своими часами. Я ихъ нашелъ такими большими, что не посмѣлъ отправить оба заразъ и положилъ Энциклопедическіе вопросы въ ящикъ, который пошлю завтра съ общественной каретой.

Я отправилъ его въ контору почтовыхъ каретъ Швейцаріи, съ надписью:

Ея Императорскому Величеству, Русской Императрицѣ.

Подобное имя каждый долженъ уважать и ни одинъ польскій конфедератъ не осмѣлится прикоснуться къ нему. Ваше Величество слишкомъ добры, слишкомъ снисходи-

*) Обрѣзова.

тельны и, по правдѣ сказать, слишкомъ великобѣжны, удостоивая столько издерживать на бездѣлушки изъ чистой благотворительности, когда приходится такъ много расходовать на пушки, корабли и побѣды.

Мнѣ кажется, что еслибы у вашихъ Ниппійскихъ татаръ-китайцевъ былъ здравый смыслъ, они накупили-бы простыхъ часовъ, которые перепродали-бы потомъ съ выгодой въ своей имперіи. У женевцевъ есть контора въ Кантонѣ и они имѣютъ порядочныя выгоды. Нельзя-ли было-бы устроить такую на вашей границѣ? Моя колонія снабжала-бы серебряными часами отъ двѣнадцати до тридцати рублей, и золотыми, отъ тридцати до сорока; въ случаѣ нужды, обязалась-бы поставлять на двѣсти тысячъ рублей въ годъ.

Но китайцы, по видимому, слишкомъ недоувѣрчивы и слишкомъ подозрительны, чтобы можно было начать съ ними большую торговлю, требующую великодушія и искренности.

Какъ-бы то ни было, я только каналъ, проводящій отправки и предложенія.

Я столько-же восхищаюсь величіемъ вашей души, какъ люблю ваши успѣхи и ваши завоеванія.

Простираюсь къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ глубочайшимъ уваженіемъ и неизмѣнной благодарностью.

P. S. Распечатываю конвертъ, чтобы сказать Вашему Императорскому Величеству, что только что получилъ изъ Парижа книгу, подъ названіемъ: *Manifeste de la république confédérée de Pologne, du 15 Novembre, 1769*; изданіе 1770 года.

По красотѣ шрифта, можно подумать, что она вышла изъ парижской королевской типографіи: однако, она все не заслуживаетъ чести быть въ Луврѣ. Вотъ что стоитъ на страницѣ 5: «Свѣтлѣйшая Порта, наша хорошая сосѣдка и вѣрная союзница, возбужденная трактатомъ, связывающимъ ее съ республикой, и интересами, неразлучными съ сохраненіемъ нашихъ правъ, обнажила

оружіе въ нашу защиту; все заставляетъ насъ соединить свои силы для защиты нашей религіи».

Не забавное-ли это заключеніе? Интригами мы добились, чтобы магометане дерзко затѣяли самую несправедливую войну; значить, мы должны предупредить паденіе святой католической церкви, надъ которой всѣ смѣются, но которую никто не хочетъ уничтожить, по крайней мѣрѣ, теперь.

Полагаю, что эту прекрасную апологію написалъ церковный сторожъ одной изъ парижскихъ церквей. Ваше Величество, конечно, знаете брошюру. Она произвела большое впечатлѣніе на французское министерство.

Въ этой брошюрѣ, на страницахъ 240 и 241, приписываются вашимъ войскамъ жестокости, которыя, если бы были справедливы, то могли бы возбудить всѣ умы.

Этотъ манифестъ распространяется по всей Европѣ. Ваше Величество отвѣтитъ на него побѣдами и великодушными подвигами, придающими побѣдѣ еще болѣе величія.

Ферзъ, 15 мая (1771).

Государыня, прежде всего я долженъ вамъ сказать, что имѣлъ честь принимать въ своемъ эрмитажѣ княгиню Дашкову. Войдя въ гостинную, она сейчасъ-же узнала вашъ портретъ *mezzo-tinto*, сдѣланный *à la navette* на атласѣ, окруженный гирляндой цвѣтовъ. Вѣроятно, Ваше Императорское Величество получили его отъ Ласалля; это образцовое произведеніе искусства, практикуемаго въ Лионѣ и которое вскорѣ будетъ практиковаться въ Петербургѣ, въ Адрианополѣ, или въ Стамбулѣ, если дѣла будутъ идти все также.

Вѣроятно, въ вашемъ изображеніи скрывается какая нибудь тайна, такъ какъ я замѣтилъ, что, глядя на эту матерію, глаза княгини Дашковой наполнились слезами. Она мнѣ говорила о Вашемъ Велиествѣ въ продолженіи четырехъ часовъ и мнѣ показалось, что она говорила только четыре минуты.

Отъ нея я узналъ о проповѣди Тверскаго - архіерея Платона, сказанной передъ могилою Петра Великаго, на другой день послѣ полученія Вашимъ Величествомъ извѣстія объ уничтоженіи вашимъ флотомъ флота турецкаго. Эта рѣчь, обращенная къ основателю Петербурга и нашего флота, по моему мнѣнію, одно изъ лучшихъ произведеній въ свѣтѣ. Я не думаю, чтобы у какого-нибудь оратора былъ болѣе счастливый сюжетъ. У Платона и грековъ не было подобнаго. Я смотрю на эту торжественную службу, какъ на лучшей день въ вашей жизни: я разумѣю о вашей прошедшей жизни, такъ какъ надѣюсь, что у васъ будутъ еще лучше дни.

Такъ какъ у васъ есть уже Платонъ въ Петербургѣ, то надѣюсь, что графы Орловы создадутъ Мильгядовъ и Омистокловъ въ Греціи.

Честъ имѣю послать Вашему Императорскому Величеству переводъ литовской *) проповѣди въ обмѣнъ на вашу платоновскую: это скромный отвѣтъ на нѣсколько грубую и смѣшную ложь, которую польскіе конфедераты напечатали въ Парижѣ.

Большое счастье имѣть враговъ, не умѣющихъ умножать. Эти бѣдняки рассказываютъ въ своемъ манифестѣ, что ваши войска не смѣютъ смотрѣть туркамъ въ лицо. Они правы, такъ какъ имъ приходилось бы видѣть только турецкія спины.

Не знаю, что будутъ проповѣдывать австрійцы въ Венгріи. Быть можетъ—миръ; быть можетъ—крестовый походъ. Намъ рассказываютъ, что султанъ Али-Бей внезапно остановился во время одной изъ своихъ проповѣдей въ Сиріи и что онъ почти потерялъ языкъ. Я совсѣмъ этому не вѣрю; вы его сдѣлаете еще краснорѣчивѣе. Мустафѣ будутъ проповѣдывать справа и слѣва; кончится тѣмъ, что онъ пойдетъ исповѣдываться епископу Платону и сознается, что онъ толстая свинья, хрюкавшая совсѣмъ не кстаги на мою августѣйшую героиню. Я все

*) См. Sermon du pape Nicolas Charisteschi.

еще имѣю честь столько же ненавидѣть его полумѣсяцъ, сколько имѣю привязанности, уваженія и благодарности къ блестящей Сѣверной Звѣздѣ.

Старый Фернейскій отшельникъ.

25 мая (1771).

Государыня, въ настоящее время въ моемъ эрмитажѣ находится одинъ изъ вашихъ подданныхъ изъ Казани — г. Полянскій. Я никогда не видалъ столько вѣжливости, осмотрительности и столько благодарности къ щедротамъ Вашего Императорскаго Величества: говорятъ, что Аттила былъ родомъ изъ Казани; если это правда, то весьма вѣроятно, что бичъ Божій былъ человѣкъ любезный; я даже не сомнѣваюсь въ этомъ, такъ какъ Гонорія, сестра глупаго императора Валентиніана III, влюбилась въ него и захотѣла, во что бы-то ни стало, выйдти за него замужъ.

Дворъ испанскаго короля восхищается великодушіемъ графа Алексѣя Орлова и благодарностью паши. Что-же касается до Версальскаго двора, то онъ занятъ только судейскими дразгами.

Между тѣмъ, какъ эти кельтскія ничтожества серьезно забавляютъ весь праздныи людъ Франціи, вашъ флотъ, быть можетъ, уничтожилъ флотъ турецкій, а ваши войска уже перешли Дунай.

Однако, говорятъ, Вашему Императорскому Величеству турки возвратили Обрѣакова, и вы выслушиваете предложенія мира; я же думаю, что вы только одерживаете побѣды.

Приникаю къ вашимъ стопамъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и самой нѣжной благодарностью.

Старый Фернейскій отшельникъ.

Екатерина Вольтеру.

20—31-го мая, (1771 г.)

Милостивый государь, сѣверныя державы вамъ, конечно, весьма много обязаны за прекрасныя посланія, обращаемыя къ нимъ; мое я нахожу превосходнымъ и увѣрена, что каждый изъ моихъ молодыхъ собратьевъ, скажетъ тоже самое о своемъ. Мнѣ весьма неприятно, что взамѣнъ я могу вамъ дать только плохую прозу. Во всю жизнь я не могла ни сочинить стиха, ни выучиться музыкѣ, но я не лишена чувства восхищенія произведеніями генія.

Ваше описаніе перваго народа вселенной не возбудило ни въ комъ зависти къ современному положенію Кельтовъ. Въ настоящую минуту, они кричали слишкомъ много, кажется, сами не зная, изъ-за чего; говорятъ, что такова мода и что въ Парижѣ она часто замѣняетъ разсудокъ. Хотятъ парламента, и имѣютъ его; дворъ сослалъ членовъ пражняго и никто не оспариваетъ у короля права ссылатъ тѣхъ, которые навлекаютъ на себя его немилость.

Надо сознаться, что эти члены сдѣлались слишкомъ придирчивы и довели государство до анархіи. Повидимому, весь этотъ шумъ ни къ чему не ведетъ, и во всѣхъ сочиненіяхъ партіи, оппозиціонной двору, гораздо болѣе громкихъ словъ, чѣмъ принциповъ, основанныхъ на авторитетахъ. Правда также и то, что трудно судить о положеніи вещей на такомъ далекомъ разстояніи.

Повидимому, турки не сильно рассчитываютъ на пушки господина Тотта, если они, наконецъ, выпустили его резидента, который, если вѣрить словамъ турецкаго министра, долженъ теперь находиться на австрійской территоріи.

Есть-ли другой примѣръ въ исторіи, чтобы турки, среди войны, выпустили министра державы, которую они обидѣли такимъ нарушеніемъ правъ гражданъ? Можно

подумать, что графъ Румянцевъ и графъ Орловъ научили ихъ жизни.

Вотъ шагъ къ миру, но онъ сдѣланъ не для этого. Открытіе кампаніи было для насъ очень благопріятно, какъ вамъ и передавали. Генераль-маіоръ Вэйсманъ перешелъ Дунай въ два приема: первый разъ съ семьюстами, второй съ двумя тысячами человѣкъ. Онъ разбилъ корпусъ въ шесть тысячъ человѣкъ турокъ, завладѣлъ Изакиемъ (Isaki), гдѣ сжегъ непріятельскіе магазины, мостъ, начинающійся строиться, фрегатъ, галеры и суда, которыя не могъ захватить съ собою; онъ взялъ богатую добычу и много плѣнныхъ, кромѣ пятидесяти одной бронзовой пушки, половину которыхъ онъ заколотилъ. Онъ вернулся на этотъ берегъ безъ всякой помѣхи, хотя визирь, съ шестидесятью тысячами человѣкъ, былъ только въ шести-часовомъ пути отъ Изаки.

Если въ этомъ году миръ не будетъ заключенъ, то вы можете заказывать себѣ носилки. Не забудьте велѣть положить туда часы вашей фернейской фабрики, мы ихъ помѣстимъ на Святой Софій, что доставитъ будущимъ антикваріямъ матеріалъ для ученой диссертациі.

Екатерина.

24-го мая—4-го іюня (1771 г.)

Милостивый государь, если вы хотите перенестись на носилкахъ въ Таганрогъ, какъ то сообщаетъ мнѣ ваше письмо отъ 6 го мая, то вы не можете миновать Петербурга. Не знаю, понравится-ли вамъ атмосфера моего двора и возвратятъ-ли вамъ здоровье восемь зимнихъ мѣсяцевъ. Правда; что если вы любите лежать въ постели, то холодъ дастъ вамъ серьезный предлогъ къ тому, но вамъ не было-бы надобности ни въ какихъ предлогахъ; вы-бы совсѣмъ не были стѣснены, и смѣю увѣрить васъ, что нѣтъ мѣста, гдѣ было-бы менѣе стѣсненій. Что-же касается до исповѣдальныхъ билетовъ, то мы даже не знали объ ихъ существованіи. Мы считаемъ за смертельную

тоску говорить объ этихъ надобныхъ спорахъ, о которыхъ въ другихъ странахъ указами приказывается молчать. Мы охотно позволяемъ каждому думать, какъ ему угодно. Всѣ китайцы порядочнаго общества, побросали-бы своего императора, съ его стихами, чтобы ѣхать въ Нишпу, если-бы вы вздумали туда отправиться; они воздали-бы только свой долгъ, отдавъ почтеніе первому писателю нашего вѣка.

Повѣрите-ли вы, что мои восточные сосѣди, такіе, какими вы ихъ описываете, сосѣди самыя лучшіе; я всегда это говорила, и настоящая война утвердила меня въ этомъ мнѣніи.

Жду съ нетерпѣніемъ, которое испытываю только относительно вашихъ произведеній, четвертаго и пятаго томовъ «*Question sur l'Encyclopédie*». Заранѣе благодарю васъ за нихъ. Продолжайте, пожалуйста, присылать мнѣ ваши превосходныя сочиненія и будемъ бить Мустафу. Ваши щелчки должны бы были сдѣлать его умнѣе; пора-бы!

Въ предъидущемъ письмѣ я вамъ говорила, что, по видимому, мой резидентъ освобожденъ. Христіанскіе принцы и республики сами причиною оскорбленій, достигающихъ уполномоченнымъ въ Константинополь; они слишкомъ даютъ зазнаваться этимъ бородачамъ; интригами и пресмыканьемъ нельзя заставить себя уважать. Вотъ правило, которому почти всегда слѣдовала Европа и которое испортило этихъ варваровъ. Вильгельмъ, король англійскій, говорилъ, что съ турками нечего обращаться по чести.

Итальянцы грубо обходились съ своими воениоплѣнными, но они представили образецъ большой ловкости по отношенію къ Порту.

Извѣстія объ Али бей говорятъ, что онъ дѣлаетъ успѣхи въ Сиріи, тѣмъ болѣе огорчающіе султана, что у него слишкомъ мало войскъ для противодѣйствія ему.

Я знаю манифестъ, о которомъ вы мнѣ говорите. Герцогъ Шуазель, не бывшій расположеннымъ въ нашу пользу, велѣлъ его задержать изъ-за его глупости и его смѣшной клеветы; поэтому, вы можете судить объ его досто-

инствахъ. Жестокости, въ которыхъ упрекають мои войска—только жалкая ложь. У самихъ турокъ надо спрашивать о челоѳичности русскихъ войскъ въ эту войну. Сама константинопольская чернь и вся турецкая имперія такъ ею поражены, что наши побѣды приписываютъ благословенію неба, неисчерпаемому за челоѳколюбіе, съ которымъ обращались съ ними при всевозможныхъ случаяхъ.

Къ тому же, уже никакъ не польскимъ разбойникамъ говорить объ этомъ; сами они ежедневно совершаютъ ужасныя жестокости со всѣми, не присоединяющимися къ ихъ шайкѣ, для грабежа и поджога ихъ собственной земли.

Благодарю за дружбу, и участіе, вылившіяся въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Я вамъ за нихъ крайне признательна и, дѣйствительно, тронута. Продолжайте питать ко мнѣ вашу дружбу и будьте увѣрены, что моя вамъ искренно принадлежитъ.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Ферна, 19-го іюня (1771 г.)

Узнавъ о готовящемся мирѣ Вашего Императорскаго Величества съ его высочествомъ Мустафой, я отказался отъ всѣхъ проектовъ войны и раззоренія, и принялся перечитывать вашъ Наказъ для свода законовъ. На этотъ разъ онъ произвелъ на меня еще большее впечатлѣніе, чѣмъ прежде. Я смотрю на него, какъ на самый прекрасный памятникъ нашего вѣка. Онъ придаетъ вамъ болѣе славы, чѣмъ десять сраженій на берегахъ Дуная; такъ какъ это вашъ трудъ, вашъ гений создалъ его; ваша прекрасная рука его написала, а, вѣдь, не ваша рука убивала турокъ. Умоляю Ваше Императорское Величество, если оно заключить миръ, удержать Таганрогъ, гдѣ, по вашимъ словамъ, такой прекрасный климатъ, чтобы я могъ поселиться тамъ до конца дней моихъ и не имѣть передъ глазами постоянно сѣговъ, какъ

на Юрѣ. Только-бы въ Таганрогѣ можно защититься отъ сѣвернаго вѣтра, и я буду доволенъ.

Сейчасъ узнаю, что моя колонія только-что послала вамъ огромный ящикъ съ часами. Я ужасно разбранилъ этихъ бѣдныхъ художниковъ; они слишкомъ злоупотребили вашей добротой; соревнованіе завело ихъ слишкомъ далеко. вмѣсто того, чтобы послать часовъ на три или на четыре тысячи рублей всего на всего, какъ я имъ строго наказывалъ, они послали почти на восемь; это очень неделикатно. Не думаю, чтобы Ваше Величество желали подарить столько часовъ туркамъ, хотя вы ихъ и очень любите; но, вотъ, что вы можете сдѣлать. Между ними есть прекрасные часы, съ вашимъ портретомъ и совѣмъ не дорогіе. Вы можете взять ихъ на три или на четыре тысячи для вашихъ подарковъ, начиная отъ часовъ въ пятнадцать рублей до сорока или пятидесяти; остальные могли-бы быть предоставлены вашимъ купцамъ, которые выручили-бы за нихъ большую выгоду.

Осмѣливаюсь, въ особенности, просить васъ, Государыня, не высылать сейчасъ-же суммы въ тридцать девять тысячъ двѣсти тридцать восемь французскихъ ливровъ, составляющую итогъ обѣихъ посылокъ. У васъ такія громадныя издержки, что необходимо положить предѣлъ вашему великодушію. Если-бы пришлось моимъ колонистамъ цѣлый годъ ждать денегъ хоть за половину всего ихъ товара, то я бы счелъ ихъ слишкомъ счастливыми и счумѣлъ-бы ихъ заставить быть терпѣливыми.

Впрочемъ, они меня увѣряютъ, да и многіе знатоки подтверждаютъ, что ихъ работа гораздо дешевле женовской и больше, чѣмъ на треть, ниже цѣны Лондона и Парижа. Говорятъ даже, что въ Петербургѣ они продадутся вдвое выше фактуры, находящейся въ ящикахъ, что легко провѣрить людямъ свѣдущимъ.

Если Ваше Императорское Величество останетесь довольны, какъ часами, такъ и ихъ цѣнами, то мои фабриканты готовы будутъ выполнять всѣ ваши заказы. Они образуютъ отрядъ саратовской колоніи, устроившейся въ Фернз, пока я не перевезу его въ Таганрогъ. Я-бы пред-

почель, чтобы они вамъ послали нѣсколько колоколовъ для Св. Софіи, или для мечети Ахмета, но, такъ какъ, на этотъ разъ вы не захотѣли завладѣть Босфоромъ, то великій турокъ и его великій визирь будутъ слишкомъ польщены, получивъ часы съ вашимъ портретомъ и научившись уважать васъ ежечасно.

Что касается до меня, то я посвящаю вамъ всё, еще остающіеся мнѣ прожить часы. Приникаю къ вашимъ стопамъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и неизмѣнной преданностью.

Старый юрскій больной.

Ферне, 6-го іюля (1771 г.)

Republiques, grands potentats,
 Qui craignites que Catherine
 N'achevat bientôt la ruine
 Du plus pesant des Moustaphas;
 Vous qui du moins ne voulez pas
 Seconder son ardeur divine.
 Je n'irai point dans vos Etats,
 Je ne veux voir que les climats
 Honorés par mon héroïne.

Ваше Императорское Величество должны быть увѣрены, что я намѣреваюсь провести лѣто въ Петербургѣ, прежде чѣмъ отправиться наслаждаться пріятностью зимы въ Таганрогѣ. Вы удостоиваете предупредить меня въ своемъ письмѣ отъ 23-го мая, что мнѣ можетъ быть очень холодно въ продолженіи восьми мѣсяцевъ; но есть-ли у васъ какъ у насъ, стодвадцать миль горъ съ вѣчными снѣгами, надъ которыми не осмѣливаются летать даже орлы и совы? Вотъ, что, однако, образуетъ границу этой прекрасной Италіи; вотъ, что видѣли графъ Шуваловъ и всѣ ваши путешественники и что виднѣтся изъ моихъ оконъ. Правда, что разстояние на столько велико, что умѣряетъ холодъ, и надо сознаться, что въ нашихъ долинахъ мы ѣдимъ зеленый горошекъ немного пораньше, чѣмъ въ Петербургѣ; но моя страсть до такой степени ежедневно

увеличивается, что я начинаю думать, что вашъ климатъ лучше неаполитанскаго.

Льщу себя мыслью, что Ваше Величество уже получили четвертый и пятый тома вопрошателя.

Если-бы я сталъ задавать вопросы кавалеру де-Буфлеръ то спросилъ-бы его, какъ это онъ былъ на столько легкомыслень, что отправился къ этимъ несчастнымъ конфедератамъ, нуждающимся во всемъ и въ особенности въ разумъ, вмѣсто того, чтобы отправиться на поклонъ къ той, которая ихъ образумить.

Умоляю Ваше Величество взять его военнопленнымъ; онъ васъ очень позабавить; нѣтъ ничего оригинальнѣе его, а иногда и любезнѣе. Онъ вамъ будетъ пѣть, рисовать, не такъ хорошо, какъ фернейскіе колонисты васъ рисовали на своихъ часахъ, но онъ вамъ все-таки кое-что начакаетъ. И такъ, онъ, какъ и г. Тоттъ, покровитель Мустафы и Корана. Я-же (пребываю вѣрнымъ греческой церкви, тѣмъ болѣе, что ваши прекрасныя ручки держатъ въ нѣкоторомъ родѣ кадило и что можно на васъ смотрѣть, какъ на патриарха всей Россіи.

Если Ваше Императорское Величество ведетъ переписку съ Али-бегомъ или Али-беємъ, то умоляю о вашей протекціи. У меня есть къ нему маленькая просьба: снова выстроить Іерусалимскій храмъ, призвать туда всѣхъ евреевъ, которые могутъ внести большую подать и сдѣлаютъ изъ него очень важнаго савонника; надо, чтобы въ его рукахъ была вся Сирія до Алепо, а съ Алепо до Дуная страна осталась-бы за вами, если только вы не предпочтете заключить миръ въ этомъ году, чтобы снова превратиться въ законодательницу и давать праздники.

Несчастному манифесту конфедератовъ не очень поспаслилось во Франціи. Всѣ разумные люди того мнѣнія, что Польша всегда будетъ самымъ несчастнымъ государствомъ Европы, пока тамъ будетъ царствовать анархія. У меня есть маленькій геній-хранитель, шепнувшій мнѣ на ухо, что унижая оттоманскую гордость одной рукой, вы умротоворите Польшу другой. Дѣйствительно, вы без-

снорно первая особа въ цѣлой вселенной, не исключая и вашего сосѣда Кинъ-Лонга, хотя онъ и поэтъ. Какъ-же вамъ, послѣ этого, не возгордиться до невозможности? Какъ можете вы снисходить до переписки съ такимъ старымъ болтуномъ, какъ я?

Вамъ угодно знать, на чье имя были посланы ящики съ часами: на ваше, государыня, на нихъ стѣяло только: à Sa Majesté Impériale съ просьбою позаботиться о нихъ г. рижскому губернатору и г. директору вашихъ почтъ.

Я повторяю Вашему Величеству, что сильно негодую на моихъ колонистовъ, злоупотребившихъ вашей добротой, несмотря на мои наставленія, и еще разъ умоляю заставить ихъ ждать, сколько будетъ угодно, и не стѣснятъ себя для нихъ.

Правда и то, что эта колонія совершенствуется съ каждымъ днемъ; одно ваше имя приноситъ ей счастье. Эти художники только-что сдѣлали часы превосходной работы. Вы на нихъ гравированы золотомъ, работа превосходная; они, кажется, назначаются для Германіи.

Я никогда не ожидалъ, чтобы моя деревня, скрытая у подошвы Альпъ и имѣвшая не болѣе сорока жителей, когда я поселился въ ней, работала-бы для обширной Россійской Имперіи и для той, которая составляетъ ея славу.

Приникаю къ вашимъ стопамъ и чувствую себя совершенно счастливымъ, что еще живу въ вѣкъ, который вы создали.

Прошу Ваше Императорское Величество принять болѣе, чѣмъ глубочайшее почтеніе очень стараго и очень страстнаго юрскаго кельта.

Екатерина Вольтеру.

26-го іюня—7-го іюля (1771 г.).

Милостивый государь, 14-го іюня Мустафа получилъ новый щелчокъ: князь Долгорукій, во главѣ своего вой

ска, прорвалъ линіи Перекопа и вошелъ въ Крымъ. Ханъ защищалъ его съ пятидесятью тысячами татаръ и семью тысячами турокъ: они пустились въ бѣгство, узнавъ, что другой корпусъ долженъ имъ отрѣзать отступление; при отбѣдѣ курьера, депутаты крѣпости Перекопа были въ нашемъ лагерѣ для переговоровъ. Съ минуты на минуту жду извѣстія о сдачѣ.

Адмиралъ Синявинъ уѣхалъ въ Таганрогъ и въ настоящее время прогуливается по Азовскому морю, а, можетъ быть, и далѣе; не могу вамъ сказать, гдѣ именно, такъ какъ это зависитъ отъ погоды, отъ моря и вѣтровъ.

Вотъ все, что я могу вамъ сказать въ настоящую минуту. Рекомендую себя вашимъ молитвамъ и вашей дружбѣ.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 10-го іюля (1771 г.)

Государыня, Ваше Императорское Величество, пожалуй, найдеть, что старый горецъ пишетъ вамъ слишкомъ часто; но сердце мое слишкомъ полно; надо, чтобы мои чувства вылились на бумагу.

Въ довольно живой критикѣ большаго произведенія аббата Шаппа я прочелъ, что въ одной изъ странъ запада, называемой страной кельтовъ, правительство запретило ввозъ лучшей и наиболѣе почтенной книги, — однимъ словомъ, запрещено пропускать на таможенныя мысли величественнаго и мудраго Наказа, подписаннаго Екатериной; я не могъ этому повѣрить. Это варварское сумасбродство казалось мнѣ непонятнымъ. Я писалъ объ этомъ одному прикащику бумажнаго магазина: отъ него узналъ, что это совершенно вѣрно. Вотъ какъ это было: голландскій книготорговецъ печатаетъ Наказъ, который долженъ быть признанъ всѣми королями и всѣми судищами вселенной; онъ отправляетъ въ Парижъ двѣ тысячи экземпляровъ. Книгу дають на разсмотрѣніе ка-

кому-то педанту, книжному цензору, точно это обыкновенная книга, точно парижскій мальчишка можетъ быть судьей приказовъ императрицы, да еще какой императрицы! Этотъ дурачкій бездѣльникъ находитъ подожженія смѣлыми, оскорбительными, неудобными для ушей кельтовъ; онъ объявляетъ, что это книга опасная, философская; ее отсылаютъ въ Голландію безъ дальнѣйшаго разбирательства.

И я все еще у кельтовъ! и я все еще дышу ихъ воздухомъ! и я долженъ говорить ихъ языкомъ! Нѣтъ, подобной нелѣпой дерзости не сдѣлали-бы въ имперіи Мустафы и я увѣренъ, что Кинъ-Лонгъ сдѣлалъ-бы первымъ мандариномъ всякаго ученаго, который-бы перевелъ вашъ **Наказъ** по китайски.

Государыня, правда, что я отстою на одну милю отъ кельтской границы, но не хочу умирать среди нихъ. Этотъ послѣдній ударъ отправить меня въ умѣренный климатъ Таганрога.

Прежде чѣмъ послать письмо, я перечиталъ **Наказъ**.

«Надо, чтобы правительство было таково, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, но чтобы всѣ боялись закона».

«Законами слѣдуетъ запрещать только то, что вредно каждому въ частности или всему обществу, вообще».

Эти-ли дивныя правила не хотѣли знать кельты? Они заслуживаютъ... они заслуживаютъ... они заслуживаютъ... все, что имѣютъ.

Прошу прощенія у Вашего Императорскаго Величества, я слишкомъ взбѣшенъ; старики должны-бы быть менѣ пылки. Я сержусь въ одно время и на Турцію и на Кельтію; это можетъ задушить бѣднаго чудака, который, валяясь, склоняется къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества.

Екаерина Вольтеру.

16-го—27-го іюля.

Милостивый государь, я, кажется, уже писала вамъ о взятіи штурмомъ перекопскихъ линій, о бѣгствѣ хана крымскаго съ шестидесятью тысячами человекъ и о взятіи форта Орка, сдавшагося по уговору 14-го іюня. Затѣмъ, мое войско тремя колоннами вошло въ Крымъ; правая завладѣла Козловымъ, портомъ на Черномъ морѣ; средняя подъ начальствомъ самого князя Долгорукова, направилась къ Карасбазару, гдѣ была встрѣчена депутациейъ начальниковъ духовныхъ чиновъ Крыма, предложившихъ капитуляцію всего полуострова. Но такъ какъ возвращеніе депутатовъ замедлилось, то князь Долгорукий приблизился къ Каффѣ, другому порту на Черномъ морѣ. Тамъ, онъ атаковалъ турецкій лагерь, въ которомъ было двадцать пять тысячъ человекъ, убѣжавшихъ и спасшихся на судахъ, которые привезли ихъ. Остался одинъ только сераскиръ Ибрагимъ-паша; онъ предложилъ капитуляцію, но князь послалъ сказать ему, что онъ долженъ сдаться военно-плѣннымъ, что тотъ и сдѣлалъ.

И такъ, 29-го іюня наши войска вошли въ Каффу, съ барабаннымъ боемъ. Между тѣмъ, лѣвая колонна, перейдя полосу земли, лежащую между Азовскимъ моремъ и Крымомъ, отправила отрядъ, завладѣвшій Керчью и Сеникалемъ, что произошло сейчасъ-же; такъ что нашъ Азовскій флотъ, стоявшій въ проливѣ и готовый перейти его, долженъ теперь быть въ Каффѣ. Князь Долгорукий пишетъ мнѣ, что въ виду порта крейсируютъ три русскихъ флага.

Тороплюсь сообщить вамъ эти хорошія новости, зная, какое участіе вы примете въ нихъ. Онѣ заставятъ васъ извинить беспорядочность этого письма, которое я пишу въ торопяхъ.

У врага нашего остается въ Крыму всего двѣ или три несчастныхъ гавани: болѣе значительныя мѣста взяты,

и я вскорѣ должна получить капитуляцію, подписанную татарами.

Если, послѣ всего этого, султанъ не удовлетворится, то ему можно будетъ дать еще что-нибудь въ другомъ родѣ.

Будьте увѣрены въ моей дружбѣ и въ моемъ полномъ уваженіи къ вамъ.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Февръ, 30-го іюля (1771 г.)

Государыня, правда-ли, что вы завладѣли всѣмъ Крымомъ? Ваше Императорское Величество удостоили меня сообщеніемъ, что князь Долгорукій стоитъ передъ Перекопомъ или Прекопомъ. Стоустная богиня, ежедневно приѣзжающая съ сѣвера на югъ и уже давно приносящая однѣ глупости съ юга на сѣверъ, рассказываетъ, что весь Крымъ подъ вашей властью и что онъ не заставилъ себя много просить о томъ.

По крайней мѣрѣ, весьма утѣшительно владѣть Тавридой, гдѣ Ифигенія была такъ долго монахиней и куда ея братъ Орестъ приѣхалъ, чтобы украсть статую, вмѣсто того, чтобы позволить себя обратить.

Но если, по взятіи этого Таврическаго Херсонеса, вы согласитесь на миръ съ Мустафой, то что станется съ моей бѣдной Греціей? что станется съ этой прекрасной землей Софокла и Демосѣна? Я охотно предоставляю Иерусалимъ мусульманамъ: эти варвары сотворены для страны Изикила, Или и Каиафы. Но мнѣ всегда будетъ больно видѣть Аѳинскій театръ обращеннымъ въ огороды и лицей въ конюшни. Я сильно интересуюсь султаномъ Алибеємъ; я съ большимъ удовольствіемъ мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ съ вами переговариваться съ вышины пирамиды; неужели мнѣ надо отказаться отъ всѣхъ моихъ прекрасныхъ иллюзій?

Мнѣ очень прискорбно, что вы завоевали только Молдавію, Валахію, Бессарабію, Скиѳію, страну Амазонокъ и

Меден, что составляет около четырех сотъ лье; подобные пустяки меня не удовлетворяютъ.

Я рассчитывалъ, что вы вновь постройте Троику и что Ваше Императорское Величество на кораблѣ станетъ прогуливаться вдоль береговъ Скамандры. Вижу, что мнѣ приходится умѣрять свои желанія, такъ какъ вы умѣряете ваши.

Я ослѣпъ, но все еще слышу барабанный бой, возвѣщающій мнѣ ваши побѣды, и говорю себѣ: «Если ты не можешь пользоваться счастьемъ лицедрѣть ее, то, по крайней мѣрѣ, можешь слышать о ней ежеминутно».

Если Ваше Императорское Величество оставить за собою Херсонесъ, какъ я полагаю, то прибавите новую главу къ своему своду въ пользу мусульманъ, населяющихъ эту страну. Ваша греческая церковь, конечно, единственно католическая и единственно истинная, не едѣляетъ такъ много обращеній; но она можетъ завести большую торговлю, которая когда-то существовала между этой Скиеіей и Греціей. Даже самъ Аполлонъ подарилъ татарину Абарису стрѣлу, переносившую его съ одного конца свѣта на другой, какъ нашихъ волшебниковъ. Будь у меня подобная стрѣла, я былъ-бы теперь въ Петербургѣ, вмѣсто того, чтобы съ подошвы Альпъ глупо увѣрять въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и неизмѣнной преданности владычицу Азова, Каффы и моего сердца.

Старый Больной.

Екатерина Вольтеру.

22-го іюля—2 августа. (1771 г.)

Милостивый государь, я не сумѣю лучше отвѣтить на два ваши письма, отъ 19 іюня и 6 іюля, какъ сообщивъ вамъ, что, въ первыхъ числахъ іюля, моимъ войскомъ сдались Тамань и три небольшихъ городка: Темрукъ, Ахай и Альтонъ, находящиеся на большомъ островѣ, образующемъ другую сторону пролива Азовскаго моря въ Черномъ морѣ. Этому примѣру послѣдовали двѣсти

тысяч татаръ, живущихъ, какъ на этихъ островахъ, такъ и на сушѣ.

Адмиралъ Синявинъ, выпедшій изъ канала съ своей флотиліей, пустился для забавы въ погоню за четырнадцатью неприятельскими судами; однако, туманъ спасъ ихъ отъ его когтей.

Не правда-ли, что явилось много матерьяловъ для поправленія и исправленія географическихъ картъ? Во время этой войны приходилось упоминать о мѣстностяхъ, о которыхъ прежде и не слыхивали и которые географы считали пустынными. Не правда-ли также, что мы завоевываемъ за четверыхъ? Вы мнѣ скажете, что не надомного ума, чтобы завладѣть покинутыми городами. Вотъ, быть можетъ, причина, мѣшающая мнѣ быть невыносимо гордой, какъ вы говорите.

Кстати о гордости, мнѣ хочется вамъ откровенно высказаться по этому поводу. Эта война была для меня чрезвычайно удачна, что меня, разумѣется, очень радовало; я говорила: «Россія сдѣлается извѣстной, благодаря ей; всѣ увидятъ, что это народъ неутомимый; что у него есть люди высокаго достоинства, со всѣми качествами, образующими героевъ; увидятъ, что она не нуждается въ средствахъ и что она можетъ защищаться и энергично воевать, когда на нее несправедливо нападаютъ».

Полная этихъ мыслей, я совсѣмъ не думала объ Екатеринѣ, которая въ сорокъ два года не можетъ вырасти ни физически, ни умственно, но, по естественному ходу всѣхъ вещей, должна остаться, тѣмъ, чѣмъ она есть. Идутъ ея дѣла хорошо, она говоритъ: тѣмъ лучше; еслибы они пошли хуже, она употребила-бы всѣ свои способности, чтобы направить ихъ на возможно лучшую дорогу.

Вотъ въ чемъ заключается мое честолюбіе и у меня нѣтъ другаго; все, что я вамъ сказала, совершенная правда. Пойду дальше: скажу вамъ, что для сбереженія человѣческой крови я искренно желаю мира; но до мира еще далеко, хотя турки и сильно желаютъ его, но по другимъ причинамъ. Этотъ народъ не умѣетъ заключать его.

Точно также я желаю умиротворенія безразсудныхъ раздоровъ Польши. Тамъ я имѣю дѣло съ взыбаломными головами, изъ которыхъ каждая, вмѣсто того, чтобы способствовать общему миру, препятствуетъ ему изъ-за каприза и легкомыслія. Мой посланникъ напечаталъ объясненіе, которое-бы должно раскрыть имъ глаза; но можно быть увѣреннымъ, что они скорѣе согласятся подвергнуть себя послѣдней крайности, чѣмъ рѣшатся поступить умно и прилично. Декартовскіе вихри существовали только въ Польшѣ. Тамъ, каждая голова есть вихрь, безпрестанно вертящійся вокругъ самого себя; только случай останавливаетъ его, но никакъ не разумъ и не разсудокъ.

Я еще не получила ни вашихъ Вопросовъ, ни вашихъ фернейскихъ часовъ: не сомнѣваюсь, что работа вашихъ фабрикантовъ совершенна, разъ, что они работаютъ на вашихъ глазахъ.

Не браните вашихъ колонистовъ; что они мнѣ послали лишніе часы. Этотъ расходъ не раззоритъ меня. Было бы весьма печально для меня, еслибы я дошла до того, что не имѣла-бы подобной суммы во всякую данную минуту, когда-бы она мнѣ ни понадобилась. Пожалуйста не судите о нашихъ финансахъ по финансамъ другихъ раззорившихся европейскихъ государствъ; вы повредите. Хотя мы уже ведемъ войну три года, но строимся, и все остальное идетъ, какъ во время мира. Уже два года не было введено ни одного новаго налога; на войну теперь идетъ свой положенный окладъ; будучи разъ опредѣленъ, онъ совсѣмъ не стѣсняетъ другихъ частей. Если мы возьмемъ еще одну или двѣ Каффы, то война будетъ оплочена.

Я буду собой довольна всякій разъ, какъ получу ваше одобреніе. Нѣсколько недѣль тому назадъ, я тоже перечитывала свой Наказъ къ своду, полагая, что миръ ближе; чѣмъ онъ есть, и нашла, что была права. Сознаюсь, что этотъ сводъ, для котораго еще готовится много матерьяла, а другой уже готовъ, надѣляетъ мнѣ много хлопотъ, прежде, чѣмъ достигнетъ той степени со-

ве ршенства, на которой я желаю его видѣть; но ничего не значить, надо, чтобы онъ былъ законченъ, хотя въ Таганрогѣ море на югѣ и горы на сѣверѣ.

Однако, ваши проекты относительно этого города не могутъ исполниться прежде; чѣмъ миръ не обезпечить его окрестностей противъ всѣхъ нападеній съ моря и съ суши, такъ какъ, до взятія Крыма, это былъ пограничный городъ со стороны татаръ. Быть можетъ, въ скоромъ времени, привезутъ ко мнѣ самого Крымскаго хана. Я сейчасъ узнаю, что онъ не переѣзжалъ Чернаго моря съ турками, но оставался въ горахъ съ очень маленькой свитой, въ родѣ англійскаго претендента въ Шотландіи, послѣ пораженія при Куллоденѣ. Если онъ придетъ, то мы позаботимся объ его развлеченіи въ эту зиму; и, изъ мести, я заставлю его танцовать и слушать французскую комедію.

Прощайте, милостивый государь; продолжайте питать ко мнѣ прежнюю дружбу и будьте увѣрены въ моихъ чувствахъ къ вамъ.

Екатерина.

Р. S. Я уже готовилась запечатать это письмо, когда получила ваше, отъ 10 іюля, въ которомъ вы мнѣ описываете приключеніе съ моимъ Наказомъ во Франціи. Я знаю объ этомъ анекдотѣ и даже съ прибавленіемъ, вслѣдствіе приказа герцога Шуазеля: Признаюсь, что я много смѣялась, читая это въ газетахъ, и нашла, что я достаточно отомщена.

Пожаръ, случившійся въ Петербургѣ, по отчетамъ полиціи, уничтожилъ всего сто сорокъ домовъ, между которыми было около двадцати каменныхъ; всѣ остальные были только деревянныя лачужки. Сильный вѣтеръ разнесъ пламя и головешки во всѣ стороны, отчего пожаръ возобновился на другой день и принялъ сверхъестественный видъ; но, несомнѣнно, что сильный вѣтеръ и чрезвычайный жаръ произвели все это зло, которое будетъ восстановлено. У насъ строить гораздо скорѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Въ 1762 году былъ пожаръ вдвое сильнѣе этого, уничтожившій большой кварталъ изъ де-

ревянныхъ домовъ; менѣе, чѣмъ въ три года, онъ былъ перестроенъ изъ камня.

Вольтеръ Еватеринъ.

7 августа (1771 г.)

Государыня, правда-ли это? Неужели я такъ счастливъ, что меня не обманули? Пятнадцать тысячъ турокъ убитыхъ или вятыхъ въ плѣнъ на Дунаѣ, и все это въ то время, какъ войска Вашего Императорскаго Величества входятъ въ Перекопъ! Это новость изъ Вѣны; могу-ли я на это рассчитывать? счастье мое достовѣрно-ли?

Я тоже хочу вамъ похвастаться подвигами моей родины. Съ нѣкотораго времени, у насъ есть прекрасная танцовщица *) въ Парижской оперѣ. Говорятъ, что у нея превосходныя руки. Последняя комическая опера **) не имѣла успѣха, но готовятъ другую, которая поразитъ всю вселенную; она будетъ даваться въ первомъ городѣ вселенной, лучшими артистами вселенной.

Нашъ генеральный контролеръ ***) , не имѣющій денегъ вселенной въ своихъ сундукахъ, дѣлаетъ такія операціи, которыя навлекаютъ на него выговоры и даже проклятія.

Нашъ флотъ собирается плавать изъ Парижа въ Сень-Клу.

У насъ есть полкъ, которому дѣлали смотръ; политики предвидятъ изъ этого великія событія.

Говорятъ, что видѣли отрядъ іезуитовъ по направленію къ Авиньону, но что онъ былъ разбѣянъ корпусомъ янсенистовъ, бывшихъ гораздо многочисленнѣе; убитыхъ не было, но, кажется, болѣе четырехъ фанатиковъ будетъ отлучено отъ церкви.

*) M-elle Дервиѣ.

**) Les Jardiniers, слова Давена (Davesne), музыка Прюданъ (Prudent).

***) Аббатъ Терруа (Terrou).

Если Ваше Императорское Величество найдете нужнымъ, то я не премину дать отчетъ о послѣдствіяхъ этихъ великихъ революцій.

Между тѣмъ, какъ мы занимаемся такими важными дѣлами, Ваше Величество забавляется завоеваніемъ провинцій на сушѣ, приобрѣтеніемъ господства на Архипелагѣ и Черномъ морѣ, разбиваніемъ турецкихъ войскъ. Вотъ что значить не имѣть никакого дѣла и управлять только маленькимъ государствомъ.

Тѣмъ не менѣе, я остаюсь привязаннымъ къ Вашему Императорскому Величеству, съ глубокимъ почтеніемъ и неизмѣнной преданностью, которая кончится только съ моею жизнью.

Старый Фернейскій больной.

Екатерина Вольтеру.

14-го—25 августа (1771 г.)

Милостивый государь, по содержанію вашего письма, отъ 30 іюля, я вижу, что вы еще не получали моихъ писемъ, объявляющихъ вамъ подчиненіе всего Крыма. Онъ вступилъ въ соглашеніе съ княземъ Долгорукимъ. Приѣхавшій сегодня курьеръ объявилъ мнѣ, что сюда ѣдутъ татарскіе посланники, чтобы просить у меня утвержденія хана, избраннаго на мѣсто Селимъ-Гирея, слишкомъ привязаннаго къ туркамъ, благодаря личнымъ его владѣніямъ въ Румелии. Мурзы убѣдили его удалиться и снабдили его для этого нѣсколькими лодками. И такъ, я начну раздавать сабли, плюмажи, кафтаны и приобрѣту ложный видъ Мустафы.

Эти татары сдѣлали нѣкоторое усиліе, чтобы стряхнуть оттоманское иго; а то мы не получили-бы ихъ такъ дешево. Пусть теперь Орестъ попробуетъ украсть статую въ Крымѣ: у этихъ людей нѣтъ и тѣни прекрасныхъ искусствъ; но, тѣмъ не менѣе, у нихъ сохранилась охота брать то, что имъ не принадлежитъ.

Допустите, чтобы я сдѣлался султаномъ: вы увидите,

что, взявъ Дамаскъ 6 іюня, онъ сдѣлается прелестнымъ. Если ваша дорогая Греція, умѣющая только желать, поступала-бы съ такой-же энергіей, какъ властитель пирамидъ, то Аѳинскій театръ вскорѣ пересталъ-бы быть огордомъ, а лицей—конюшней. Но, если эта война еще продолжится, то мой Царскосельскій садъ вскорѣ будетъ похожъ на игру въ кегли, потому что при всякомъ блестящемъ подвигѣ, я ставлю какой нибудь памятникъ. Послѣ Кагульской битвы, во время которой семнадцать тысячъ побилъ сто пятьдесятъ, явился обелискъ, на которомъ написанъ только самый фактъ и имя генерала. Чесменское морское сраженіе произвело роstralную колонну въ большомъ бассейнѣ; взятіе Крыма будетъ увѣковѣчено большой колонной; спускъ въ Морею и взятіе Спарты—другой.

Все это дѣлается изъ самаго лучшаго мрамора, которымъ восхищаются сами итальянцы. Этотъ мраморъ мы получаемъ, то съ береговъ Ладожскаго озера, то изъ Екатеринбурга, или изъ Сибири и находимъ ему употребленіе, какъ видите: есть почти всѣхъ цвѣтовъ.

Кромѣ этого, за моимъ садомъ, въ лѣсу, я вадумала построить храмъ Воспоминанія, въ который будетъ вести триумфальная арка. Всѣ самые важные эпизоды этой войны будутъ выгравированы на медальонахъ съ простыми короткими надписями на нашемъ языкѣ, съ числомъ и именемъ тѣхъ, которые ихъ совершили. У меня есть прекрасный архитекторъ, итальянецъ, дѣлающій планы этого зданія, которое, надѣюсь, будетъ прекрасно, изящно и представитъ исторію этой войны. Эта идея меня сильно занимаетъ и я полагаю, что вы не найдете ее неумѣстной.

Пока я не узнаю, что предполагаемая вами прогулка по Скамандрѣ пріятнѣе прогулки по красавицѣ Невѣ, вы мнѣ позволите предпочитать эту послѣднюю. Мнѣ здѣсь такъ хорошо! Я отказываюсь также отъ возобновленія Трои: мнѣ надо выстроить здѣсь цѣлое предмѣстье, раззоренное пожаромъ этой весной.

Прошу васъ, милостивый государь, быть увѣреннымъ

въ моей признательности за всѣ привѣтливья и счастливыя слова, которыя вы мнѣ говорите: ничто не доставляетъ мнѣ большаго удовольствія, какъ знаки вашей дружбы. Сожалѣю, что я не волшебница; я-бы употребила свое искусство на возвращеніе вамъ зрѣнія и здоровья.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Февр., 31 августа (1770 г.)

Государыня, осмѣлюсь сказать, что Ваше Императорское Величество задолжали мнѣ письмомъ, которымъ вы удостоиваете меня отъ 16 іюля. Я нуждался въ этомъ пріятномъ утѣшеніи послѣ двухъ отвратительныхъ газетъ, въ которыхъ говорилось, что войска нашего непобѣдимаго султана Мустафы повсюду побѣждали. Не понимаю, что выигрываютъ, печатая такую гнусную ложь, которая можетъ обманывать народъ только въ продолженіе пяти или шести дней. Если ужъ надувать людей, то надо надувать ихъ долго, какъ это дѣлали въ Римѣ. Но нельзя такъ поступать съ военными подвигами.

Полагаю, что всѣ крымскіе татары теперь ваши подданные. Я васъ вижу шествующей отъ побѣды къ побѣдѣ: меня увѣряютъ, что ваши войска, дѣйствительно, побѣдоносныя, перешли Дунай и что у васъ сто кораблей въ Архипелагѣ.

Благословляю Бога, что родился, чтобы увидѣть эту великую революцію. Когда Петръ Великій, въ мое время, былъ въ Саардамѣ, то никто не подозрѣвалъ, что Ваше Величество будетъ когда-то господствовать на Черномъ морѣ, въ Архипелагѣ и на Дунаѣ.

Меня увѣряютъ, что мой дорогой другъ Али-бей взялъ Дамаскъ и осадилъ Алепо, чтобы испробовать, до чего непобѣдимый Мустафа можетъ довести добродѣтель покорности. Если это правда, — что я желаю отъ всего сердца, — то никогда терпѣніе султана не было болѣе испытуемо. Но, вѣроятно, этотъ непобѣдимый герой слишкомъ упрямятъ, если на колѣняхъ не умоляетъ васъ о мирѣ.

У насъ былъ король Людовикъ XI, говорившій: «когда гордость идетъ впередъ, то убытокъ идетъ позади». Мустафа забылъ это правило: онъ вамъ приказалъ очистить Подолю, вы очень плохо его послушались. Смѣю, наконецъ, рассчитывать, что вы прикажете ему очистить Константинополь, и онъ васъ послушается.

Если, посреди всей этой суматохи, вы удостоите найти нѣсколько минутъ на прочтеніе моихъ размышленій, то четвертый и пятый томы Энциклопедическихъ вопросовъ должны теперь находиться въ вашихъ прекрасныхъ рукахъ. Пока, вотъ листъ седьмага тома, еще не совсѣмъ исправленный. Авторъ осмѣлился упомянуть о Вашемъ Величествѣ на 356 страницѣ.

Приникаю къ вашимъ стопамъ, цѣлую ихъ съ гораздо большимъ почтеніемъ, чѣмъ у папы; онъ считаетъ себя первою особой вселенной; Мустафа воображалъ о себѣ тоже самое; но я знаю, кому должно принадлежать это названіе.

Пусть моя владычица приметъ глубокое почтеніе своего стараго подданнаго.

Екатерина Вольтеру.

4-го—15-го сентября (1771 г.).

Милостивый государь, вы меня спрашиваете, правда ли, что въ то самое время, какъ мои войска входили въ Перекопъ, на Дунаѣ было дѣло, неблагоприятное для турокъ. Я вамъ отвѣчу, что на Дунаѣ въ это лѣто произошло всего одно сраженіе, въ которомъ генераль-лейтенантъ князь Репнинъ, рубилъ съ своимъ отрядомъ турецкій корпусъ, приблизившійся, послѣ полученія отъ коменданта Джурджи сдачи этой крѣпости, почти также, какъ Лаутербургъ перешелъ къ австрійцамъ, когда г. де-Ноайль командовалъ французскимъ войскомъ послѣ смерти императора Карла VI. Такъ какъ князь Репнинъ заболѣлъ, то генераль-лейтенантъ Эссенъ хо-

Вольтеръ.

10

тѣмъ снова взять Джурджу; но пристунъ его былъ отброшенъ.

Однако, чтобы ни говорили газеты, Бухарестъ все еще въ нашихъ рукахъ, со всѣми береговыми крѣпостями Дуная, отъ Джурджи до Чернаго моря.

Я нисколько не завидую подвигамъ вашего отечества, которые вы мнѣ описываете. Если прекрасныя руки красавицы танцовщицы парижской оперы и комическая опера, составляющая восхищеніе вселенной, утѣшаютъ Францію въ уничтоженіи ея парламентовъ и въ новыхъ налогахъ послѣ восьмилѣтняго мира, то надо согласиться, что онѣ оказали правительству существенныя услуги. Но когда эти налоги соберутся, то пополнятся-ли сундуки короля и освободится-ли государство отъ дальнѣйшей уплаты?

Вы говорите мнѣ, что вашъ флотъ готовится плавать отъ Парижа въ Сень-Клу; вотъ вамъ новость за новость. Мой пришелъ изъ Азова въ Каффу. Въ Константинополь очень огорчены потерей Крыма; для развлечения, надо-бы имъ послать комическую оперу и маріонетокъ изъ польскихъ бунтовщиковъ, вмѣсто толпы французскихъ офицеровъ, которые посылаются на гибель. Всѣ любители зрѣлищъ изъ моего войска могутъ смотрѣть драмы г. Сумарокова, въ Тобольскѣ, гдѣ много весьма хорошихъ актеровъ.

Прощайте, милостивый государь, будемъ сражаться съ злыми, не желающими оставаться въ покоѣ, и побьемъ ихъ, такъ какъ они того желаютъ. Любите меня и будьте здоровы.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

17-го сентября, (1771 г.)

Государыня, не ошибаюсь-ли я на этотъ разъ? Цѣлый флотъ моихъ друзей турокъ обращенъ въ пепель въ Лемнонскомъ портѣ! Графъ Алексѣй Орловъ, — господинъ этого острова! — вотъ, что мнѣ пишутъ изъ Венеціи. Эти новости раздаются въ альпійскомъ эхо и мы повторяемъ

имена Вашего Императорскаго Величества и графа Ордова. Мнѣ кажется, что почти въ то-же самое время, въ прошломъ году, въ этомъ-же мѣстѣ, погибъ другой флотъ: вотъ прекрасная годовщина. Видно, что Ломнось, дѣйствительно, былъ островомъ Вулкана; этотъ богъ сжигаетъ вашихъ враговъ.

Ахъ, Мустафа! Мустафа! Ваше высочество намѣреноли еще смѣяться надъ моей Императрицей? Прикажете-ли вы ей немедленно очистить Подолію? Находите-ли вы слишкомъ дерзкимъ, что она не послушалась приказаній вашей свѣтлѣйшей Порты? Будете-ли вы еще сажать ея министровъ въ тюрьму? Вотъ, моя августѣйшая повелительница, владычица вашего Татарь-Крыма, владычица всѣхъ вашихъ провинцій по сю сторону Дуная, владычица всего вашего Чернаго моря. Вы не любезны, Мустафа, вы бы должны были придти поклониться ей и цѣловать ея прекрасныя ручки, вмѣсто того, чтобы воевать съ нею. Повѣрьте мнѣ, смиренно попросите у нея прощенія; это самое лучшее, что вамъ остается дѣлать.

Знаете-ли вы, господинъ Мустафа, что моя героиня, постоянно занятая пораженіемъ вашихъ войскъ, находить еще время, чтобы писать мнѣ письма, полныя ума и граціи? Вы, пожалуй, не знаете, что означаютъ эти слова: грація и умъ? Она удостоила меня сообщеніемъ отъ 22-го іюля (2-го августа), что ей обязаны будутъ новой географической картой Крыма; до сихъ поръ не было ни одной порядочной; вы, турки, не географы, у васъ прекрасная страна, но вы ея не знаете. Моя Императрица познакомила васъ съ нею.

Знаете-ли вы, гдѣ былъ земной рай? Я это знаю. Онъ вездѣ, гдѣ Екатерина II. Вмѣстѣ со мной распростритесь къ ея ногамъ.

Дано въ Фернэ, 3 число Шевальской луны (La lune de Schewal.)

Фернэ, 2-го октября (1771 г.)

Господинъ Мустафа, прошу прощенья у Вашего Высочества за послѣднюю любезность, сдѣланную вамъ по поводу вашего флота, который предполагалъ, что былъ сожженъ этими храбрыми Орловыми, что, вѣроятно, не всегда вѣрно. Меня дурно извѣстили, но у васъ еще болѣе ложныя мысли, чѣмъ у насъ ложныя новости.

Вы еще тяжеловѣснѣе ошиблись, начавъ эту войну съ моею прекрасною Императрицей. Вамъ хорошо досталось за то невѣжество, благодаря которому вы, сидя въ своемъ сералѣ, не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло! Чѣмъ вы были невѣжественнѣе, тѣмъ болѣе вы гордились. Это великій урокъ всѣмъ царямъ. Около трехъ лѣтъ, какъ я вамъ предсказалъ несчастье. Мои предсказанія сбылись; что-же касается до вашего сожженнаго флота, то, что отложено, то не потеряно. Разсчитывайте на графовъ Орловыхъ.

Къ тому-же, гораздо пріятнѣе отнять у васъ Крымъ, чѣмъ сжечь нѣсколько судовъ. Не печальтесь такъ, мой другъ. Правда, что моя Императрица отводитъ вамъ мѣсто въ своемъ храмѣ «Воспоминанія», но вы попадете туда, какъ побѣжденные цари попадали въ Капитолій.

Мнѣ пишутъ, что вы, наконецъ, образумились и просите мира. Не знаю, достаточно-ли вы благоразумны для подобной попытки и не обманули-ли меня по поводу этого дѣла, какъ по поводу вашего флота.

Не знаю, правда-ли, что ваши войска разбили моего дорогаго Али-бея въ Сиріи. Боясь, чтобы этотъ маленький успѣхъ не опьянилъ васъ; но берегитесь, русскіе не похожи на египтянъ; они дерутъ вамъ уши уже три года и натрутъ ихъ еще больше, если вы не попросите прощенья у моею августѣйшей Екатерины. Я сильно разсердился, когда вы заставили ее прервать свой прекрасный сводъ, чтобы побить васъ. Она-бы предпочла быть Ѳемидой, чѣмъ Беллоной но, благодаря вамъ, она достигла храма славы всѣми путями. Оставайтесь въ своемъ хра-

мѣ гордости и праздности и вѣрите, что я всегда буду
весь вашъ. **Фернейскій пустынный.**

Осмѣливаюсь послать мое письмо Ея Императорскому
Величеству Русской Императрицѣ, которая не замедлитъ
возвратить вамъ его.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 6—17 октября. (1771 г.)

Милостивый государь, хочу вамъ написать маленькое
прибавленіе къ статьѣ Фанатизмъ, которое не будетъ
лишнимъ также и въ Противорѣчіяхъ, которые я
прочла съ величайшимъ наслажденіемъ въ книгѣ Энци-
клопедическихъ вопросовъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

Въ Москвѣ появились болѣзни: горячки съ пятнами
и безъ пятенъ, злокачественныя лихорадки, уносящія
много народу, несмотря на всѣ принятія предосторожно-
сти. Генераль-фельдцейхмейстеръ, графъ Орловъ, про-
силъ у меня, какъ милости, позволенія отправиться туда,
чтобы самому увидѣть, какія надо принять мѣры для
прекращенія зла. Я согласилась на этотъ поступокъ,
столь прекрасный и самоотверженный съ его стороны, не
безъ сильнаго опасенія за предстоящую ему опасность.

Едва провелъ онъ въ дорогѣ двадцать четыре часа,
какъ фельдмаршалъ Солтыковъ увѣдомилъ меня о слѣ-
дующей катастрофѣ, случившейся въ Москвѣ, съ 15-го
на 16-е сентября стараго стilia.

Амвросій, митрополитъ этого города, человекъ умный
и достойный, узнавъ, что уже нѣсколько дней, какъ
громадное количество народа, стекается къ одному обра-
зу, который, по предположеніямъ, вылечивалъ больныхъ,
(умиравшихъ у ногъ Богородицы) и что туда несли мно-
го денегъ, послалъ наложить свою печать на кружку,
чтобы потомъ употребить деньги на богоугодныя дѣла:
распоряженіе экономическое, которое каждый архіерей
имѣетъ право сдѣлать въ своей епархіи. Можно предпо-
ложить, что онъ хотѣлъ совсѣмъ снять образъ, какъ то

дѣлалось нѣсколько разъ и что это было только введеніемъ. Разумѣется, эта толпа народа, собирающаяся во время эпидеміи, могла только усилить ее. Но вотъ, что произошло:

Часть этой черни принялась кричать: «Митрополитъ хочетъ украсть сокровище Пресвятой Богородицы, надо его убить!» Другая взяла сторону митрополита. Отъ словъ перешли къ кулакамъ. Полиція хотѣла ихъ разогнать, но обыкновенной полиціи было уже недостаточно. Москва не городъ, а цѣлый міръ. Самые бѣшеные побѣжали къ Кремлю; проломали двери монастыря, въ которомъ живетъ митрополитъ, ограбили монастырь, перепились въ погребахъ, въ которыхъ многие купцы держатъ свое вино; не найдя того, кого они искали, часть отправилась къ Донскому монастырю, откуда вытащила этого почтеннаго старца и безчеловѣчно убила его; другая-же дралась, дѣла добычу.

Наконецъ, прибылъ генералъ-лейтенантъ Ерошкинъ съ тридцатью солдатами, весьма скоро заставившими ихъ разойтись. Самые главные бунтовщики были взяты. Есть, по правдѣ сказать, чѣмъ гордиться этому XVIII столѣтію! Вотъ вамъ и премудрость. Но не вамъ надо говорить объ этомъ; вы слишкомъ хорошо знаете людей, чтобы удивляться ихъ противорѣчіямъ и сумасбродствамъ. Стоять только прочесть ваши Энциклопедическіе вопросы, чтобы убѣдиться въ вашемъ глубокомъ знаніи человѣческаго ума и сердца.

Я вамъ должна тысячу благодарностей за то, что вы упоминаете обо мнѣ въ различныхъ частяхъ этого словаря, столь полезнаго и столь пріятнаго; меня сильно удивила встрѣча моего имени на страницѣ, гдѣ я всего менѣе того ожидала *).

Надѣюсь, что теперь вы уже получили заемное письмо для уплаты фабрикантамъ, пославшимъ мнѣ свои часы.

Извѣстіе о морской Лемносской битвѣ ложно. Графъ Алексѣй Ортовъ 24-го іюля былъ еще въ Паросѣ, а ту-

*) Въ статьѣ Gloire.

репкій флотъ не смѣетъ показываться за Дарданеллы. Ваше письмо по поводу этого сраженія единственно въ своемъ родѣ. Чувствую, какъ должно, всё выказываемые вами знаки дружбы и чрезвычайно вамъ признательна за ваши прелестныя письма.

Въ Экономическихъ вопросахъ, столь-же полныхъ всего прекраснаго, какъ и новаго, я нашла въ статьѣ: Общественная экономія, на страницѣ 61, слова: «Дайте Сибири и Камчаткѣ, вчетверо превышающимъ пространство всей Германіи, Кира въ цари, Солона въ законодателя, герцога Сюлли или Кольбера въ министры финансовъ, герцога Шуазеля въ министры войны и мира, Ансона въ адмиралы—они умрутъ тамъ съ голоду со всѣмъ своимъ гениемъ».

Я вамъ отдаю всю Сибирь и Камчатку, расположенныя за шестьдесятъ третьимъ градусомъ; но взаменъ, я вступаюсь передъ вами за участокъ, находящійся между шестьдесятъ третьимъ и сорокъ пятымъ градусомъ: онъ нуждается въ людяхъ, сообразно съ своимъ протяженіемъ, а также и въ винахъ. Не только онъ годенъ для обработки, но и очень плодороденъ. Хлѣбъ родится тамъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что, кромѣ употребленія его жителями, онъ идетъ еще на приготовленіе водки и его остается еще достаточно для того, чтобы везти зимой сухимъ путемъ, а лѣтомъ по рѣкамъ въ Архангельскъ, откуда онъ отсылается за границу. Быть можетъ, его ѣдятъ во многихъ мѣстахъ, говоря, что хлѣбъ не дозрѣваетъ въ Сибири.

Домашнія животныя, дичь, рыбы водятся въ изобиліи въ этихъ климатахъ и есть такіе прекрасныя виды ихъ, которые не извѣстны въ другихъ странахъ Европы. Вообще, естественныя произведенія Сибири необыкновенно богаты: доказательствомъ тому—громадное количество рудниковъ мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ, агатовъ, всевозможныхъ цвѣтовъ, яшмы, хрустала, мрамора, талька и т. д., и т. д.

Есть цѣлыя уѣзды, покрытыя кедрами необыкновенной толщины, столь-же прекрасными, какъ и ливанскіе, и дикими фруктовыми деревьями всевозможныхъ видовъ.

Если вамъ интересно видѣть произведенія Сибири, то я вамъ пришлю коллекціи различныхъ родовъ, свойственныхъ только одной Сибири и весьма рѣдкихъ въ другихъ мѣстахъ. Но, что доказываетъ, я полагаю, что мѣръ гораздо старше, чѣмъ наши кормилицы намъ говорить, это то, что на сѣверѣ Сибири, въ нѣсколькихъ саженьяхъ подъ землею, находятъ кости слоновъ, уже давно не попадающихся въ этихъ странахъ.

Ученые, вмѣсто того, чтобы согласиться съ древностью нашего шара, говорятъ, что это ископаемая слоновая кость; но что бы они ни говорили, ископаемая не растутъ въ видѣ слоновъ.

Выступивъ передъ вами съ защитой Сибири, я вамъ предоставляю дѣлать заключенія и удаляюсь, возобновивъ увѣренія въ высокому и самому искреннему почтеніи, дружбѣ и уваженіи.

Еваторина.

Вольтеръ Еваторинѣ.

Фернэ, 18 октября (1771 г.)

Государыня, съ этой почтой я не пишу Мустафѣ; позвольте мнѣ отдать предпочтеніе Вашему Императорскому Величеству; нѣтъ возможности говорить съ этой толстой свиньей, когда можно бесѣдовать съ героиней вѣка.

У меня сердце надывается, видя своихъ соотечественниковъ между этими сумасшедшими конфедератами. Наши кельты никогда не были слишкомъ мудры, но по крайней мѣрѣ, они слыли за любезныхъ; а я не знаю ничего грубѣе, какъ поднимать оружіе противъ васъ: это противно всѣмъ законамъ рыцарства. Чрезвычайно постыдно и бессмысленно, что около тридцати молокососовъ возмѣли дерзость отправиться воевать съ вами, когда двѣсти тысячъ татаръ бросаютъ Мустафу, чтобы служить вамъ. Теперь татары вѣжливы, а французы превратились въ скивовъ. Соболаговолите замѣтить, государыня, что я не кельтъ: я швейцарецъ, а будь я помоложе, сдѣлался бы русскимъ.

Ваше Императорское Величество очень меня утѣшили своимъ письмомъ, отъ 4 сентября, сообщивъ мнѣ настоящее положеніе дѣлъ на Дунаѣ. Во Франціи, моей сосѣдкѣ, ходили самыя ложныя слухи, но я все еще не могу не удивляться, что Мустафа не проситъ мира. Имѣли ли онъ какіе-нибудь успѣхи противъ моего милаго Алибея?

Ахъ, гесударыня, какъ прекрасенъ былъ-бы славный миръ послѣ всѣхъ вашихъ побѣдъ!

Въ то время, какъ вы настолько добры, что теряете нѣсколько минутъ на чтеніе четвертаго и пятаго томовъ Вопросовъ, вопрошатель отправилъ шестой и седьмой; но онъ очень боится, что не въ состояніи будетъ продолжать. Онъ уже болѣе не въ силахъ, онъ очень боленъ; и вотъ почему онъ желаетъ, чтобы Ваше Величество поскорѣе отправились въ Константинополь, такъ какъ, дѣйствительно, ему некогда ждать.

Моя колонія у вашихъ ногъ; я-бы желалъ, чтобы она отправила часы въ Китай съ вашими караванами, но она гораздо болѣе гордится своей отправкой въ Петербургъ. Ваше Императорское Величество слишкомъ добры; я не перестаю удивляться всему, что вы дѣлаете. Мнѣ кажется, что король Прусскій точно также удивленъ и почти столько-же доволенъ, какъ и я. Ничто не сравнится съ восхищеніемъ вашей особой, благодарности и глубокомъ почтеніи стараго Фернейскаго больнаго.

Фернэ, 2 ноября (1771 г.)

Гоударыня, я предпочитаю осмѣлиться написать моею героинѣ, чѣмъ Мустафѣ, который совсѣмъ не мой герой. По правдѣ сказать, я съ большимъ удовольствіемъ посмѣялся-бы ему прямо въ лицо надъ обратнымъ взятіемъ Джурджи и надъ окончательнымъ пораженіемъ этого ужаснаго Огинскаго.

Я боюсь, чтобы не попалось нѣсколько нашихъ кельтовъ между ихъ военноплѣнными: кой чортъ дернулъ ихъ отправиться туда?

Повидимому, Ваше Императорское Величество условились съ моимъ дорогимъ Али-беимъ, чтобы онъ отнялъ Дамаскъ и св. Иерусалимъ, пока Ваше Величество будетъ брать Джурджу. Если приключеніе съ Дамаскомъ справедливо, то я безпокоюсь только за сераль моего дарогаго Мустафы. Меня тѣшатъ извѣстіемъ, что графъ Алексѣй Орловъ завладѣлъ Негропонтъ; это подаетъ мнѣ надежду относительно Аѳинъ, къ которымъ я все еще привязанъ, благодаря Софоклу, Эврипиду, Менандру и старому Анакреону, моему собрату, хотя сами аѳиняне сдѣлались самыми несчастными трусами контанента. Но, съ какой стати Рагуза, древній Эпидоръ, какъ говорятъ, такъ долго принадлежавшая Восточной имперіи, значить вашей, вдругъ становится подъ покровительство имперіи западной? Есть развѣ теперь другое покровительство, кромѣ моей героини? Что дѣлаютъ savii grandi Венеціи? Отчего не возмутъ они царства Миноса, въ то время, какъ храбрый Орловъ беретъ царство Филоктета? Это значить, что въ цѣлой Европѣ нѣтъ ничего дѣйствительно великаго, кромѣ моей августѣйшей Екатерины, которой я посвятилъ мои послѣдніе вздохи.

Я былъ очень боленъ, извѣстіе о Джурджи меня воскресило на нѣкоторое время и я дышу еще болѣе глупымъ почтеніемъ и живѣйшей благодарностью къ Вашему Императорскому Величеству.

Старый Фернейскій больной.

12-го ноября (1771 г.)

Государыня, Ваше Императорское Величество не могли имѣть несчастій ни благодаря своимъ храбрымъ войскамъ, ни своему высокому и мудрому управленію; вы могли только страдать отъ стихій, во всѣ времена сокрушавшихъ человѣческую природу. Заразительная болѣзнь, опустошающая Москву и ея окрестности, произошла, благодаря вашимъ побѣдамъ. Рассказываютъ, что зараза была занесена трупами нѣсколькихъ турокъ, попавшихъ въ Чер-

ное море. Мустафа могъ дать только чуму, которая не выводится изъ его прекрасной земли. Это, конечно, еще новый предлогъ для того, чтобы князя, ваши сосѣди, присоединились къ вамъ и подъ вашими знаменами освободили землю отъ двухъ бичей, чумы и туроку. Я помню, что въ 1718 г. мы остановили чуму въ Марсели. Не сомнѣваюсь, что Ваше Императорское Величество приметъ мѣры гораздо дѣйствительнѣе принятыхъ нашимъ правительствомъ. Воздухъ не приноситъ этой заразы, холодъ уменьшаетъ ее, а ваши материнскія заботы ее разсѣютъ; подлая небрежность туроку должна увеличить вашу предусмотрительность, если ее только можно увеличить.

Говорять о голодѣ, дающемъ себя чувствовать въ всемъ флотѣ. Но я не вѣрю этому, такъ какъ имъ командуетъ одинъ изъ храбрыхъ графовъ Орловыхъ. Было бы слишкомъ испытать заразу три милости, которыхъ пророкъ Гадъ далъ на выборъ вашему маленькому мнимому собрату Давиду, за перепись его ничтожной провинци.

И я испытываю бичи въ своихъ деревняхъ, несчастіе проникаетъ въ мышиныя норы, и расхаживаетъ, поднося голову по великимъ имперіямъ. Моя колонія часовщиковъ испытала гоненія, но я ихъ выручилъ изъ бѣды, благодаря деньгамъ и все еще надѣюсь, что они помогутъ вамъ установить полезную торговлю вашего государства съ Китаемъ. Право, я предпочелъ бы, чтобы они работали на берегахъ Волги, чѣмъ на берегахъ Женевского озера.

Навсегда прогоните чуму и туроку за Дунай и примите съ вашей всегдашней добротой глубокое почтеніе и неизмѣнную преданность Вашему Императорскому Величеству
Старого Фервейскаго отшельника.

Фервз, 18-го ноября (1771 г.)

Государыня, я вижу изъ письма, которымъ Ваше Императорское Величество удостоиваете меня отъ 6-го ок-

тября, стараго стилиа, что вы рождены столько-же для наставленія людей, сколько и для управленія ими. Чернь трудно научить; но всѣ, получившіе едва сносное образованіе, все болѣе и болѣе будутъ пользоваться распространяемыми вами знаніями. Печально, что московскій митрополитъ сдѣлался мученикомъ изъ-за святой Дѣвы; глупые, суевѣрные и пьяные варвары, его убившіе, конечно, заслуживаютъ наказанія, которое-бы произвело впечатлѣніе на эти буйволовыя головы. Я увѣренъ, что со дня смерти сына Св. Дѣвы почти не проходило дня, чтобы кто-нибудь не былъ изъ-за него зарѣзанъ; что-же касается до убійць съ знаменной линіей на лбу, поводомъ къ преступленіямъ которыхъ были сынъ и мать, то они весьма многочисленны и слишкомъ извѣстны. Убійство митрополита заслуживаетъ строгаго наказанія; но я нахожу, что убійство кавалера де-ла-Барра еще ужаснѣе, такъ какъ было хладнокровно совершено людьми, которые должны были-бы имѣть здравый смыслъ и человѣколюбіе.

Благодарю природу, что эпидемическая болѣзнь въ Москвѣ не чума. Это слово ужасаетъ наши южныя страны. Всякій рассказываетъ страшныя сказки. Печатная ложь, ежедневно распространяемая о вашей имперіи, наглядно показываетъ, какъ прежде писали исторію. Если царь египетскій терялъ двѣнадцать лошадей, то говорилъ, что ангель-истребитель убилъ всѣхъ четвероногихъ той страны.

Великій фельдцейхмейстеръ Орловъ ангель-утѣшитель, онъ сдѣлалъ геройскій подвигъ. Я понимаю, что онъ долженъ былъ сильно взволновать ваше сердце, разрываемое страхомъ и восхищеніемъ; но васъ это не должно такъ удивлять, какъ другихъ: великіе подвиги вполнѣ вамъ понятны. Благодарю Ваше Императорское Величество за все, что оно удостоиваетъ мнѣ сообщить объ южной Сибири; оно мнѣ говоритъ болѣе въ шести строчкахъ, чѣмъ аббатъ Шапшъ въ цѣломъ томѣ. Если позволите, это войдетъ въ прибавленіе къ Вопросамъ, готовя-

щимся теперь на горѣ Крапакъ. Сознаюсь, что скелеты слоновъ, находимые въ сѣверной части Сибири, меня крайне удивляютъ. Я съ трудомъ вѣрю въ ископаемую слоновую кость, но также затрудняюсь признать, что настоящіе слоновыя зубы очутились закопанными на тридцать футовъ подъ льдами; я полагаю, что природа способна на все и весьма возможно (съ почтительнымъ объясненіемъ), что Адамъ евреевъ, извѣстный только имъ однимъ, жилъ весьма недавно; дѣйствительно, шесть тысячъ лѣтъ еще весьма не много.

Ваше Величество, столько разъ уже проявлявшее мнѣ свою доброту, намѣревается прислать мнѣ нѣсколько сибирскихъ произведеній. Я-бы осмѣлился васъ попросить нѣсколько зеренъ этихъ прекрасныхъ кедровъ, которымъ не трудно превзойти ливанскіе, потому-что тамъ ихъ почти нѣтъ; я ихъ посажу въ своемъ эрмитажѣ, гдѣ иногда бываетъ почти такъ же холодно, какъ въ Сибири. Я знаю, что я самъ не увижу ихъ роста, но за то увидить потомство и скажетъ: «Вотъ благодѣянія той, которая воздвигла храмъ Воспоминанія».

Фернэйскіе художники получили деньги, которыя Ваше Величество были такъ добры послать имъ. Они у вашихъ ногъ, какъ и я. Не помню, говорилъ-ли я вамъ о каминныхъ часахъ: если вамъ ихъ угодно, то получите немедленно. Вашему Величеству стоитъ только назначить цѣну; я отвѣчаю, что заказъ будетъ хорошо выполненъ и не дорого. Теперь, пожалуй, не время предлагать торговлю часами съ Китаемъ, но вы, по своей всеобъемлемости, дѣлаете все заразъ. Въ этомъ-то, по моему мнѣнію, и заключается настоящее величіе и настоящее могущество.

Женевцы устроили маленькую торговлю часами въ Кантонѣ; Ваше-же Величество могли-бы устроить нѣчто подобное въ мѣстѣ торговли русскихъ съ китайцами. Довѣренный человѣкъ могъ-бы посылать изъ Петербурга въ Фернэ приказанія, съ которыми-бы сообразовались; но я опасаясь, чтобы съ этимъ планомъ не случилось того, что съ предложеніемъ колесницъ Кира: вы отлично побили турокъ безъ содѣй-

ствія этихъ прекрасныхъ, новомодныхъ военныхъ колесницъ.

Я весьма доволенъ, что графъ Алексѣй Орловъ взялъ у нихъ Негропонгъ, безъ всякой колесницы: вамъ надо только однѣ триумфальныя. Я становлюсь далеко позади ихъ и кричу *Io trionfo* голосомъ весьма слабымъ и разбитымъ, но выходящимъ изъ сердца, проникнутаго вѣсмъ, что Ваше Величество можетъ внушать отшельнику и т. д., и т. д.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 18—29 ноября (1771).

Милостивый Государь, чтобы отправить ваше письмо господину Мустафѣ, фельдмаршалъ Румянцевъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ послалъ генераль-маіора Вейсмана за Дунай. Взорвавъ на воздухъ двѣ маленькія крѣпости, которыя загораживали ему дорогу, онъ пошелъ на Баладу, гдѣ стоялъ лагеремъ великій визирь, онъ взялъ и этотъ городъ, разбилъ войска визиря и захватилъ пушку, вылитую въ прошломъ году г. Тоттомъ, въ Константинополѣ; наконецъ, вѣжливо вошелъ въ лагерь визиря, чтобы увидѣть его и поговорить съ нимъ, но не нашель его тамъ его.

Наши легкія войска дошли до возвышенности Нѣшия, не встрѣтивъ никого. Тогда Вейсманъ, сочтя свое порученіе исполненнымъ, возвратился къ Ісакі, который и срылъ. Между тѣмъ, другой генераль-маіоръ взялъ крѣпости Мателину и Гирсова, а генераль лейтенантъ Эссенъ забавлялся пораженіемъ сорока тысячъ турокъ, подъ командою бывшаго визиря, Муссу-Углу, подвинувшася въ Валахію.

Послѣ пораженія Муссу, Джурджа была снова взята. Оба берега Дуная, отъ этого мѣста до Чернаго моря, очищены отъ турокъ, какъ голландскіе дома очищаются отъ пыли. Все это случилось съ 20-го по 27-го октября, стараго стиля.

Можете утѣшиться: вашъ дорогой Али-бей владѣеть Дамаскомъ. Но какой позоръ для вашихъ соотечественниковъ, для французскаго дворянства, полнаго чести, мужества и великодушія, очутиться среди польскихъ разбойниковъ, клянущихся передъ чудотворными иконами убить своего короля, такъ какъ они не умѣютъ сражаться съ нимъ! Если послѣ этого г. де-Виомениль и его товарищи не бросятъ подобныхъ людей, то что придется думать? У насъ въ настоящее время гостятъ братъ независимаго крымскаго хана, милостію Божію и силою русскаго оружія. Это молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, полный ума и желанія учиться.

Надо вамъ сказать, что московская болѣзнь, благодаря неутомимымъ трудамъ графа Орлова, уменьшилась вдесятеро. Его братья надѣлали переполоху въ Архипелагъ; они раздѣлили свой флотъ пополамъ: старшій сдѣлалъ нѣсколько высадокъ, начиная отъ мыса Матапана до Лемноса, отнялъ у врага магазины и строения и уничтожилъ все, что не могъ взять съ собою; меньшей сдѣлалъ тоже на берегахъ Азіи и Африки, но болѣзнь, весьма серьезная, заставила его воротиться въ Ливорно.

Если эти новости могутъ возвратитъ вамъ здоровье, то въ глазахъ моихъ они получаютъ еще большее значеніе, такъ какъ нельзя болѣе меня интересоваться всѣмъ, что до васъ касается.

Скажите, пожалуйста признано-ли изданіе Энциклопедіи, печатающееся въ Женевѣ, авторами перваго; новые издатели просили у меня замѣтокъ о Россіи, для помѣщенія въ немъ.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Феря, 3-го декабря (1771 г.).

Государыня, вотъ еще прекрасный подвигъ, сдѣланный конфедератами *). Я не сомнѣваюсь, что св. отецъ Равальякъ и св. отецъ Пуаньярдини были духовниками

*) 3-го ноября 1771 года.

этихъ господъ и что они снабдили ихъ хлѣбомъ сильныхъ, какъ то говорилъ св. отецъ Страда, говоря о блаженномъ Бальтазарѣ Жерарѣ, убійцѣ принца Оранскаго. По крайней мѣрѣ, вашъ несчастный московскій митрополитъ былъ убитъ пьяными нищими, бѣшеной чернью, которая никогда не руководится разсудкомъ и на которую надо надѣвать намордникъ, какъ на медвѣдей; но король польскій былъ преданъ, на него напали и его избili дворяне, говорящіе по латыни и клявшіеся ему повиноваться.

Говорятъ, что во владѣніяхъ Вашего Императорскаго Величества былъ напечатанъ отчетъ объ этомъ удивительномъ заговорѣ. Осмѣлюсь-ли попросить васъ удостоить меня присылкою одного экземпляра? Онъ могъ-бы мнѣ пригодиться въ свое время, предполагая, что я могу еще прожить нѣкоторое время. Какую, что имѣю слабость любить жизнь, хотя-бы для того, чтобы увидѣть изображеніе вашего храма Воспоминанія и вашу статую, воздвигнутую противъ статуи Петра Великаго.

Мы наводнены столькими новостями, что я не вѣрю ни одной. Молва—такая богиня, которая пріобрѣтаетъ здравый смыслъ только со временемъ; да и то не всегда его достигаетъ. Самая вѣрная исторія перемѣшана съ ложью, какъ золото въ рудникѣ испорчено посторонними металлами; но великіе подвиги, великіе памятники, остаются потомству. Слава освобождается изъ покрывающихъ ее отрешевъ и является, наконецъ, во всемъ своемъ величїи. Счастливъ писатель, который въ будущемъ столѣтїи будетъ писать жизнь Екатерины II-й!

Въ нашемъ сосѣдствѣ, въ Швейцарїи, есть графъ Орловъ съ своимъ семействомъ, между тѣмъ, какъ другіе вамъ служатъ на сушѣ и на морѣ. Г. Полянскій дѣлаетъ намъ честь, прїѣзжая иногда въ Фернз; онъ насъ восхищаетъ всѣхъ, рассказывая о великолѣпїи вашего двора, о вашей прївѣтливости, о вашемъ усидчивомъ трудѣ, о разнообразїи великихъ вещей, которыя вы дѣлаете, просто играя. Наконецъ, онъ приводилъ меня въ отчаяніе, что мнѣ уже около восьмидесяти лѣтъ и что

я не могу всего этого видѣть. Г. Полянскому чрезвычайно хочется видѣть Италію, гдѣ-бы онъ лучше научился служить Вашему Величеству, чѣмъ въ окрестностяхъ Швейцаріи и Женевы; онъ уже давно ждетъ вашихъ приказаній по этому поводу и вашихъ щедротъ. Это очень хорошій умъ и очень хорошій человѣкъ, сердце котораго, дѣйствительно, предано Вашему Величеству.

Вотъ мы въ такомъ времени года, когда нѣтъ возможности брать новыя провинціи у моего дорогаго друга Мустафы. Мнѣ это крайне прискорбно, но прошу его подождать до весны.

Возобновляю свои желанія постояннаго благосостоянія вашихъ войскъ, а вамъ здоровья, славы, удовольствій. Приникаю къ стопамъ вашего Императорскаго Величества съ самой чувствительной благодарностью и глубочайшимъ почтеніемъ.

Старый фернейскій больнои.

Екатерина Вольтеру.

3—14-го декабря, (1771 г.)

Милостивый Государь, я только, что получила ваше письмо отъ 18-го ноября. Благодаря распоряженіямъ графа Орлова, въ Москвѣ 28-го числа этого мѣсяца умерло всего два человѣка отъ заразы, которой такъ бояться ваши южныя страны, и совершенно справедливо. Но больные еще есть; доктора увѣряютъ, что двѣ трети ихъ будутъ здоровы. Но что весьма странно, такъ это то, что не заболѣвалъ никто изъ людей знатныхъ и что умерло болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Въ анатомированныхъ трупахъ нашли, что вся кровь прилиwała къ сердцу и легкимъ; что ни одной капли ея не было въ венахъ, что всѣ лекарства были смертельны, кромѣ вызывавшихъ потъ.

Я вамъ скоро пришлю орѣховъ сибирскаго кедра; я велѣла написать губернатору, чтобы онъ выслалъ самыхъ свѣжихъ. Вы ихъ получите къ веснѣ.

Вольтеръ.

11

Сказки аббата Шаппа не заслуживаютъ никакого до-
вѣрія. Я его никогда не видала, а между тѣмъ онъ раз-
сказываетъ въ своей книгѣ, какъ говорить, что измѣрялъ
огарки свѣчь въ моей комнатѣ, гдѣ никогда не бывала
его нога. Это фактъ.

Ваше письмо успокоиваетъ меня относительно денегъ
за часы, такъ какъ они, наконецъ, дошли. Что-же ка-
сается до торговли часами съ Китаемъ, то я полагаю,
что не невозможно устроить ее, обратившись къ одной изъ
здѣшнихъ конторъ, которая найдетъ случай доставить
ихъ на Китайскую границу, такъ какъ, что бы ни гово-
рили дѣвоторые писатели, но казна больше ею не зани-
мается.

Картины, купенныя мною въ Голландіи изъ коллек-
ціи Браамкампа, погибли на берегахъ Финляндіи. При-
дется обойтись безъ нихъ. Въ этомъ году у меня были
все неудачи; въ подобныхъ случаяхъ ничего болѣе не
остается, какъ утѣшиться.

Я уже сообщила вамъ новости, полученныя мною отъ
моего сухопутнаго войска и флота; мнѣ остается только
въ эту минуту возобновить вамъ увѣреніе во всѣхъ чув-
ствахъ, которыя вы знаете.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Ферз, 16-го декабря 1771 г.

Государыня, я надѣждаю Вашему Императорскому Ве-
личеству своими поздравленіями и рукописканіями:
но никогда я съ ними не кончу. Не успѣли взять од-
ного города, какъ сдается другой. Едва турки были
разбиты на лѣвомъ берегу Дуная, какъ они уже пораже-
ны на правомъ; если у нихъ берутъ сто пушекъ въ
Джуржѣ, то отнимаютъ сто пятьдесятъ другихъ въ
сраженіи. Вотъ, по крайней мѣрѣ, что мнѣ говорятъ и
что наполняетъ меня радостью.

Больше всего я надѣюсь на то, что покушеніе кон-
федератовъ будетъ для васъ новымъ поводомъ славы.

Позволить-ли Ваше Величество прибавить къ этому письму просьбу моихъ колонистовъ? Вы помните, что нашли въ ихъ ящикахъ болѣе часовъ, чѣмъ было означено на фактурахъ. Художники, забывшіе свои фактуры, не получили платы и теперь они бросаются къ ногамъ вашимъ: это все люди, состояніе которыхъ, заключается только въ ихъ пальцахъ. Всего на всего, я полагаю, надо прибавить двѣсти сорокъ семь рублей.

Одинъ изъ моихъ художниковъ дѣлаетъ часы для колецъ, съ репетиціями, секундами, четвертями и получетвертями и съ боемъ. Это весьма странное чудо, но эти трудныя бездѣлки не достойны героини, мстящей дерзкимъ туркамъ за Европу, несмотря на сопротивление одной ея части.

Король Прусскій позабылся составленіемъ поэмы на конфедератовъ *). Полагаю, что г. аббатъ Оливы **) заплатить за напечатаніе ея.

Прошу Ваше Императорское Величество удостоить принять глубочайшее почтеніе, привязанность, восхищеніе, благодарность стараго Фернейскаго больнаго.

Фернэ, 1-го января 1772 г.

Государыня, я желаю Вашему Императорскому Величеству на 1772 г. не увеличенія славы, такъ какъ уже нѣтъ средствъ ее увеличить, но увеличенія щелчковъ на носу Мустафы и его визирей, нѣсколько новыхъ побѣдъ, вашу главную квартиру въ Адрианополѣ и мира.

Письмо Вашего Императорскаго Величества, отъ 18-го ноября стараго стilia, можетъ меня заставить прожить, по крайней мѣрѣ, этотъ высокосный годъ. Если-бы вы переняли римскую моду, то ваши письма были-бы наполнены лаврами. Я желалъ-бы, чтобы братъ новаго

*) La Pologniade.

**) Олива былъ монастырь Прусской Польши.

Theas de Tauride отправился путешествовать въ наши-
 страны и чтобы я могъ понимать его. Я бы съ наслаж-
 деніемъ показалъ нашимъ кельтамъ, что есть острый умъ
 въ странѣ, гдѣ Ифигенія, въ качествѣ жрицы, душила
 всѣхъ иностранцевъ въ честь деревянной статуи, во всемъ
 сходной съ Ченстоховской богородицей.

Я еще не знаю, настоящая-ли чума была въ Москвѣ,
 но знаю, что она въ нашемъ сосѣдствѣ. По слухамъ,
 она отправила къ Богу пятьсотъ пятьдесятъ человекъ въ
 Кремонѣ, въ одинъ день. Продлись она недѣлю, и въ
 этомъ городѣ не останется никого. Полагаютъ, что она
 была занесена съ Синягальской ярмарки, города, при-
 надлежащаго моему св. отцу папѣ, на берегу Адриати-
 ческаго моря. Папы, не будучи въ состояніи лишать
 престола князей, посылаютъ имъ этотъ бичъ, чтобы за-
 ставить ихъ покаяться. Но, такъ какъ чума явилась
 по сосѣдству съ Лоретской Божьей Матерью, то она
 можетъ попасть и въ Римъ. Печально, если великій
 инквизиторъ и святая коллегія получаютъ чумные прыщи.

Дѣло въ томъ, что Женева, моя сосѣдка, трепещетъ
 всѣмъ сердцемъ, такъ какъ у нея больше торговли съ
 Кремоной, чѣмъ съ Римомъ; но навѣрное, процессіи ка-
 толиковъ очистятъ воздухъ прежде, чѣмъ чума дойдетъ
 до Фернэ, находящагося въ самомъ пеклѣ еретиковъ.

Другаго рода чума у польскихъ конфедератовъ; я
 надѣюсь, что Ваше Императорское Величество ихъ вы-
 лѣчитъ отъ заразной болѣзни. Наши кельтскіе ры-
 цари, понесшіе свой безпокойный духъ и свое любопытство
 къ сарматамъ, должны умереть съ голоду, если не ум-
 рутъ отъ чумы. Вотъ-то забавный крестовый походъ.
 Онъ не выставитъ въ выгодномъ свѣтѣ осторожность и
 любовь моихъ соотечественниковъ.

Ваше Величество спрашиваете, признаютъ-ли авторы
 Энц и клопеди женевское изданіе: они его терпятъ, но
 не распоряжаются имъ. Оно должно-бы дѣлаться въ Парижѣ;
 но наша инквизиція его запретила. Парижскіе книгопро-
 давцы соединились съ женевскими для этого труда, кото-
 рый кончится не раньше, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Они

его хозяева и даютъ работать авторамъ, постольку-то за листъ, какъ я даю работу въ моемъ саду поденщикамъ, по стольку-то за сажень. Они писали князю Голицыну въ Гагу и просили его протекціи для получки прибавленій; они правы: статьи о Россіи придадутъ блескъ ихъ изданію, несмотря на пушки, вылитыя г. Тоттомъ. Впрочемъ, г. Тоттъ человѣкъ очень умный; жаль, что онъ взялъ сторону Мустафы.

Мнѣ очень жаль, что Али-бей, князь Гераклій, князь Александръ не знаютъ праздниковъ на нашихъ городскихъ валахъ, нашихъ превосходныхъ комическихъ оперъ, нашъ усовершенствованный *fax-hall* и что они не умѣютъ хорошо танцевать менуэта.

Приникаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества на 1772 г., первый день котораго надѣюсь увидѣть, такъ какъ онъ начинается сегодня, а никто не увѣренъ во второмъ.

Вашъ поклонникъ и вашъ весьма смиренный и весьма страстный слуга.

Старый фернейскій больноі.

Чума въ Кремонѣ прекратилась; говорятъ, что тамъ небыло ничего особеннаго; быть можетъ, завтра она откроется снова.

Фернэ, 14-го января (1772 г.)

Государыня! Какъ ваша душа, раздѣленная между Крымомъ, Молдавіей, Валахіей, Польшей, Болгаріей, занятая сѣченіемъ суроваго Мустафы и приказаніемъ занять дюжину острововъ Архипелага вашимъ аргонавтамъ, удостоиваетъ снисходить до безпокойства, получили-ли мои часовщики деньги за свои чаеы? Вы точно Тамерланъ, который въ день Ансирской битвы не могъ заснуть, пока не поужиналъ его карликъ.

Я уже сообщалъ, однако, Вашему Императорскому Величеству, что имъ всѣмъ было очень хорошо заплачено, кромѣ трехъ или четырехъ бѣдняковъ, фактуры

которыхъ были забыты. Я писалъ это въ ноябрѣ. Надѣюсь, что мое письмо не было перехвачено Пулавскимъ *). Во всякомъ случаѣ, онъ-бы увидѣлъ, что императрица, входящая въ самыя мелкія подробности, какъ и въ самыя большія, заслуживаетъ нѣкотораго почтенія и уваженія.

Помнится, что въ одномъ изъ своихъ писемъ, я вамъ предлагалъ даже торговлю часами съ императоромъ китайскимъ, что было-бы гораздо приличнѣе торговли стихами, какимъ-бы великимъ поэтомъ онъ не былъ.

Король прусскій, написавшій поэму на конфедератовъ и пишущій стихи, конечно, лучше всѣхъ китайцевъ, взятыхъ вмѣстѣ, можетъ послать ему свои писанія; но я пошлю ему только часы.

Признаюсь даже, что, несмотря на войну, моя деревня послала часы въ Константинополь; и такъ, я очутился въ перепискѣ съ бьющими и съ битыми.

Не знаю, купилъ-ли Мустафа наши часы; но знаю, что съ вами онъ не нашелъ ни одного благопріятнаго часа и что вы заставляете его переживать весьма непріятныя минуты. Говорятъ, что онъ повѣсилъ греческаго епископа, взявшаго вашу сторону. Рекомендую вамъ муфтія при первомъ-же случаѣ.

Позвольте мнѣ замѣтить Вашему Величеству, что вы непостижимы. Едва только Балтійское море поглотило на шестьдесятъ тысячъ картинъ, какъ вы ихъ выписываете изъ Голландіи, изъ Франціи еще на четыреста пятьдесятъ тысячъ ливровъ. Вы еще покупаете тысячи рѣдкостей въ Итали. Но, по совѣсти, откуда берете вы всѣ эти деньги? Не отняли вы уже сокровища Мустафы такъ, что это не попало въ газеты? Наши французы пользуются полнымъ миромъ, а у насъ нѣтъ ни копѣйки. Боже избави насъ отъ войны! Уже четыре года, какъ рекомендуютъ нашему милосердію французскихъ солдатъ и офицеровъ, взятыхъ войсками императора мароккесскаго. Годъ тому назадъ, королевскій фрегатъ, стоявшій на

*) Полякъ, главный зачинщикъ покушенія на польскаго короля.

Женевскомъ озерѣ, въ четырехъ шагахъ отъ моей деревни, былъ задержанъ за долги въ одномъ изъ савойскихъ портовъ: я спасъ честь нашего флота, выкупивъ его; министерство мнѣ не заплатило. Такъ какъ вы обладаете храбростью Томирисы, то я долженъ заподозрить, что у васъ хранятся сокровища Креза, предполагая, однако, что Крезъ былъ такъ богатъ, какъ говорятъ, потому что я никогда не довѣряю преувеличеніямъ древности, начиная съ Соломона, имѣвшаго около шести милліардовъ рублей и не имѣвшаго у себя рабочихъ для постройки своего деревяннаго храма.

Я не сейчасъ отвѣчалъ на два послѣднихъ письма, которыми Ваше Величество меня удостоили потому, что окружающіе меня снѣга, убиваютъ меня. Вотъ почему я-бы желалъ поселиться гдѣ-нибудь на южномъ берегу Фракійскаго Босфора, но вы еще не захотѣли дойти до этихъ мѣстъ, что мнѣ чрезвычайно непріятно.

Приникаю къ вашимъ стопамъ; позвольте мнѣ ихъ поцѣловать съ полнымъ смиреніемъ и также ваши руки, которыя, какъ говорятъ, у васъ самыя красивыя къ свѣтѣ. Мустафѣ-то слѣдовало-бы придти ихъ поцѣловать съ такимъ-же смиреніемъ, какъ цѣлую я.

Старый фернейскій больной.

Екатерина Вольтеру.

30-го января—10-го февраля, (1772).

Милостивый государь, вы у меня просите печатный экземпляръ покушенія св. отцовъ кинжальщиковъ конфедератовъ изъ любви къ Богу; но отчетъ объ этой отвратительной сценѣ совсѣмъ не былъ вѣдѣсь напечатанъ. Я приказала вручить г. Полянскому, вашему протеже, деньги на его путешествіе въ Италію; надѣюсь, что онъ ихъ уже получилъ, также какъ ваши колонисты, которымъ я велѣла послать двѣсти сорокъ семь рублей, которыхъ недоставало при прежнемъ разчетѣ.

Въ одномъ изъ вашихъ писемъ вы мнѣ желаете, между другими прекрасными вещами, внушаемыми вамъ вашей дружбой, увеличенія удовольствій; я хочу съ вами поговорить о родѣ удовольствія весьма для меня интереснаго и насчетъ котораго я хочу просить вашего совѣта.

Вы, конечно, знаете, такъ какъ ничто отъ васъ не ускользаетъ, что пятьсотъ молодыхъ дѣвицъ воспитываются въ домѣ, предназначавшемся тремъ стамъ христовымъ невѣстамъ. Я должна сознаться, что эти дѣвицы превосходятъ наши ожиданія: онѣ дѣлаютъ удивительные успѣхи и всѣ того мнѣнія, что онѣ становятся также любезны, какъ полны знаній, полезныхъ для общества. Онѣ всѣ безукоризненной нравственности, хотя и не имѣютъ щепетильной строгости монахинь. Вотъ уже двѣ зимы, какъ ихъ начали заставлять разыгрывать трагедіи и комедіи; онѣ исполняютъ ихъ лучше, чѣмъ занимающіеся здѣсь этимъ по профессіи: но сознаю, что есть весьма мало пьесъ, подходящихъ къ нимъ, такъ какъ ихъ начальство хочетъ избѣгать всего, что можетъ слишкомъ рано возбуждать ихъ страсти. Говорятъ, что въ большинствѣ французскихъ пьесъ слишкомъ много любви и даже самыя лучшіе авторы часто стѣснены этимъ національнымъ вкусомъ или характеромъ. Нарочно сочинять для нихъ невозможно, подобный трудъ не дѣлается по заказу: это плодъ гения. Пьесы плохія и пошлыя, испортили-бы ихъ вкусъ. Что дѣлать? я не знаю и обращаюсь къ вамъ. Выбирать-ли только отдѣльныя сцены? но, по моему мнѣнію, это гораздо менѣе интересно, чѣмъ цѣлыя пьесы.

Никто лучше васъ не можетъ судить объ этомъ: помогите мнѣ вашимъ совѣтомъ.

Я уже намѣревалась кончить это письмо, какъ получила ваше отъ 14-го января. Съ прискорбіемъ вижу, что не отвѣчала на четыре вашихъ письма; это послѣднее написано съ такой живостью и жаромъ, что кажется, будто вы молодѣете съ каждымъ годомъ. Желаю, чтобы ваше здоровье поправилось въ теченіе этого.

Многіе изъ нашихъ офицеровъ, которыхъ вы, по лю-

безности вашей, принимали въ Фернэ, вернулись въ восторгъ и отъ васъ, и отъ вашего приема. Дѣйствительно, вы мнѣ даете весьма чувствительныя доказательства вашей дружбы; вы распространяете ее даже на нашу молодежь, жаждущую васъ видѣть и васъ услышать: боюсь, чтобы они не злоупотребляли вашей любезностью. Вы, пожалуй, скажете, что я не знаю, чего хочу и что говорю, и что графъ Федоръ Орловъ былъ въ Женевѣ, не захавъ въ Фернэ, но я немало бранила графа Федора за то, что онъ не съѣздилъ къ вамъ, вмѣсто того, чтобы провести четырнадцать часовъ въ Женевѣ: и, если говорить откровенно, то его задержалъ ложный стыдъ. Ему кажется, что онъ недостаточно легко объясняется по французски. На это я ему отвѣчала, что одному изъ главныхъ двигателей Чесменской битвы было вполнѣ позволительно не знать хорошо французской грамматики и что участіе г. де-Вольтера ко всему, что касается Россіи, и его дружба ко мнѣ заставляютъ меня предполагать, что; быть можетъ, онъ-бы не прочь былъ (хотя онъ и не любить рѣзни) услышать подробности взятія Мореи и двухъ памятныхъ дней 24-го и 26-го іюня 1770 г. отъ самого генерала, столько-же любезнаго, сколько и храбраго; и что онъ-бы простилъ ему не совсѣмъ точное объясненіе на иностранномъ языкѣ, который многіе изъ туземцевъ начинаютъ забывать, если судить по пошлымъ и дурно написаннымъ сочиненіямъ, которыя печатаются ежедневно.

Вы удивляетесь моимъ покупкамъ картинъ: мнѣ-бы слѣдовало, пожалуй, покупать меньше, но потерянные случаи болѣе не находятся. Къ тому-же, мои доходы совершенно отдѣльны отъ доходовъ государства, а съ умнѣемъ можно сдѣлать весьма многое. Говорю по опыту.

Вижу, что мое письмо становится слишкомъ длиннымъ. Кончаю, прося васъ сохранить мнѣ свою дружбу и быть увѣреннымъ, что если не будетъ мира, то я сдѣлаю все возможное, чтобы доставить вамъ удовольствіе видѣть Муэтафу еще болѣе отдѣланнымъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ. Надѣюсь, что всѣ хорошіе люди будутъ радоваться вмѣстѣ съ нами и что тѣ, которые такъ или иначе недо-

вольны этимъ, образуются доказательствами, столь-же убѣдительными, какъ дважды два четыре.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фервз, 12-го февраля (1772 г.)

Государыня, боюсь, чтобы Вашему Величеству не надоѣли письма стараго швейцарскаго болтуна, ни на что для васъ непригоднаго, который чувствуетъ къ вамъ безполезный пылъ, отъ всего сердца ненавидитъ Мустафу, совсѣмъ не любитъ польскихъ конфедератовъ и только и дѣлаетъ, что въ своей пустыньѣ кричитъ форелямъ Жевнскаго озера: «Будемъ воспѣвать Екатерину II».

Мнѣ попало въ руки небольшое стихотвореніе молодаго курляндца, пріѣхавшаго въ мой эрмитажъ и котораго я очень люблю, потому, что онъ одного со мной мнѣнія. Онъ сказалъ мнѣ, что не осмѣливается поднести къ ногамъ вашимъ подобную бездѣлицу; но, такъ какъ я имѣю смѣлость надоѣдать вамъ иногда своею прозой, то мнѣ ничего не стоитъ надоѣсть Вашему Императорскому Величеству и стихами.

Такимъ образомъ я уступаю желанію этого добраго курляндца заставить васъ зѣвать; вы получите его оду среди ста пакетовъ изъ Валахіи, съ острововъ Архпелага, изъ Архангельска и Италіи; но стихи могутъ читаться только, когда нечего дѣлать; а я не думаю, чтобы это могло случиться съ Вашимъ Величествомъ.

Но вѣдь, и то сказать—вамъ нечего удивляться, что курляндецъ сочиняетъ стихи, если король Прусскій и императоръ Китайскій дѣлаютъ тоже ежедневно. Правда, что стихи императора Китайскаго написаны не на конфедератовъ, а король Прусскій и мой курляндецъ обращаются къ конфедератамъ.

Впрочемъ, наши вѣстовщики говорятъ, что на помощь героямъ не подвигается ни Готфридъ Бульонскій, ни Рено, ни Танкредъ, и что никто не хочетъ получить полнаго отпущенія грѣховъ за взятіе Іерусалима, а вы

забавляетесь переговорами о перемирии съ этимъ гадкими турками. Все, чтобы вы ни сдѣлали, будетъ хорошо, но я желалъ-бы, чтобы они всѣ очутились на днѣ Эгейскаго моря.

Я вамъ не говорю о другихъ розказняхъ; онѣ-бы мнѣ сильно не понравились, если-бы оказались вѣрными, но я не вѣрю этой болтунѣ, называемой Молвой, я вѣрю только Славѣ; она всегда подлѣ васъ: она знаетъ въ чемъ дѣло, строить храмъ Воспоминанія въ Петербургѣ, и я возсылаю ему онѣмъ изъ моей хижини.

Приникаю къ ногамъ богини, совидательницы храма съ благодарностью, глубокимъ почтеніемъ и съ сердечной привязанностью.

Фернэ, 6-го марта (1772 г.)

Государыня, я чуть не освободилъ Ваше Императорское Величество отъ тоски получать мои бесполезныя письма: между тѣмъ, какъ король Прусскій кончалъ свою поэму на конфедератовъ, а одинъ изъ нашихъ французовъ *) входилъ, какъ говорятъ, сквозь дыру, какъ барсукъ, въ Краковъ, Мустафа продолжалъ быть битымъ, а Копенгагенское **) происшествіе поражало всю Европу, я тихонько умираю въ своемъ аримтажѣ и собирался представиться Петру Великому, приготовившему всѣ чудеса,

*) Шуази.

**) Дѣло королевы Каролины-Матильды и Струензе. Иоганъ-Фридрихъ, графъ Струензе, родившійся въ 1737 г., докторъ, потомъ первый министръ короля Христіана VII и его любимецъ, былъ обвиненъ въ прелюбодѣяннн съ королевой Каролиной-Матильдой и во взяточничествѣ. Арестованный 17 января 1772 г. точно также, какъ и королева, онъ былъ приговоренъ къ обезглавленію 25 апрѣля. Приговоръ, утвержденный королемъ Христіаномъ 27 былъ приведенъ въ исполненіе на другой день. Каролина-Матильда сестра Георга III, короля Англійскаго, 6 апрѣля была объявлена виновной въ прелюбодѣяннн; продержанная нѣкоторое время подъ арестомъ, она была, наконецъ, отослана въ Ганноверъ и умерла въ Целлѣ, 11 мая 1776 г.

которыя вы дѣлаете, и не подозрѣвавшему, что вы пойдете такъ далеко.

Позвольте-же мнѣ, возвратившему свое слабое здоровье на весьма короткое время, положить къ ногамъ вашимъ свое почтеніе и свои горести. Эти горести заключаются въ томъ, что мои соотечественники рѣшаются идти къ сарматамъ, чтобы воевать съ королемъ, законно избраннымъ, добродѣтельнымъ, мудрымъ и добрымъ, съ которымъ у нихъ не могло быть никакихъ дѣлъ и который ихъ даже совсѣмъ не знаетъ. Это мнѣ кажется верхомъ глупости, нелѣпости и несправедливости.

Другое мое горе, что греки не достойны свободы, которую они получили-бы еслибъ рѣшились вамъ помочь. Я не хочу болѣе читать ни Софокла, ни Гомера, ни Демосоена. Я бы даже возненавидѣлъ греческую религію, еслибы Ваше Величество не были главою этой церкви.

Я вижу, что вы не придерживаетесь иконоборства, такъ какъ покупаете столько картинъ, между тѣмъ, какъ у Мустафы нѣтъ ни одной. Есть на свѣтѣ одинъ портретъ, который я предпочитаю всѣмъ коллекціямъ картинъ, которыми вы украшаете вашъ дворецъ, я его положилъ себѣ на грудь, когда думалъ, что умираю и полагаю, что это лѣкарство мнѣ придало немного жизни. Я употребляю ее на гореванье о Польшѣ, на желаніе всего лучшаго Али-бею, на брань Мустафы, на желанье вамъ всякаго благополучія, всевозможныхъ удовольствій и всѣхъ лавровъ, коллекція которыхъ у васъ болѣе обширная, чѣмъ коллекція картинъ.

Пусть Ваше Императорское Величество удостоить принять съ своей всегдашней добротой глубокое почтеніе, привязанность и болтовню юрскаго отшельника.

Сейчасъ узнаю, что мои фернейскіе часовщики осмѣлились написать Вашему Величеству. Не сомнѣваюсь, что вы простите ихъ рѣшимость поблагодарить васъ.

Фервь, 12-го марта, (1772 г.).

Государыня, письмо Вашего Императорскаго Величества отъ 30 января стараго стилиа, хорошо или дурно помѣченное, повидимому также меня воостановило, какъ ваши письма къ вашимъ боевымъ генераламъ должны ослаблять Мустафу.

Дѣло о вашихъ пятистахъ дѣвицахъ интересуеть меня чрезвычайно. Въ нашемъ Сень-Сирѣ нѣтъ и двухъ сотъ пятидесяти. Не знаю, заставляете-ли вы ихъ играть трагедій; все, что я знаю, это то, что декламация, какъ трагическая, такъ и комическая мнѣ кажется превосходнымъ образовательнымъ средствомъ, придающимъ грацію уму и фигурѣ, формирующимъ голосъ, манеру, и вкусъ. Запоминаются сотни мѣстъ, которыя потомъ при случаѣ приводятся, что придаетъ большое оживленія обществу.

Правда, что всѣ наши пьесы вертятся на любви: это страсть, которую я глубоко уважаю; но согласенъ съ Вашимъ Величествомъ, что не должно развивать ее слишкомъ рано. Мнѣ кажется, что можно-бы было вычеркнуть изъ нѣкоторыхъ избранныхъ комедій мѣста, самыя опасныя для молодыхъ сердецъ, сохраняя весь комизмъ пьесы; въ Мизантропѣ пришлось бы измѣнить стиховъ двадцать, и не болѣе сорока въ Скупомъ.

Если эти дѣвицы играютъ трагедіи, то одинъ изъ моихъ молодыхъ друзей недавно написалъ такую, въ которой нельзя сказать, чтобы любовь играла какую-нибудь роль *); тамъ идетъ дѣло о чемъ-то въ родѣ двухъ татаръ, считающихъ себя скорѣе супругами, чѣмъ любовниками; я приплюю ее Вашему Величеству, какъ только она будетъ напечатана. Если вы полагаете, что можно образовать театръ изъ нашихъ лучшихъ авторовъ для вашего Сень-Сира, то я приплюю изъ Парижа трагедій и комедій въ рукописяхъ; я велю оставить въ нихъ

*) Les lois de Minos.

бѣлыя страницы, на которыхъ напишу измѣненія, необходимыя для охраненія добродѣтели вашихъ прекрасныхъ дѣвицъ. Эта малепькая работа будетъ чистой забавой для меня и не повредитъ моему здоровью, какъ оно ни слабо. Къ тому же, меня будетъ поддерживать мысль дѣлать что-нибудь, что можетъ вамъ понравиться.

Полагаю, что вашъ батальонъ изъ пятисотъ дѣвицъ — батальонъ амазонокъ, но не полагаю, чтобъ онѣ прогоняли мужчинъ; разыгрывая театральныя пьесы, непременно придется, по крайней мѣрѣ, половинѣ изъ нихъ изображать гераевъ; но какъ стануть онѣ изображать стариковъ въ комедіяхъ? Однимъ словомъ, я жду инструкцій и приказаній Вашего Величества.

Сомнѣваюсь, чтобы Мустафа давалъ такое хорошее воспитаніе дочерямъ своего края. Къ тому-же, я его считаю въ комедіи весьма мало забавнымъ, а въ трагедіи — мало похожимъ на Ахилла.

Чѣмъ я восхищаюсь, государыня, такъ это тѣмъ, что васъ хватаетъ на все; вы дѣлаете вашъ дворъ самымъ пріятнымъ въ Европѣ, въ то самое время, какъ ваши войска самыя страшныя. Эта смѣсь величія и граціи, побѣдъ и праздниковъ кажется мнѣ очаровательной. Все мое горе въ томъ, что я въ такихъ лѣтахъ, что не могу быть свидѣтелемъ вашего торжества, столь разнороднаго, и принужденъ только вѣрить голосу Европы.

У меня есть еще другое горе: мои соотечественники въ Краковѣ, вмѣсто того, чтобы быть въ Парижѣ. Не могу сказать, чтобы я желалъ, чтобы они были вамъ представлены, вмѣстѣ съ великимъ визиремъ, кѣмъ нибудь изъ вашихъ офицеровъ: это было-бы не любезно, а говорить, что надо быть хорошимъ гражданиномъ. Жду развязки этого дѣла, а также и пьесы, разыгрывающейся теперь въ Даніи.

Старый больной преклоняется передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и привязанностью, которую онъ сохранить до послѣдней минуты.

Екатерина Вольтеру.

19-го—30 марта, (1772 г.)

Милостивый государь, я получила, одно за другимъ, два вашихъ письма отъ 12-го февраля и 6-го марта. Я не могла отвѣчать на нихъ ранѣе потому, что по недовности своей поранила правую руку и это мѣшало мнѣ взяться за перо въ теченіи нѣсколькихъ недѣль; съ трудомъ я подписывала только бумаги.

Последнее ваше письмо опечалило меня глубоко состояніемъ вашего здоровья; я питаю надежду, что настоящее найдетъ васъ поправившимся.

Ода г, Дастека вовсе не похожа на произведеніе большаго человѣка. Еслибъ люди были только въ состояніи поумнѣть, вы сдѣлали-бы ихъ давно толковыми. О! какъ я люблю ваши сочиненія! по мнѣ—лучшаго ничего нѣтъ на свѣтѣ. Если-бы эти сумасброды, конфедераты, были существами, доступными дѣйствию разума, вы ихъ убѣдили-бы, и вы возвратили бы ихъ къ разсудку; но зато, я знаю средство, которое ихъ исцѣлитъ навѣрное. Есть у меня также лекарство и для тѣхъ праздношатающихся шлопаевъ, бѣгущихъ изъ Парижа, чтобы служить наставниками и руководителями этихъ разбойниковъ. Это лекарство—происхожденія Сибирскаго, съ нимъ они познакомятся на мѣстѣ. Его цѣлебныя свойства—дѣйствительны и чужды всякаго шарлатанства.

Намъ остается взять теперь только Византію, если война продолжится, и, сказать по правдѣ, я начинаю думать, что это даже вовсе не такъ трудно; но лучше быть благоразумнѣе и повторить за одно съ тѣми, кто таковъ—что, во всякомъ случаѣ, миръ предпочтительнѣе наилучшей въ свѣтѣ войны. Всѣ это въ зависимости отъ синьора Мустафы. Я одинаково готова, какъ къ тому, такъ и къ другому: и что-бы вамъ ни говорили о томъ, что Россія истомлена войной, не вѣрьте этому нисколько. Россія и не думала еще касаться тысячи тѣхъ ресурсовъ,

которые въ конецъ уже истощены другими государствами, находящимися на мирномъ положеніи. Вотъ уже три года какъ не налагалось никакихъ новыхъ податей: не потому что-бы это было не осуществимо, но потому, что у насъ достаточно всего, что нужно.

Я знаю, что парижскія стихоплеты разнесли по свѣту, что, будто-бы, я набираю въ солдаты уже восьмого чело-вѣка: это грубая ложь, лишенная всякаго смысла. По всему видимому, у васъ среди публики есть не мало склонныхъ обманывать себя; не слѣдуетъ лишать ихъ этого удовольствія, ибо все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ существующихъ міровъ, какъ увѣряетъ докторъ Панглоссъ.

Образъ дѣйствія г. Троншена по отношенію ко мнѣ самый любезный въ свѣтѣ. Я, подобно Императрицѣ Теодорѣ *), люблю образа, но только необходимо для этого чтобъ они были хорошо писаны. Она прикладывалась къ нимъ, я же этого не дѣлаю.

Письмо вашихъ часовщиковъ я получила. Посылаю вамъ эти орѣшки; они заключаютъ въ себѣ сѣмѣна деревь называемыхъ сибирскими кедрами. Вы можете ихъ посадить прямо въ землю; они вовсе не деликатны. Если вамъ потребуется болѣе, чѣмъ ихъ находится въ прилагаемомъ пакетѣ, я вамъ вышлю еще.

Примите мою благодарность за всѣ ваши дружескія чувства ко мнѣ и будьте увѣрены въ моемъ полномъ къ вамъ уваженіи.

Екатерина.

23-го марта—3-го апрѣля. (1772)

Милостивый государь, письмо ваше отъ 12-го марта доставило мнѣ пребольшое удовольствіе. Для нашего общества не можетъ быть ничего болѣе пріятнаго, какъ предложеніе, которое вы мнѣ дѣлаете. Барышни наши играютъ и комедію, и трагедію: въ прошломъ году онѣ

*) Императрица Теодора, уничтожавшая иконоборцевъ.

разыграли. За иру, а во время карнавала онѣ поставили на сцену русскую трагедію Земаира, одну изъ лучшихъ, сочиненныхъ Сумароковымъ, и о которомъ вы уже слышали. Ахъ! какъ вы безконечно обяжете меня, если возьмете на себя любезный трудъ сдѣлать для этихъ прилежныхъ дѣтей то, что вамъ угодно называть ничтожною заботой, но что для всякаго другаго будетъ дѣломъ столическихъ усилій. Вы дадите мнѣ этимъ еще новое свидѣтельство вашей нѣжной дружбы ко мнѣ, которую я такъ глубоко уважаю. Сверхъ всего этого, я должна вамъ сказать, что барышни эти дѣйствительно прилежны, и всѣ, кто ихъ только ни видѣлъ, того-же мнѣнія. Есть между ними четырнадцатилѣтнія и пятнадцатилѣтнія. Онѣ, навѣрное, снискали-бы ваше одобреніе, я въ этомъ убѣждена, если-бъ вы ихъ увидѣли. Неоднократно меня искушала мысль послать вамъ нѣкоторыя изъ ихъ писемъ, которыя я получаю, отъ нихъ и которыя навѣрное сочинены ими самими, а не ихъ учителями, такъ какъ они слишкомъ ужъ натуральны и написаны по дѣтски. Въ каждой написанной строкѣ проглядываютъ невинность, прелесть и веселость ихъ дѣтскаго ума.

Я не знаю, выйдутъ-ли изъ этого баталіона дѣвушекъ, какъ вы ихъ называете, амазонки, но мы также весьма далеки отъ того, скажу вамъ, чтобы дѣлать изъ нихъ монахинь и вгонять ихъ въ чаютку, заставляя ихъ распѣвать пѣнья ночи въ церкви, подобно тому, какъ это совершается въ Сенъ-Сирѣ. Мы воспитываемъ ихъ на оборотъ, такъ, чтобъ онѣ могли доставить радость той семьѣ, въ которую онѣ войдутъ; мы не желаемъ дѣлать изъ нихъ ни скромницъ, ни кокетокъ, но хотимъ, чтобъ онѣ были благовоспитаны, въ состояніи были воспитать своихъ дѣтей и заботиться о своемъ хозяйствѣ.

Вотъ какому слѣдуютъ у насъ порядку, при распредѣленіи ролей въ театральныхъ пьесахъ: дѣвицамъ объявляется, что такую-то пьесу предполагается разыграть и ихъ спрашиваютъ при этомъ, кто желаетъ исполнить такую-то роль; не рѣдко случается, что пѣлый классъ учить одну и ту же; изъ нихъ выбирается, поэтому, одна,

которая оказывается наиболее удовлетворительно. Тѣ, которыя исполняютъ мужскія роли въ комедіяхъ, надѣваются на себя нѣчто въ родѣ длиннаго торока, называемаго нами моднымъ костюмомъ этой страны. Что касается до трагедіи, то тамъ намъ гораздо легче одѣть нашихъ героевъ соотвѣтственно характеру пьесы и роли. Роли стариковъ для насъ самыя затруднительныя и наименѣе удачно исполняемыя: большой парикъ и палки недостаточно старятъ юность, и потому роли эти были до сихъ поръ немного безцвѣтны. Въ нынѣшнемъ карнавалѣ у насъ былъ прелестный *petit-maitre*, весьма оригинальный Плезъ, превосходная *m-me Croupillac* *) двѣ субретки и адвокатъ Пателень—просто восторгъ и чрезвычайно умный *Jasmin*.

Я не знаю, какого мнѣнія придерживается Мустафа по вопросу о театральныхъ представленіяхъ, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ показалъ всему міру картину цѣлаго ряда своихъ фіаско и съ тѣхъ поръ, кажется, не въ силахъ рѣшиться измѣнить свою роль.

У насъ здѣсь находится калга-султанъ, братъ вполне независимаго хана крымскаго, царствующаго надъ своими подданными по милости божіей и оружія русскаго. Этотъ юный татарскій принцъ весьма добродушнаго характера; онъ довольно уменъ и сочиняетъ арабскіе стихи; онъ не пропускаетъ ни одного изъ нашихъ театральныхъ представлений; они ему нравятся; по воскресеньямъ, послѣ обѣда онъ отправляется въ институтъ (въ это время дозволено приходить постороннимъ) и въ продолженіи двухъ часовъ глядитъ на танцы дѣвиць. Вы скажете, что это равносильно допущенію волка въ овчарню, но не пугайтесь понапрасно: вотъ какъ происходитъ это.

Устроена весьма большая зала, въ которой поставлена въ два ряда балюстрада; дѣти танцуютъ внутри, а публика толпится около периль, и это время есть единственный случай, когда родственники имѣютъ возможность ви-

*) *M-me de Croupillac* и *Jasmin* дѣйствующія лица въ пьесѣ *l'Enfant prodigue*.

дѣтъ нашихъ дѣвочекъ, которымъ не позволяется выходить изъ заведенія ранѣе, какъ черезъ двѣнадцать лѣтъ.

Перестаньте страшиться; ваши парижане, тѣ, которые находятся въ Краковѣ, не причинятъ мнѣ большаго вреда; они затѣяли плохой фарсъ, который кончится для нихъ также плохо, какъ кончаются итальянскія комедіи *).

Приходится опасаться, чтобъ несчастная датская исторія не возобновилась опять. Кажется, я не оставила ни одного вашего вопроса безъ отвѣта. Я жду отъ васъ теперь, какъ можно скорѣе, самыхъ удовлетворительныхъ извѣстій о вашемъ здоровьи и прошу быть увѣреннымъ въ томъ, что я остаюсь всегда та же:

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

29-го мая. (1772)

Государыня, дряхлый фернейскій больной получилъ отъ Вашего Императорскаго Величества почти одновременно оба письма, которымъ вы соизволили его почтить: одно отъ 19-го марта, а другое отъ 3-го апрѣля, вмѣстѣ съ пакетомъ, заключавшимъ въ себѣ плоды Ливанскихъ кедровъ, перенесенныхъ, безъ сомнѣнія, въ Сибирь тѣми десятью племенами, которыхъ изгналъ оттуда добрый царь Салманазаръ.

Ваше Величество не перестаетъ осыпать меня своими милостями. Какъ только позволитъ время года я посажу въ землю эти маленькіе бобики. Придетъ время, когда кедръ эти, быть можетъ, будутъ тѣнью своею осѣнять жителей Женева; но не будетъ, по крайней мѣрѣ, мѣста подъ ихъ тѣнью для *gend-z-vous* сарматскихъ конфедератовъ.

Наконецъ-то, я имѣлъ счастье увидать одного изъ этихъ пяти Орловыхъ; героевъ, которыхъ называютъ сыновьями, Аймона было числомъ четыре, этихъ же—

*) Палочной расправой.

пять. Я видѣлъ того изъ нихъ, который ни до что не вымѣнивается и который называется философомъ: онъ просто удивилъ меня и сожалѣнія мои удвоились, что я поставленъ въ невозможность имѣть честь увидѣть и четырехъ остальныхъ; но Вашему Величеству извѣстно уже, что я долженъ умереть съ чувствомъ скорби несравненно болѣе жгучимъ.

Наши сумасбродные бродячіе рыцари, устремившіеся къ ледяному поясу на защиту *liberum veto*, безъ всякаго, чьего-бы то ни было на то полномочія, дѣйствительно достойны вполнѣ вашего негодованія; но виновнѣе въ стократъ еще тѣ ханжи, что собрались вокругъ Ченстоховской Бѣгородицы. Наши Донъ - Кихоты - кельты свободны, по крайней мѣрѣ, отъ упрековъ въ низости и фанатизмѣ; они доказали только, что находились въ сильнѣйшемъ заблужденіи, были черезъ-чуръ опромѣтчивы и слишкомъ далеки отъ воображаемой справедливости.

Я самъ даже былъ введенъ въ заблужденіе или, вѣрнѣе сказать, мои очи, какъ духовныя такъ и тѣлесныя, оказались столь же слѣпыми—ибо я не уразумѣлъ того, что писалъ мнѣ, годъ тому назадъ, король прусскій: «Вы увидите такого рода развязку, какой никто не ожидаетъ». Въ головѣ же у меня сидѣлъ все мой Мустафа; но моей химерѣ, сидѣвшей на границахъ Швейцаріи, выходило такъ, что, благодаря моей героинѣ, въ Турціи уже нѣтъ болѣе турокъ. Въ тоже самое время, героиня моя предприняла задачу, еще болѣе возвышенную и полезную: это—положить конецъ анархіи въ Польшѣ, каждому возвративъ то, что принадлежало ему, и начавъ въ этомъ дѣлѣ съ самой себя.

Но кто знаетъ: окончивъ это великое дѣло, не осуществитъ-ли она также и другое, и, въ одинъ прекрасный день, не окажется-ли она обитательницей трехъ столицъ, — Петербурга, Москвы и Византіи? Византія же эта расчленена несравненно пріятнѣе двухъ другихъ столицъ. Относительно вашей резиденціи на берегахъ Босфора, какъ и относительно моихъ кедровъ Ливан-

скихъ, я могу сказать одно и тоже; я ихъ не увижу, но наследники мои увидятъ ихъ.

Не увижу я также и вашего Сень-Сира, который, по всему видимому, куда какъ выше нашего Сень-Сира. Изъ нашихъ дѣвицъ выходятъ очень набожныя и очень благоправныя дамы, ваши же присоединять къ этимъ прекраснымъ качествамъ своей души еще способность играть комедіи на сценахъ, какъ въ былое время это было также и у насъ. Статья о бородѣ озабочиваетъ васъ: но, вѣдь, если не было бороды у Эсфири, то таковая была у Мардохея. Утверждаютъ даже, что, когда однажды Мардохей, украшенный совсѣмъ маленькой бѣлокурой бородкой, явился въ комнату Эсфири, чтобы пройти съ ней вмѣстѣ наединѣ свою роль, то Эсфирь, крайне изумленная этимъ обстоятельствомъ, сказала ему: «Ахъ! боже мой, сестра, зачѣмъ это вы прицѣпили къ подбородку своему бороду?» Но какъ-бы тамъ ни было, а Ваше Императорское Величество наилучшимъ образомъ умѣете соединять духовное со свѣтскимъ. Съ одной стороны вы отправляете пословъ, а съ другой — свои побѣдоносныя войска: вы даруете миръ, такимъ образомъ, вооруженною рукой; да инымъ способомъ едва-ли можно его водворить, вообще.

Наконецъ-то, и я также торжествую теперь въ своемъ углу. Я не переставалъ утверждать тѣмъ, кто такъ упорно спорилъ со мной, что успѣхъ будетъ на вашей сторонѣ. Надо предполагать, что ваше мужество проникло отчасти также и въ мою голову. Никому изъ оспаривавшихъ меня, въ теченіи четырехъ лѣтъ, не удалось обезкуражить меня. Въ концѣ концовъ, я выигралъ таки свой закладъ: вы достигли вершины славы и благополучія, и ни Мустафа, ни Кіень-Лонгъ, ни Ганганелли и ни Великій-Лама не въ силахъ уже болѣе оспаривать теперь у васъ право быть первымъ лицомъ на всемъ земномъ шарѣ. Я горжусь этимъ — чрезвычайно.

Но я, все-таки, ни болѣе, ни менѣе остаюсь по прежнему привязаннымъ къ Вашему Величеству тѣмъ же чув-

ствомъ глубокаго уваженія, которое питаеть къ вамъ, подобно мнѣ, весь міръ земной.

Дряхлый больной.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 25-го іюня—6-го іюля (1772 г.)

Изъ вашего письма, м. г., отъ 29-го іюля, я съ удовольствіемъ вижу, что мои кедровые орѣшки дошли до васъ въ цѣлости, вы ихъ посадите въ Фернэ; я тоже самое сдѣлала съ ними нынѣшнею весною въ Царскомъ-селѣ. Слово это покажется вамъ, вѣроятно, трудноватымъ для произношенія, а между тѣмъ, мѣстность, которая имъ называется, я нахожу восхитительною, ибо я тамъ сѣю и сажаю. Баронесса Тундеръ-тень-тронкъ считала же свой замокъ самымъ прелестнымъ замкомъ въ мірѣ. Мои кедры уже достигли высоты мизинца; каковы-то ваши? Въ настоящее время я люблю до сумасшествія англійскіе сады, кривая линия, нѣжные скаты, пруды, на подобіе озерковъ, и рѣзко опредѣленныя береговыя очертанія, и питаю глубочайшее отвращеніе къ линиямъ прямымъ похожимъ другъ на друга. Я ненавижу фонтаны за ту пытку, которой они подвергаютъ воду, заставляя ее слѣдовать направленію, противному ея естественному теченію; статуямъ отведены мѣста въ галереяхъ, въ переднихъ и т. д.,—однимъ словомъ, англоманія овладѣла вполнѣ моею плантоманією.

Среди занятій такого-то сорта я нахожусь въ спокойномъ ожиданіи мира. Послы мои уже шесть недѣль какъ находятся въ Яссахъ, и перемиріе заключено на Дунаѣ, въ Крыму, Грузіи и на Черномъ морѣ и подписано въ Журжевѣ 19-го мая по старому стилю. Турецкіе уполномоченные уже въ пути за Дунаемъ; экипажи ихъ за недостаткомъ лошадей, влекутся, должно быть, потомками бога Аписа. По окончаніи каждаго похода, я предлагала этимъ господамъ заключить миръ; они, вѣроятно, не считали себя вполнѣ безопасными за Балканами (*mont Némus*),

если вступили въ переговоры. Увидимъ, на сколько они окажутся разуздительны, чтобы заключить во-время миръ.

Что касается до вашихъ франтовъ взятыхъ въ плѣнъ, то они, конечно, по возвращеніи домой, стануть разглазговать на всѣхъ парижскихъ переулкахъ, что русскіе—это варвары, не ужѣющіе даже порядочно воевать.

Мой институтъ, чуждый всякаго варварства, представляетъ себя вполне вашему попеченію о немъ. Прошу васъ, не забывайте-таки насъ. Я же, съ своей стороны, общаю вамъ сдѣлать все возможное, чтобы окончательно доказать, какъ заблуждались тѣ, которые, наперекоръ вашему мнѣнію, въ теченіи четырехъ лѣтъ, не переставали утверждать, что я позволю себя одолѣть.

Будьте увѣрены, что я глубоко дорожу всѣми выраженіями вашей дружбы ко мнѣ. Чувства моей искренней дружбы къ вамъ и уваженія угаснуть только вмѣстѣ съ моей жизнью.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 31-го іюля (1772).

Уже довольно давно, какъ я не смѣливался беспокоить Ваше Императорское Величество своими бесполезными письмами. По моимъ предположеніямъ, вы должны были находиться въ это время въ самомъ живомъ общеніи съ Мустафой и польскими конфедератами. Вы ихъ всѣхъ приводите къ порядку, и какъ они должны быть вамъ благодарны всѣ за то, что, хотя и дорогою цѣною, но пріобрѣтаютъ отъ васъ миръ, надобность въ которомъ была для нихъ такъ настоятельна.

Ваше Величество, быть можетъ, думали, что я досаду на васъ за то, что вы не совершили путешествія, какъ я на то надѣялся, изъ Стамбула въ Аѳины. По правдѣ сказать, я этимъ очень опечаленъ, но сердиться на васъ никакъ не могу и потому, въ особенности, что если Ваше Величество не направляется къ Босфору, то, стало быть, изъ этого слѣдуетъ, что вы совершите,

по крайней мѣрѣ, прогулку на Вислу. Что бы ни вышло изъ всего этого, но слѣдуетъ признать, что Мустафа достоинъ, все-таки, уваженія за то, что онъ, съ своей стороны, способствовалъ вашему величію, несмотря на то, что помѣшалъ продолженію вашихъ работъ по составленію уложенія; воинственная-же Паллада, отколотивъ его хорошенько, превратится снова въ законодательницу—Минерву.

Остается пожалѣть одного только несчастнаго Али-бея; про него говорятъ, что онъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство; это жаль. Я воображалъ его до сихъ поръ мирнымъ обладателемъ прекраснѣйшей страны, въ которой вѣкогда обожали кошекъ и собакъ; но такъ какъ вы находитесь гораздо ближе къ Пруссіи, нежели къ Египту, то я заключаю изъ этого, что вамъ не приходится особенно скорбѣть по поводу этого маленькаго несчастія, приключившагося съ моимъ милымъ Али-беємъ. Я склоненъ думать также, что Ваше Величество не отправили путешествовать въ Сибирь тѣхъ изъ легкомысленныхъ нашихъ французовъ, которые по бездѣлю своему находились въ Польшѣ. Такъ какъ у нихъ слабость къ путешествіямъ, то ихъ слѣдовало-бы отправить въ Петербургъ, чтобы они вами восторгались тамъ: это вышло-бы и разумнѣе, и приличнѣе, и значительно пріятнѣе. Если-бы это касалось меня и я не былъ-бы восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, я непременно-бы воспользовался ими такъ. Я глубоко почитаю Ченстоховскую Богоматерь, но если-бы предпринялъ путешествіе, то отдалъ-бы предпочтеніе богоматери петербургской. Во мнѣ живетъ еще одно только послѣднее дуновение жизни, и, умирая, я буду взывать къ вамъ, какъ къ моей святой и какъ къ самой высшей святой, какую съверъ когда-либо имѣлъ у себя.

Дрихтль, феррейскій больной склоняется къ стопамъ вашимъ съ чувствомъ наиглубочайшаго уваженія и признательности, которыя изсякнутъ только вмѣстѣ съ его существованіемъ.

Февр., 21-го августа. (1779)

Государыня, я не перестаю восхищаться той, которая, будучи обязана ежедневно вести корреспонденцію съ Турціею, Китаемъ, Польшею, находить, при всемъ этомъ, еще время удостоивать своими письмами дряхлаго больного, обитающаго въ горахъ Юры. Положимъ, мнѣ давно уже стало извѣстно, что вы обладаете не одной, а нѣсколькими душами, вопреки утвержденья всѣхъ теологовъ, не допускающихъ нынѣ существованія въ человѣкѣ болѣе одной души; но, вѣдь, несомнѣнно, все такъ, Ваше Императорское Величество, что у васъ не болѣе одной правой руки, что у васъ одинъ языкъ для того, чтобы диктовать письма, что сутки состоятъ также точно и для васъ изъ двадцати четьрехъ часовъ, какъ и для тѣхъ турокъ, что не умѣютъ ни читать, ни писать; короче сказать, вы не перестанете меня удивлять, хотя я съ давнихъ поръ далъ себѣ обѣщаніе ничему болѣе не удивляться.

Я не удивленъ даже тому, что мои кедры еще не выросли, тогда какъ кедры Вашего Величества уже на нѣсколько линий показались изъ-подъ земли. Со стороны природы было-бы несправедливо, еслибъ она относилась ко мнѣ такъ-же благосклонно, какъ къ вамъ. Если-бы вы даже посадили въ январѣ мѣсяцѣ лавры, то и они, я въ этомъ увѣренъ, уже въ юнѣ мѣсяцѣ выросли-бы на столько, что ими можно было-бы украсить ваше чело.

Не знаю, на сколько это правда, что краковскія дамы стрѣбятъ для нашихъ офицеровъ замокъ во Франціи. Соживаюсь, чтобъ у польскихъ барынь нашлось достаточно денегъ для расходовъ на такой памятникъ. Замокъ этотъ, вѣроятно будетъ нѣчто въ родѣ Армидиныхъ сооружений или воздушныхъ замковъ Испаніи.

Что должно казаться всего болѣе нашимъ французамъ невѣроятно-скажочнымъ, и что, однако, какъ меня увѣряютъ, есть совершеннѣйшая правда, такъ это то, что

Ваше Величество послѣ четырехлѣтней войны, и слѣдовательно ужаснѣйшихъ по этому случаю расходовъ, приступаете къ увеличенію жалованья своихъ армій на одну пятую. Нашъ министръ финансовъ упадетъ въ обморокъ, когда эта новость дойдетъ до него.

Я радъ, что Фальконзъ *) можетъ кое-что поразсказать о пьедесталѣ вашего памятника; я радуюсь также и тому еще, что эта пятая часть, увеличиваемаго вашими арміями жалованья, будетъ взята изъ тѣхъ суммъ, которыя мой милѣйшій Мустафа долженъ будетъ заплатить вамъ за судебные расходы по неразумно имъ начатому съ вами процессу.

Въ настоящемъ письмѣ я позволяю себѣ рекомендовать вамъ одного благороднаго фламандца, молодого, храбраго, образованнаго, знающаго нѣсколько языковъ, желающаго непременно изучить еще русскій и поступить на службу къ вамъ; сверхъ всего этого, онъ еще хорошій музыкантъ; зовутъ его баронъ Пеллембергъ. Узнавъ, что мнѣ предстоитъ честь писать Вашему Величеству, онъ вызвался быть курьеромъ и, въ качествѣ такового, отправился въ путь: пусть будетъ, что будетъ; все, что я знаю такъ это то, что въ будущемъ таковыхъ будетъ еще весьма много и я самъ желалъ-бы быть въ числѣ ихъ.

Вотъ уже близко время, Государыня, когда вамъ предстоитъ наслаждаться вашими прекрасными садами, которые, благодаря вашему тонкому вкусу, спаслись отъ симметріи.

Да произрастаютъ тамъ всѣ кедры ливанскіе наряду съ пальмами!

Дряхлый фернэйскій больной съ чувствами наиглубочайшаго уваженія и искреннѣйшей признательности склоняется къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

*) Э. Фальконзъ, парижскій скульпторъ, поставившій въ Петербургѣ статую Петру Великому.

Ферзь, 28-го августа.

Государыня, простите! Ваше Императорское Величество не только милостиво покровительствуете мнѣ, но еще благосклонно просвѣщаете меня. Вамъ благоугодно было освободить меня отъ нѣкоторыхъ французскихъ заблужденій по отношенію къ Сибири; вы разрѣшите мнѣ поэтому обратиться къ вамъ съ нѣкоторыми вопросами.

Позволяю себѣ спросить васъ: правда-ли, что въ Сибири существуетъ родъ совершенно бѣлой цапли, крылья и хвостъ которой огненнаго цвѣта, и, что въ особенности, правда-ли то, что въ силу прутскаго договора Петръ Великій обязался высылать ежегодно Оттоманской Портѣ одинъ экземпляръ такой птицы съ брилліантовымъ ожерельемъ на шеѣ? Въ книгахъ нашихъ говорится, что птица эта называется у васъ кречотъ (*kratsshot*), у турокъ же носить название шунгаръ (*shungar*).

Я сильно сомнѣваюсь, чтобъ Ваше Императорское Величество платили отнынѣ синьору Мустафѣ подобную дань въ видѣ птицы шунгара и брилліантоваго ожерелья. Газеты рассказываютъ, что Ваше Величество приобрѣли въ Амстердамѣ брилліантъ, цѣною около трехъ милліоновъ; я рассчитываю, что Мустафа заплатитъ за этотъ брилліантъ, подписавши съ вами миръ, если онъ только умѣетъ писать.

Крайняя ваша снисходительность приучила меня къ смѣлости обращаться съ разспросами къ императрицѣ-государынѣ, это не въ порядкѣ вещей, но, во истину сказать, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего болѣе чрезвычайнаго и необыкновеннаго, какъ Ваше Величество, къ чьимъ стопамъ я склоняюсь съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія.

Дряхлый фернейскій больной.

Екатерина Вольтеру.

1-го—12-го сентября, (1772)

М. г., въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 21-го августа, объявляю вамъ, что я приступаю къ новому корреспондированію съ Мустафой посредствомъ пушечныхъ выстрѣ-

ловъ. Ему заблагоразсудилось приказать своимъ уполномоченнымъ прервать засѣданіе конгресса въ Фокшанахъ; вмѣстѣ съ этимъ кончается и перемиріе. Надо полагать, что душа, завѣдывающая этими дѣлами сообщила вамъ этого рода новость. Прошу васъ извѣстить меня о томъ, что дѣлаютъ также и другія души, приписываемыя вами мнѣ, въ то время, когда я поглощена всецѣло думой о Мустафѣ. Мнѣ всегда казалось, что я не могу думать, въ одно и то-же время, о двухъ разныхъ вещахъ. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что гг. теологи не преминутъ на первомъ-же вселенскомъ соборѣ, гдѣ я буду предсѣдательствовать, почтить меня достойнымъ образомъ за то, что въ данномъ случаѣ я поддерживала ихъ мнѣніе.

Замокъ, который польскія дамы предполагаютъ построить французскимъ офицерамъ, бывшимъ на службѣ прѣсловутыхъ конфедератовъ, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ отнести къ числу многихъ подобныхъ сооружений, воздвигавшихся за послѣднее время въ воображеніи то той, то другой націи и испарившихся въ воздухъ; въ видѣ столь безконечно малыхъ частицъ, что никто замѣтить ихъ не могъ. То-же самое можно сказать и о чудесахъ Богоматери Ченстоховской, съ тѣхъ поръ, какъ монахи этого монастыря пребываютъ въ сообществѣ одного прекраснѣйшаго пѣхотнаго русскаго полка; занимающаго въ настоящее время ченстоховскую крѣпость.

Васъ нисколько не обманули, и. г., когда вамъ сообщили, что съ нынѣшней весны я увеличила жалованье на одну пятую всемъ моимъ военно-служащимъ; начиная съ маршала и кончая прапорщикомъ.

Въ то-же самое время я приобрѣла коллекцію картинъ, покойнаго де-Крова и нахожусь въ переговорахъ по куплѣ брилліанта величиною съ куриное яйцо.

Правда, что расходы мои, такимъ образомъ, увеличились, съ одной стороны, но за то, съ другой стороны, благодаря устроенному соглашенію между дворомъ Венскимъ, королемъ Прусскимъ и мною, возросли также не-

много и мой владѣнія *). Другаго средства мы никакъ не могли найти, чтобы обезопасить наши границы отъ набѣговъ самозванныхъ конфедератовъ, управляемыхъ французскими офицерами, какъ только расширивъ ихъ.

Къ слову сказать, какого вы мнѣнія о шведской революціи? **) Вотъ такъ нація, потерявшая менѣе, чѣмъ въ четверть часа, и свою правительственную форму, и свою свободу. Государственныя штаты, окруженные войсками и пушками, въ двадцать минутъ порѣшили пятьдесятъ семь пунктовъ, которые и подписали, разумѣется. Не знаю, въ какой степени подобное насиліе приятно, но я могу вамъ поручиться, что Швеція теперь безъ свободы и съ королемъ столь-же деспотичнымъ, какъ король Франціи; и сказать-ли, что все это произошло два мѣсяца спустя послѣ того, какъ король и нація поглядѣлись другъ передъ другомъ наистрожайшимъ образомъ блюсти свои права.

О. Адамъ не находить-ли послѣ этого, какая страшная опасность грозитъ совѣсти многихъ людей?

Прощайте, м. г.; вспоминайте обо мнѣ добромъ и будьте увѣрены въ живѣйшемъ удовольствіи, доставляемомъ мнѣ вашими письмами. Вы можете доставить мнѣ гораздо больше еще, если будете чувствовать себя здоровымъ, наперекоръ всѣмъ годамъ.

Екатерина.

Вольтеръ Ектеринѣ.

Сентябрь. (1772)

Бодѣ всего, государыня, изумляетъ меня не только; весьма легко могло случиться, что какой

*) Партийный расколъ Польши состоялся 15 августа 1772 г.

**) Въ силу этой революціи бывшей 19 августа 1772 г., вся власть возвратилась снова въ руки короля, какъ было это начиная съ Густава-Адольфа до Карла XI. Партия шапокъ, другими словами сената, утратила всю свою силу. Революція эта была совершена въ теченіи пятидесяти четырехъ часовъ.

нибудь итальянецъ привелъ этого носорога въ былое время въ Сибирь, какъ приводятъ ихъ обыкновенно во Францію и Голландію. Если Ганнибалъ могъ заставить слоновъ сдѣлать переходъ черезъ Альпы по глубокимъ снѣгамъ, то Сибирь ваша могла быть свидѣтельницей въ прежнее время попытокъ подобнаго-же рода, а кости этихъ животныхъ легко могли сохраниться въ пескѣ. Не думаю, чтобъ положеніе экватора когда-либо измѣнялось, но я вѣрю въ то, что міръ—очень таки старъ.

Что меня преимущественно удивляетъ, такъ это вашъ никому неизвѣстный писатель, сочиняющій комедіи, достойныя пера Мольера, или, чтобы сказать еще болѣе, достойныя того, чтобы смѣшить Ваше Императорское Величество, такъ какъ величества, вообще, смѣются очень рѣдко, хотя и чувствуютъ потребность въ смѣхѣ. Если гений, подобно вашему, находитъ эти комедіи веселыми, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ таковы. Я просилъ у Вашего Величества прежде кедровъ изъ Сибири, теперь я осмѣливаюсь просить комедію изъ Петербурга. Сдѣлать переводъ не особенно трудно. Я слишкомъ поздно родился, чтобы приняться за обученіе языка вашей страны. Еслибъ греки оказались достойными всего того, что вы для нихъ сдѣлали, греческій языкъ былъ-бы уже всемірнымъ языкомъ; но это мѣсто легко могъ-бы занять теперь русскій языкъ. Я знаю, что существуетъ множество остротъ, вся соль которыхъ обусловливается временемъ и мѣстомъ ихъ созданія, но существуютъ остроты также и такія которыя приложимы ко всѣмъ странамъ, и эти-то, безспорно, наилучшія. Я увѣренъ, что немало остротъ такого рода должно находиться и въ той комедіи, которая вамъ всего болѣе понравилась; вотъ о переводѣ этой-то самой комедіи я позволяю себѣ просить Ваше Величество. Какъ мнѣ кажется, это даже красиво само по себѣ: сдѣлать переводъ театральной шесы въ то время, когда играешь столь крупную роль на сценѣ всемірнаго театра. Я бы никогда не подумалъ обратиться за переводами ни къ Мустафѣ, ни тѣмъ болѣе къ Пулавскому.

Послѣдній актъ вашей великой трагедіи представляется весьма красивымъ; на сценѣ нѣтъ уже болѣе никакихъ кровавыхъ эпизодовъ и развязка будетъ закончена славой.

Екатерина Вольтеру.

6—17 октября (1772).

М. г. я нисколько не оспариваю вашего мнѣнія о возможности появленія въ Сибири носороговъ и слоновъ изъ Индіи: это вполне допустимо. Разсказъ нашего ученаго я переслала вамъ просто, какъ предметъ курьеза и никоимъ образомъ не имѣя въ виду подкрѣплять имъ мое мнѣніе. Признаюсь вамъ, что я была-бы очень довольна, если-бъ экваторъ могъ измѣнить свое положеніе: курьезная мысль, что черезъ двадцать тысячъ лѣтъ Сибирь въ замѣнъ своихъ льдовъ, могла-бы покрыться апельсиновыми и лимонными рощами, веселитъ меня уже теперь.

Какъ только будетъ оконченъ переводъ той изъ русскихъ комедій, которая всего болѣе насъ насмѣшила, онъ отправится тотчасъ по дорогѣ въ Фернэ. Прочитавъ его, вы, можетъ быть, найдете, что разсмѣшить меня гораздо легче, нежели всѣ другія величества, и сказавъ это—вы будете правы, такъ какъ характеръ мой въ сущности чрезвычайно веселый.

Здѣсь находятъ, что анонимный авторъ новѣйшихъ русскихъ комедій хотя и обнаружилъ въ нихъ талантливость, не чуждъ, въ то же время, крупныхъ недостатковъ: находятъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ сцены, что завязки его пьесъ—слабы, но что того нельзя сказать о характерахъ, которые онъ очерчиваетъ; что они всѣ выдержаны и взяты прямо изъ жизни, которая у него передъ глазами; что онъ весьма остроуменъ и смѣшитъ, что мораль его пьесъ вѣрная и что онъ основательно знаетъ свой народъ. Не знаю, останется-ли все это въ переводѣ.

Заговоривъ о комедіяхъ, позвольте, м. г., возстановить въ вашей памяти любезное обѣщаніе, данное вами мнѣ, около года тому назадъ, принаровить нѣсколько хорошихъ пьесъ къ исполненію на театрѣ въ моихъ учебныхъ институтахъ. Не пишу вамъ сегодня ничего ни о великой военной трагедіи, ни о прерванномъ конгрессѣ уполномоченныхъ, ни о вновь возстановившихся его засѣданіяхъ, ни о продолженномъ перемиріи; въ самомъ скоромъ времени я надѣюсь извѣстить васъ объ окончаніи всего этого. Вы узнаете одинъ изъ первыхъ, когда окончательно подпишется мирный трактатъ; и ужъ затѣмъ—мы будемъ веселиться.

Остаюсь, какъ и останусь всегда, м. г., съ самымъ совершеннымъ къ вамъ уваженіемъ и почтеніемъ.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

2-го ноября. (1772)

Государыня, изъ вашей депеши отъ 12-го сентября, я заключаю, что одна изъ вашихъ душъ способна творить еще большія чудеса, нежели Ченстоховская Богоматерь—имя, довольно трудное для произнесенія. Ваше Императорское Величество согласится конечно, со мною, что *Santa Casa di Loreto* звучитъ гораздо мягче для уха и, въ то же время, несравненно болѣе чудотворна, потому что она въ тысячу разъ богаче, нежели польская Святая Дѣва. У мусульманъ, за то, нѣтъ подобныхъ предразсудковъ, ибо святой ихъ храмъ Мекка или Мекка значительно древнѣе, чѣмъ само магометанство и даже чѣмъ иудейство. Мусульмане не поклоняются, подобно намъ, цѣлой массой разныхъ святыхъ, изъ которыхъ значительная часть вовсе даже и не существовала и между которыми едва-ли найдется четыре, съ которыми вы сегоднѣшніе разговаривали съестъ за ужинъ.

Но, за то, вотъ и все, что есть хорошаго у вашихъ турокъ. Я весьма счастливъ тѣмъ, что моя Государыня

принимается снова за свою прекрасную привычку хлопать ихъ по ушамъ.

Сердечно благодарю Ваше Величество за то, что оно пододвинулось къ Югу; я вижу изъ этого, что, наконецъ я буду въ состояннн совершить, давно уже задуманный мною, проектъ путешествія; съ каждымъ днемъ вы укорачиваете предстоящій мнѣ путь. Вотъ-таки три хорошихъ головы подъ однимъ кошакомъ: ваша, Римскаго императора и Прусскаго короля.

Послѣднн прислалъ мнѣ свою чудесную медаль: *Regno redintegrato*. Слово *redintegrato* кажется мнѣ страннымъ, я предпочелъ бы скорѣе *novum*. *Redintegrato* приличествовало бы скорѣе императору Римскому, если бы онъ сѣлъ съ вами на лошадь и возстановилъ часть изъ того, что когда-то принадлежало столь законнымъ образомъ и по узурпаціи престолу Цезарей, подъ условіемъ, конечно, что вы приобщите себѣ всѣ остальное, никогда вамъ не принадлежащее, подвигаясь при этомъ постоянно къ югу, съ тѣмъ, чтобъ облегчить мнѣ мое путешествие.

Вотъ ужъ около четырехъ лѣтъ, какъ я проповѣдываю этотъ маленькій крестовый походъ. Нѣкоторые изъ мечтательныхъ умовъ, подобно моему, вѣрятъ, что близится время, когда святая Марія-Терезія вкупѣ со святой Екатериной услышатъ мои горячія молитвы. Эти мечтатели утверждаютъ, что ничего нѣтъ легче, какъ взять за одинъ походъ Боснію, Сербію и протянуть вамъ руку въ Адрианополь. Что за восхитительное зрѣлище представили бы двѣ императрицы, дерущія каждая за ухо Мустафу и выталкивающія его въ Азію.

Конечно, рассуждаютъ они, если эти двѣ храбрыя дамы согласились между собой измѣнить советамъ поверхность Польши, то онѣ еще гораздо лучше могутъ устроиться между собою, чтобы видоизмѣнить совершенно фізіономію Турціи.

Вотъ время вслнчайшихъ революцій, и вотъ вновь созданная вселенная, отъ Архангельска до Бориссена; не слѣдуетъ только останавливаться на столь хорошемъ пути.

Знамя пророка должно непременно слѣдовать за тѣми знаменами, что понесутъ ваши прекрасныя руки на гробницу Великаго Петра (клянусь честью гораздо менѣе великаго, нежели вы).

Тогда я снова буду просить о покровительствѣ Вашего Императорскаго Величества моей маленькой колоніи, которая будетъ доставлять часы вашей имперіи, а кружевыя куафюры—вашимъ придворнымъ дамамъ.

Что касается до шведской революціи, то я сильно побаиваюсь, чтобы она въ одинъ прекрасный день не причинила какого-нибудь маленькаго затрудненія; у французскаго же двора долго еще не будетъ достаточно денегъ, чтобы поддержать ими благія намѣренія, могущія со временемъ оказаться въ этой части сѣвера, которая, не особенно плодородна развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда вамъ продадутъ бриліантъ извѣстный подъ именемъ Питта или Регента; но по величинѣ своей онъ равенъ только голубиному яйцу; а вашъ же—даже болѣе куринаго.

Съ чувствомъ восторга, присущаго двадцатилѣтнему юношѣ, и мечтаніями почти восьмидесятилѣтняго старца, я склоняюсь къ стопамъ вашимъ.

Екатерина Вольтеру.

11—22 ноября (1772).

М. г., ваше письмо отъ 2-го ноября, я получила въ ту минуту, когда писала отвѣтъ на прекрасное и пространное посланіе г. Д'Аламбера, кторое онъ мнѣ написалъ спустя пять или шесть лѣтъ молчанія и въ которомъ онъ, отъ имени всей философіи и всѣхъ философовъ, проситъ о выдачѣ тѣхъ французовъ, что взяты въ плѣнъ въ разныхъ мѣстахъ Польши. Въ прилагаемомъ письмѣ заключается отвѣтъ мой.

Я крайне опечалена, что клевета успѣла ввести гг. философовъ въ заблужденіе; г. же де-Мустафа обрздумился; онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ за-

ставляетъ работать, въ Бухарестѣ своего рейсъ-эффенди надъ возстановленіемъ мира; закончивъ эту работу, онъ можетъ возобновить свои пилигримства въ Мекку, отчасти нарушенныя съ тѣхъ поръ, какъ синьоръ Али-бей поднялъ тамъ возстаніе. Мнѣ неизвѣстно, какъ далеко простирается у турокъ почитаніе ихъ святыхъ, но, за то, я собственными глазами удостовѣрилась, что такое почитаніе у нихъ существуетъ. Вотъ фактъ:

Во время моего плаванія по Волгѣ, я сошла однажды со своей галеры, въ двадцати верстахъ ниже Казани, чтобы поглядѣть на развалины стариннаго города Булгаръ, построеннаго Тамерланомъ для своего внука. Дѣйствительно, я нашла тутъ семь или восемь каменныхъ домовъ и столько же минаретовъ, весьма солидно возведенныхъ. Я подошла къ одной изъ развалинъ, у которой толпилось около сорока татаръ. Губернаторъ провинціи объяснилъ мнѣ, что это мѣсто священнаго почитанія этими людьми и что тѣ, кого я вижу передъ собой, пришли сюда на поклоненіе. Такъ какъ мнѣ хотѣлось знать, въ чемъ состоитъ святость этого мѣста, то я обратилась съ распросомъ къ одному изъ стоявшихъ татаръ, фیزیономія котораго казалась мнѣ предупредительною. Знаками онъ отвѣтилъ мнѣ, что не понимаетъ по русски и потому бросился отыскивать и звать другаго человѣка, который тутъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Человѣкъ этотъ подошелъ ко мнѣ; я спросила, кто онъ. Это оказался имамъ, говорившій довольно порядочно по русски. Онъ мнѣ объяснилъ, что въ этой развалинѣ жилъ человѣкъ святой жизни; что сами они пришли издалека для молитвъ надъ гробницею святаго человѣка, могила котораго находилась тутъ вблизи. Разсказанное имъ дало мнѣ возможность заключить, что ихъ почитаніе равносильно нашему культу святыхъ.

Если король Швеціи завладѣетъ Норвегією, какъ объ этомъ говорятъ, то это укоротитъ маршрутъ вашего путешествія. По милости этой политической продѣлки война можетъ сдѣлаться всеобщей. Если денегъ нѣтъ у Франціи, то у Испаніи ихъ достаточно; а слѣдуетъ приз-

вать, что ничего нѣтъ болѣе удобнаго и пріятнаго, какъ то, когда другіе платятъ за насъ.

Прощайте; храните ваши дружескія чувства ко мнѣ. Желаю вамъ отъ души прожить годы англичанина Дженкинса, здравствовавшаго до ста шестидесяти девяти лѣтъ. Прекрасный возрастъ! Екатерина.

Скоро я вамъ вышлю французскій переводъ двухъ русскихъ пьесъ. Ихъ переписываютъ теперь на чисто.

Вольтеръ Екатеринѣ.

1-го декабря (1772).

Государыня, сознаюсь, мнѣ кажется нѣсколько страннымъ, что даря туркамъ миръ и Польшѣ — законы, — мнѣ, въ тоже время, дарятъ переводъ комедій. Вижу, что существуютъ души, которыя не стѣсняются своею универсальностью; тѣмъ не менѣе, я сердитъ на Императорское Величество греческой церкви и на Императорское Величество римской церкви *), которыя могли обѣ, своими бѣлыми ручками, надавать пощечинъ величеству Муштафы, даровать свободу всѣмъ дамамъ серала и снова освятить святую Софію. Никогда не прощу я вамъ, государыня, что вы не сговорились устроить это дѣло. Тогда миръ совсѣмъ пересталъ-бы говорить о Клориндѣ и Армидѣ **), забылъ-бы Гофредо. Конечно, лучше было взять Константинополь, чѣмъ такой скверный городъ, какъ Іерусалимъ; Босфоръ важнѣе, чѣмъ Кедронскій источникъ. Я очень этимъ обстоятельствомъ былъ огорченъ; но, въ концѣ-концовъ, я утѣшаю себя славою, которую вы приобрѣли и тѣмъ существеннымъ, что присоединяется къ этой славѣ, и даже надеждою, что то, что отложено — не пропало.

Осмѣлюсь-ли, государыня, не смотря на мой гнѣвъ противъ васъ, просить милости Вашего Императорскаго

*) Марія-Терезія.

**) Дѣйствующія лица «Освобожденнаго Іерусалима».

Величества? Милость эта не касается ни Мустафы, ни его великаго визиря, а простаго инженера моей родины, который, также какъ и я, на половину французъ, на половину швейцарець. Онъ—хорошій физикъ, принявшійся теперь въ Альпахъ за опыты надъ льдомъ, ибо у насъ, вѣдь, есть ледъ, также какъ и въ Петербургѣ. Этого инженера зовутъ Обри; онъ мало извѣстенъ, но достоинъ извѣстности. Я безконечно былъ-бы обязанъ Вашему Императорскому Величеству, если бы соблаговолите отправить ему патентъ ассистента вашей славной академіи. Правда, что въ настоящую минуту у насъ нѣтъ льда, но въ скоромъ времени онъ у насъ несомнѣнно будетъ.

Испрашиваю вашего прощенья; ваша снисходительность давно уже приучила меня къ подобнымъ вольностямъ.

Очень нелѣпая и, въ тоже время, обычная вещь—всѣ слухи, распускаемые въ сплетническомъ городѣ Парижѣ о вашемъ Фокшанскомъ конгрессѣ и о всемъ томъ, что относится къ нему. Короли — точно боги; народы сочиняютъ объ нихъ тысячи сказокъ, а боги пьютъ свой нектаръ, нисколько не беспокоясь богословіемъ презрѣнныхъ смертныхъ. Я, на примѣръ, вполне увѣренъ, что вы не обращаете ни малѣйшаго вниманія на гнѣвъ, ощущаемый мною противъ васъ, за то, что вы не отправились провести зиму въ Босфорѣ. Я точно также увѣренъ, что умру съ отчаянія, оттого, что не могу броситься къ вашимъ ногамъ въ Петербургъ; мое сердце — тамъ, хотя брѣнное тѣло—здѣсь. Это бѣдное тѣло восьмидесяти лѣтъ очень больно, а сердце проникнуто къ Вашему Императорскому Величеству самымъ глубокимъ уваженіемъ и самой трогательной благодарностью.

Февр., 11-го декабря. (1772).

Государыня, ваша птица именуемая Жаръ—превесма похожа на карриатурч, которыя мой пріятель г. Гюберъ дѣлалъ на меня; онъ изобразилъ меня съ шеей и ногами и даже отчасти придалъ мнѣ физиономію этой прес-

ловутой бѣлой цапли. Я никогда не могъ повѣрить, чтобъ когда-либъ Петръ Великій рѣшился платить подобную дань Стамбульскому синьору.

Ваше Императорское Величество имѣеть безспорное право на дань похвалъ за ваши прекрасныя учебныя учрежденія для мальчиковъ и дѣвочекъ; не понимаю какъ еще смѣють толковать о Ликургѣ и его Лакедемонянахъ, ни когда ровно ничего неслѣлавшихъ великаго, не оставившихъ послѣ себя никакого памятника, никогда не культивировавшихъ искусство, и съ столь давнихъ поръ превратившихся въ рабовъ у варваровъ, которыхъ вы послѣдовательно побѣждали въ продолженіи четырехъ лѣтъ.

Письмо, заключавшееся въ пакетѣ полученномъ отъ г. Бецкаго, весьма драгоцѣнно; я полагаю, что оно писано нашимъ Фальконэ; но то, что саблаговолили насать мнѣ Ваше Императорское Величество относительно вашего института болѣе, чѣмъ Сен-Сирскаго, куда какъ важнѣе напечатаннаго письма Фальконэ, тѣмъ не менѣе весьма хорошаго.

Родившись слишкомъ рано и неимѣя поэтому возможности быть свидѣтелемъ всего, что творить моя великая государыня, я пользуюсь случаемъ, чтобы послать къ ней юнаго барона Пеллемберга, который на одну треть нѣмецъ, на другую—фламандецъ, и на третью—Испанецъ, и который желаетъ обмѣнить эти трети на одно цѣлое русскаго. Я знаю его только, государыня, по энтузіастическому чувству восторга въ единственной особѣ вашей: я видѣлъ его мимолетно, онъ просилъ у меня письма, я позволилъ себѣ дать его ему, какъ-бы я далъ съ вашего позволенія, каждому, кто только захотѣлъ бы совершить паломничество въ Петербургъ, руководствуясь священными чувствами поклоненія святой Екатерины II.

Мнѣ передаютъ весьма печальную для меня новость *), будто-бы тотъ Полянской, котораго Ваше Величество посылалъ путешествовать и котораго я такъ любилъ и уважалъ за его характеръ, по возвращеніи въ Петер-

*) Извѣстіе это оказалось ложнымъ.

бургъ, утонулъ въ Невѣ; если только это правда, я крайне опечаленъ. Несчастія всегда будутъ явленіями частными, но вы творите счастье общее. Мое личное счастье заключено въ письмахъ, которыми вы удостоиваете меня. Жду пьесу; я заставлю ее разыграть на сценѣ моей маленькой колоніи, въ тотъ день, когда вспыхнетъ у меня чувство радости отъ извѣстія заключеннаго вами мира въ Бухарестѣ или Фокшанахъ, предполагая, что трактатомъ этимъ вы приобрѣтете себѣ три или четыре новыя провинціи и господство на Черномъ морѣ. Но я, все-таки, буду продолжать протестовать противъ всякаго мира, который не отдастъ вамъ совсѣмъ Стамбула. Этотъ Стамбулъ—объектъ моихъ вожделѣній совершенно также, какъ Святая Екатерина II предметъ моего культа. Да насладится моя святыня также всѣми сортами блага, какъ она уже увѣнчана всѣми видами человѣческой славы.

Дряхлый Фернейскій больной—лишенный и славы, и удовольствія.

3-го января (1773).

Государыня, я крайне опечалился-бы, если-бы въ Норвегii не процвѣтала философія.

Эта безразсудная попытка мнѣ кажется довольно преждевременною; она могла-бы украсить вѣнецъ вашъ нѣсколькими новыми лаврами; но въ этой части свѣта, они немножко суховаты и потому я предпочелъ-бы тѣ, что на Дунаѣ.

Моя миротворческая философія осмѣливается представить на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества одну консультацию. Во времена Петра Великаго ваша академія искала просвѣщенія—въ царствованіе-же Екатерины Великой за просвѣщеніемъ уже обращаются къ ней.

Одинъ инженеръ, отчасти швейцарецъ, подобно мнѣ, занимался изысканіемъ средствъ противъ опустошеній причиняемыхъ постоянными разливами водъ въ отрогахъ нашихъ Альпъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что въ во-

просахъ ледяныхъ, вы должны быть болѣе компетентны, нежели мы. По правдѣ, однако, сказать, что съ своимъ сорокъ шестымъ градусомъ и хотя небывалою мягкостью текущей зимы, мы испытываемъ, все-таки, столь-же жестокіе холода, какъ и у васъ. Я вообразилъ себѣ возможнымъ передать это мнѣніе, черезъ ваши безконечно прекрасныя ручки, о которыхъ мнѣ такъ много рассказывали и которыя только моя чрезмѣрная юность и чувство моего глубокаго уваженія прейтствуютъ поцѣловать.

Инженеръ этотъ, по имени, Обри; онъ умретъ, наконецъ, отъ желтухи, если не попадетъ въ члены академіи; къ чьему покровительству могу я воззвать въ настоящемъ случаѣ, какъ не къ нашей общей государынѣ?

Г. Полянскій увѣдомляетъ меня, что онъ не утонулъ, какъ объ этомъ говорили; что, напротивъ, онъ живетъ въ портѣ и что Ваше Величество назначили его секретаремъ академіи. Мнѣ думается, что вы съ свойственною вамъ добротой могли-бы передать это мнѣніе въ его руки. Тутъ, около насъ, находится достаточно снѣжныхъ богоматерей, (*Natre-Demes des Neiges*) къ которымъ я могъ-бы воззвать своими мольбами въ настоящемъ дѣлѣ, до нихъ прямо касающемся; но я молюсь только Петербургской богородицѣ, стопы которой я лобызая со всѣмъ моимъ стараніемъ и съ искреннимъ къ ней чувствомъ святаго почитанія.

Февръ, 13-го февраля (1773).

Государыня, что, главнымъ образомъ, поразило меня въ объяхъ вашихъ русскихъ шесахъ, такъ это то, что разговоръ ведется въ нихъ, отъ начала до конца, правдиво и натурально, а это, по убѣжденію моему, одно изъ самыхъ главныхъ достоинствъ въ сценическомъ искусствѣ; но еще болѣе рѣдкое достоинство — культивировать, такимъ образомъ, всѣ виды искусствъ, въ то самое время, когда заботы всей націи поглощены войной. Я вижу, что

у русскаго народа ума много и хорошаго ума; Ваше Императорское Величество и не могли быть призваны для управленія глушцами; вотъ, что меня заставляло всегда думать, что природа предназначала Ваше Величество для царствованія надъ Греціею. Я не перестаю возвращаться къ моему первому роману: вы кончите имъ. Черезъ десять лѣтъ, навѣрное, случится такъ, что Мустафа снова поссорится съ вами, досадитъ вамъ какимъ-либо образомъ со стороны Крыма, а вы возьмете у него за это Византію. Вы попривыкли уже къ раздѣламъ; турецкая имперія будетъ раздѣлена и на сценѣ въ Афинахъ вы поставите Эдипа Софокла.

Я наслаждаюсь въ душѣ тѣмъ, что диссиденты, судьба которыхъ живѣйшимъ образомъ меня интересовала, наконецъ, выиграли свой процессъ. Я даже надѣюсь, что соцініанцы, въ скоромъ времени, пріобрѣтутъ въ Литвѣ право имѣть какія-нибудь публичныя сходбища, взаимнѣ тайныхъ, гдѣ Богу-Отцу не придется уже болѣе ни съ кѣмъ дѣлить свой престолъ, который онъ занималъ одинъ всецѣло до Никейскаго собора. Сколь смѣшно, что тѣ самыя евреи, которые распяли Logos, владѣютъ среди поляковъ такою массою синагогъ, тогда, какъ тѣ, которые расходятся только во мнѣніи на счетъ Logos'a, съ римскимъ дворомъ, лишены возможности имѣть какую-либо дыру, куда-бы они могли приткнуть свои головы.

Скоро у меня будетъ кое-что, касающееся до безобразія и ужасовъ всѣхъ этихъ духовныхъ препирательствъ, что я буду имѣть честь сложить къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества; въ этомъ моя главная суть; я никогда не уклоняюсь отъ нея; я желаю терпимости, я проповѣдываю религію; вы-же стоите во главѣ синода, въ которомъ я занимаю мѣсто скромнаго монаха.

Въ данную минуту, мы имѣемъ честь обладать ровно такимъ-же количествомъ снѣга и льда, какъ и вы. Такое, еле-дышащее тѣло, какъ мое, не въ силахъ бороться съ этимъ. Счастливы потомки Рюрика, счастливѣе еще лапландцы и ихъ сѣверные олени, что они могутъ существовать въ этомъ климатѣ! Это только доказываетъ мнѣ, что въ

природѣ, для каждаго меча, созданы особыя ножны, и что, посадивъ на сѣверѣ самоѣдовъ, а на югѣ негровъ, она показываетъ этимъ, что они другъ другу не родня.

Я предупреждалъ васъ, государыня, что люблю породить околесную; живите-же счастливо и покрытая славой, не забывая удовольствій жизни; это не вздоръ, по крайней мѣрѣ.

Склоняюсь къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія и съ самою искреннею преданностью.

Дряхлый Фернейскій больной.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 20-го февраля,—3 марта, (1778 г.)

Милостивый государь, надѣюсь, что теперь нѣтъ уже болѣе мѣста вашему негодованію противъ императорскихъ величествъ церквей греческой и римской, подобно тому, какъ это было перваго декабря.

Князь Орловъ, занимающійся опытною физикой и потому весьма естественно обладающій особенной изобрѣтательностью въ дѣлахъ этого рода, сдѣлалъ опытъ надъ льдомъ, едва-ли не самый любопытный, какіе только дѣлались. Опытъ этотъ слѣдующій:

Осенью онъ приказалъ вырыть фундаментъ воротъ и во время сильнѣйшихъ зимнихъ морозовъ, наполнилъ это пространство водою, такъ что оно превратилось въ сплошную массу льда. Когда ледъ достигъ соотвѣтственной высоты, его тщательно оберегли отъ солнечныхъ лучей и весною на немъ были воздвигнуты, весьма солидныя, со сводами изъ кирпича, ворота. Они существуютъ уже четыре года и просуществуютъ, я думаю, до тѣхъ поръ, пока ихъ не разрушать. Не лишне замѣтить, что почва, на которой воздвигнуты ворота, болотистая и ледъ замѣняетъ собой сваи, которыя было-бы необходимо употребить тутъ, еслибы не было его.

Опытъ съ бомбою, наполненною водою и выставлен-

ною на морозъ, былъ сдѣланъ въ присутствіи моемъ; мнѣ, чѣмъ часъ спустя, она разлетѣлась съ страшнымъ трескомъ.

Когда вамъ рассказывали, что морозъ выпираетъ дома изъ-подъ земли, то къ этому слѣдовало добавить, что случается это только съ дурно построенными деревянными строеніями, но никогда не бываетъ съ каменными постройками. Бывало, правда, что довольно тонкія стѣны садовыхъ заборовъ, основаніе которыхъ было плохо уложено, выпирало изъ-подъ земли и морозомъ понемногу разрушало. Сваи также, спустя много времени, ледъ выпиралъ изъ-подъ земли, если соприкасался съ ними.

Если турки будутъ продолжать слушаться совѣтовъ своихъ пресловутыхъ друзей, то тогда вы можете быть увѣрены, что желанія ваши увидѣть насъ на берегахъ Босфора—окажутся весьма близки къ осуществленію, и совпадетъ это, быть можетъ, весьма кстати съ вашимъ выздоровленіемъ; ибо я надѣюсь, что вы освободились-таки, отъ вашей постоянной лихорадки, о которой вы мнѣ пишете и которую я никогда не могла заподозрить у васъ, при видѣ веселости, царящей въ вашихъ письмахъ.

Въ настоящее время я читаю сочиненія Альгаротти. Онъ утверждаетъ, что мѣсторожденіе всѣхъ искусствъ и наукъ Греція: Прошу васъ, скажите мнѣ, дѣйствительно ли это правда? Что касается ума, у нихъ онъ еще есть, и весьма тонкій; но они такъ придавлены, что въ нихъ не замѣтно ни малѣйшаго нерва. Тѣмъ не менѣе, я начинаю вѣрить въ возможность вылечить ихъ въ концѣ концовъ: доказательство—послѣдняя Патросская побѣда, одержанная ими надъ турками послѣ втораго перемирія. Графъ Алѣксѣй писалъ мнѣ, что были между ними нѣкоторые, которые удивительно какъ отличились.

Нѣчто, въ этомъ родѣ, произошло также и у береговъ Египта, я не имѣю только еще подробныхъ свѣдѣній; и въ этомъ случаѣ предводительствовалъ также греческій капитанъ. Вашъ баронъ Пеллембергъ находится уже въ арміи.

Г. Полянскій назначенъ секретаремъ Академіи художествъ. Онъ не утонулъ, хотя и переѣзжаетъ Неву весьма часто въ каретѣ; зимой у насъ это нисколько не опасно.

Мнѣ доставило удовольствіе узнать, что обѣ мои пьесы не показались вамъ совершенно плохими. Съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщаннаго вами новаго сочиненія, но еще съ большимъ жду извѣстій о вашемъ выздоровленіи.

Будьте увѣрены, м. г., что я цѣню до крайности все то, что, вы высказываете мнѣ обязательнаго и лестнаго. Самыя искреннія мои пожеланія относительно вашего здоровья. Остаюсь, какъ всегда, съ искреннимъ къ вамъ, дружескимъ чувствомъ и всѣмъ тѣмъ, что вамъ уже извѣстно.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Ферна, 25-го марта (1773).

Государыня, позвольте одному изъ вашихъ подданныхъ, живущему между Альпами и Юрой и только что воскресшему, послѣ пятидесяти двухъ припадковъ лихорадки, на нѣсколько дней, передать Вашему Императорскому Величеству нѣсколько новостей съ того свѣта.

На берегахъ Стикса я встрѣтилъ Томирису, Семирамиду, Пентезилею, Елизавету Англійскую; всѣ до одной онѣ подтвердили мнѣ, что не походятъ ни малѣйшимъ образомъ на настоящую Екатерину, нашу Екатерину, на которую будутъ устремлены взоры всего потомства; но, въ то же время, онѣ заявили мнѣ, что вы не дошли еще до конечной цѣли вашихъ трудовъ и что вамъ подобаетъ снова взяться за дѣло—отколотить хорошенько моего милѣйшаго Мустафу.

Король Прусскій, какъ мнѣ кажется, того мнѣнія, что ваши переговоры съ толстымъ мусульманиномъ лопнули; но съ минуты на минуту обстоятельства могутъ измѣниться, какъ по отношенію къ переговорамъ, такъ по отношенію къ военнымъ дѣйствіямъ. Съ величайшимъ смиреніемъ я жду отъ судьбы и вашего генія разрѣшенія

всего этого хаоса, которым поглощена вся земля от Данцига до устьевъ Дуная, глубоко убѣжденный въ томъ, что когда свѣтъ замѣнитъ собою эти потемки, для васъ воспослѣдуетъ изъ всего этого одинъ успѣхъ и слава.

Если война ваша возобновится, то конца ея я уже не увижу, по той причинѣ, что, по всей вѣроятности, я умру ранѣе, чѣмъ вы выиграете пять или шесть сраженій съ турками.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ, я позволяю себѣ обратиться за содѣйствіемъ къ Вашему Императорскому Величеству, чтобы узнать, какія мѣры предосторожности принимаются у васъ, въ вашемъ знаменитомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ледяномъ поясѣ, для того, чтобы предотвратить выпираніе земли и стѣнъ отъ напора ледянаго почвеннаго слоя; я замыкаюсь въ физическія науки, такъ какъ дѣла политическія выходятъ изъ области моей компетентности.

Мнѣ рассказываютъ, что среди французовъ находятся кельты, обуреваемые такими дружескими чувствами къ Мустафѣ, что они выходятъ изъ себя, чтобы создать затрудненія моей государынѣ; я отказываюсь этому вѣрить. Какъ бѣдный и скромный швейцарецъ, я не довѣряю всѣмъ этимъ разносимвымъ слухамъ и остаюсь невѣрующимъ, подобно апостолу Ѳомѣ Дидимскому. Но за то я твердо вѣрю въ вашу славу, въ ваше величіе, въ ваше превосходство, приобрѣтенное вами надъ всѣмъ остальнымъ міромъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы управляете; въ вашу благородный и мужескій геній; смѣю вѣрить также и въ ваше ко мнѣ расположеніе. Я склоняюсь, какъ ни мало еще остается времени мнѣ жить, къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества; примите выраженіе глубокаго уваженія и искреннѣйшей привязанности дряхлаго фернейскаго больнаго.

20 апрѣля.

Государыня, теперь еще болѣе, чѣмъ когда-либо, Ваше Императорское Величество являетесь моей героиней и значительно, выше всякаго величества. Какъ! среди ва-

шихъ переговоровъ съ Мустафой, среди вашихъ новыхъ приготовленій, чтобы его хорошенько отколотить, когда одна половина вниманія вашего генія должна быть обращена къ Польшѣ, а другая—къ Бухаресту, у васъ остается еще другой геній, который, оказывается, знаетъ гораздо болѣе, нежели всѣ члены, вмѣстѣ взятые, вашей академіи наукъ и вы благосклонно даете моему инженеру тѣ уроки, которые онъ ожидалъ получить отъ нихъ! Да сколькими-же родами генія обладаете вы? Будьте такъ добры, сообщите мнѣ это по-дружески. Я прошу васъ не о томъ, чтобы высказали мнѣ: будете-ли вы осаждать Адрианополь, взять который весьма легко, въ то время, какъ австрійскія войска овладѣли-бы Босніей и Сербіей. Въ этихъ вопросахъ я также мало компетентенъ, какъ и въ томъ, что касается нашихъ шляющихся рыцарей.

Я отъ души смѣюсь, когда перечитываю въ одномъ изъ вашихъ писемъ то мѣсто, гдѣ вы говорите, что намѣрены ихъ удержать на время у себя, дабы заставить ихъ обучиться хорошимъ манерамъ въ вашихъ провинціяхъ.

Сводчатые ворота, воздвигнутые на льду и существующія на немъ въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, представляются мнѣ однимъ изъ чудесъ вашего царствованія; но это также чудо и вашего климата. Сильно сомнѣваюсь, чтобы въ нашихъ кантонахъ можно было воздвигнуть подобный монументъ; что касается бомбы, наполненной водою, то я думаю, что ее разорветъ на сильномъ морозѣ у насъ, точно также, какъ у васъ въ Петербургѣ.

Говорятъ, что въ этомъ году, въ вашей резиденціи спиртовой термометръ стоялъ на пятьдесятъ градусовъ ниже точки замерзанія; мы, швейцарцы, погибли бы окончательно, еслибъ термометръ у насъ спустился когда нибудь до двадцати: нашъ самый сильный холодъ—пятнадцать и шестнадцать градусовъ, а въ текущемъ году онъ не доходилъ и до десяти.

Я ласкаю себя мыслью, что отнынѣ ваши бомбы бу-

дуть разрываться только на головахъ турецкихъ и что князю Орлову придется воздвигнуть триумфальныя арки не на льду, а въ Атмейданѣ Стамбульскомъ; и тогда-то вы возродите въ Греціи Фидіасовъ и Мильтіадовъ.

Я думаю, что Альгаротти ошибается, если утверждаетъ, что греки изобрѣли искусства. Они только усовершенствовали нѣкоторыя изъ нихъ, и то еще въ позднѣйшее довольно время.

Есть еще, сверхъ того, старинная поговорка, гласящая, что халдейцы обучили египтянъ, а египтяне обучили грековъ.

Греки цивилизовались такъ поздно, что вынуждены были учиться тирской азбулкѣ, когда къ нимъ явились для торговыхъ дѣлъ финикійцы и принялись у нихъ строить города. До тѣхъ поръ эти греки употребляли символическія письма египтянъ.

Другое доказательство малой степени изобрѣтательности греческаго ума — это то, что первые философы ихъ отправлялись для образованія въ Индію и даже самъ Пифагоръ изучалъ тамъ геометрію.

Такимъ-же точно образомъ, государыня, отправляются уже теперь иностранныя философы брать уроки въ Петербургъ. Великій человекъ, приготовившій вамъ тѣ пути, по которымъ вы шестствуете теперь и который былъ предтечей вашей славы, сказалъ съ величайшей основательностью, что искусства совершаютъ путь вокругъ свѣта и обращаются, какъ кровь въ жилахъ нашихъ. Ваше Императорское Величество вынуждено, повидимому, развивать нынѣ военное искусство, но, въ тоже время, вы не пренебрегаете и другими.

Мѣсяць тому назадъ, я пересталъ думать, что буду еще обитать на той планетѣ, которую вы изумляете собой. Благодарю природу за то, что она, быть можетъ, желаетъ позволить мнѣ дожить до того времени, когда вы утвердитесь на родинѣ Орфея и Марса, другими словами — еще нѣсколько мѣсяцевъ; но не заставляйте меня ждать долѣе. Мнѣ положительно необходимо уничтожить-

ся. Я умру, сохранивъ вѣру въ тотъ культъ, который я посвятилъ Вашему Императорскому Величеству.

Да благоволитъ безсмертная Екатерина принять, какъ и всегда, выраженіе моего глубокаго уваженія и да сохранить она свои милости къ дряхлому Фернейскому большому, который, не взирая на свое почтеніе къ ней, боготворить ее.

Екатерина Вольтеру.

Петергофъ, 19-го—30-го іюня (1778 г.)

М. г., берусь за перо, чтобы сообщить вамъ извѣстіе о переходѣ Дуная главнокомандующимъ Румянцевымъ со своею арміею, 11-го іюня, ст. стилиа. Генераль баронъ Вейсманъ очистилъ ему путь, первый опрокинулъ цѣлый корпусъ турокъ въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ. Генераль-лейтенантъ Ступишинъ и Потемкинъ, каждый съ своей стороны одержали по побѣдѣ. Этимъ послѣднимъ пришлось столкнуться съ 18—20 тысячами мусульманъ, большую часть изъ которыхъ они отправили на тотъ свѣтъ, для передачи извѣстій о совершившихся событіяхъ, тѣмъ самымъ милымъ дамамъ, отъ имени которыхъ вы наговорили мнѣ столько лестныхъ и пріятныхъ вещей, послѣ пятидесяти втораго припадка своей лихорадки, отъ которой, къ моему величайшему удовольствію, я вижу, вы высвободились столь-же счастливо и благополучно, какъ это-бы сдѣлалъ двадцатилѣтній юноша.

Каждый корпусъ турецкій оставилъ намъ свой лагерь, артиллерію и всѣ свои запасы. И вотъ такимъ образомъ, какъ видите, нашъ милѣйшій Мустафа, снова стрепанъ наипрекраснѣйшимъ манеромъ, послѣ двухъ начатыхъ и прерванныхъ имъ, послѣдовательно одинъ за другими, мирныхъ переговоровъ и послѣ многихъ перемирій, которыми онъ наслаждался въ теченіи почти цѣлаго года. Этотъ честный кавалеръ совершенно неспособенъ извлекать пользу изъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вы собственными своими глазами

узрите окончаніе этой войны. Я надѣюсь, что переходъ черезъ Дунай значительно этому поможетъ; это движеніе обрадуетъ насъ тѣмъ, что сдѣлаетъ султана сговорчивѣе, а кельтовъ мы оставимъ болтать вволю. Разказы ихъ не заслуживаютъ никакого вниманія: они сочинили, что будто-бы, я потребовала у хана татарскаго тридцать тысячъ войска и что онъ мнѣ отказалъ въ нихъ. Никогда я не могла-бы выдумать такой нелѣпости, и я сильно сомнѣваюсь, чтобъ подобный абсурдъ могъ сообщить своему двору, какъ въ этомъ увѣряютъ, Сенъ-Приэсть, ибо посланники почитались обыкновенно за людей владѣющихъ, покрайней мѣрѣ, здравымъ смысломъ.

Холода, бывшіе у насъ этой зимой значительно мягче тѣхъ, что были въ Сибири; въ Иркутскѣ въ особенности, какъ сообщаютъ, они достигали до невѣроятнаго градуса. Я этому такъ-же мало склонна вѣрить, какъ и мнѣніямъ о Греціи Альгаротти. Четырьмя словами вы вывели меня изъ заблужденія: теперь я убѣждена вполне, что искусства изобрѣтены не въ Греціи. Меня, впрочемъ, это все-таки, печалитъ, такъ какъ я грековъ люблю, не взирая на всѣ ихъ недостатки.

Будьте здоровы, храните вашу дружбу ко мнѣ и будьте увѣрены въ искренности всѣхъ моихъ чувствъ къ вамъ. Будемте ликовать вмѣстѣ по поводу перехода черезъ Дунай: онъ не будетъ столь-же знаменитъ, какъ переходъ черезъ Рейнъ Людовика XIV, но онъ рѣдкостнѣе самъ по себѣ, такъ какъ русскіе не переступали его уже цѣлыхъ восемьсотъ лѣтъ, если вѣрить сказаніямъ нашихъ любителей старины.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фервэ, 10-го августа (1773 г.)

Государыня, надо допустить, что въ Петербургѣ дни имѣютъ болѣе двадцати четырехъ часовъ въ сутки, для того, чтобы Ваше Императорское Величество имѣли достаточно времени прочитать все, что пишутъ ей изъ

Европы и Азии. Что касается до труда отвѣчать на все это, то я не въ состояннн даже этого понять.

Я, хилый и умирающнй старецъ, возмнмѣль смѣлость писать вамъ по поводу всѣхъ этихъ фальшивыхъ извѣстнй, которыя доходятъ до насъ, относительно вновь начатой вами войны съ Мустафой, — я хотѣлъ писать вамъ о бракосочетаннн его высочества, сына вашего *), путешествнн е. в. принцессы Дармштаттской, которая послѣ васъ есть совершеннѣйшее чудо, когда либо въ Германнн родившееся; я хотѣлъ даже вамъ сказать о Дидро, не принадлежащемъ къ числу кельтовъ, что онъ въ данную минуту, счастливѣншнй изъ французовъ, ибо собирается къ вашему двору. Я думалъ писать вамъ о послѣднемъ завѣщаннн Гельвеція, посмертное сочиненне котораго посвящается Вашему Величеству. Моя нескромность была близка къ тому, чтобы высказать вамъ, что я не раздѣляю далеко его мнѣнн, относительно сущности его книги. Онъ увѣряетъ, что всѣ человѣческня умственныя способности рождаются совершенно равными; нѣтъ мнѣнн болѣе смѣшнаго. Какая разннца, напр., между нашей государыней и Мустафой, обратившимся однажды къ Сенъ-Прнзсту съ вопросомъ, дѣйствиельно-ли Англія—островъ!

Я даже думалъ быть настолько смѣлымъ, чтобы всесторонне поговорить о переходѣ черезъ Дунай.

Я намѣревался спросить васъ, гдѣ думаетъ поставить Фиднй-Фальконэ статую Екатерины II-й, единственно настоящей Екатерины, на одномъ-ли изъ береговъ Дарданеллъ или въ Атмейданѣ Стамбульскомъ;—но принявъ въ соображенне, что вы не можете терять по напрасну ни одной минуты и изъ опасенн, не обезпokoить васъ, я ни о чемъ не пишу.

Я позволяю себѣ только воздѣть руки къ Звѣздѣ Сѣвера; я принадлежу къ числу поклонниковъ небесныхъ свѣтилъ.

Дряхлый Фернейскнй больной.

*) В. К. Павелъ Петровичъ.

Фервэй, 12-го августа (1773 г.)

Государыня, да пазволить мнѣ Ваше Императорское Величество, прежде всего, поцѣловать ваше письмо, адресованное изъ Петергофа, отъ 19-го іюня, по вашей греческой хронологіи, которая въ сущности нисколько не лучше нашей; но какимъ-бы манеромъ ни вычисляли мы свое время, вы свои дни считаете побѣдами; вы же знаете сколь онѣ мнѣ дороги. Мнѣ представляется, какъ будто я самъ совершилъ переходъ черезъ Дунай. Во снѣ я вижу себя вскакивающимъ на лошадь и во весь галопъ несущимся въ Адрианополь. Я не перестану вамъ утверждать, что мнѣ кажется это крайне удивительнымъ, непослѣдовательнымъ, печальнымъ и грустнымъ со всѣхъ сторонъ, что ваши друзья, императрица - королева и римскій императоръ, а также и Бранденбургскій герой, до сихъ поръ вкугѣ съ вами не совершаютъ путешествіе въ Константинополь. Такое прекрасное развлечение отняло-бы у васъ не болѣе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ, а затѣмъ вы устроились-бы между собой совершенно точно такъ же, какъ вы устроились относительно Польши.

Прошу прощенія у Вашего Величества, но дѣло въ томъ, что эта прелестная прогулка въ Пропонтиды, кажется мнѣ столь натуральною, легкою, пріятною и приличною, что меня не перестаетъ изумлять, какъ до сихъ поръ три великія державы не доставили себѣ этого удовольствія. Вы мнѣ возразите государыня, что современемъ я дождусь его, но позвольте мнѣ сказать, что я вынужденъ сильно настаивать на этомъ, ибо мнѣ остается жить только два дня, а я хочу видѣть это событіе прежде, чѣмъ умру. Августѣйшая Екатерина не можетъ-ли подружески сказать Августѣйшей Маріи-Терезіи слѣдующее: «Милая моя Марія! вспомните, что турки дважды являлись осаждать Вѣну; подумайте, что вы упускаете самый лучший случай когда-либо представлявшійся со времени Ортогула или Ортогрула, и что если мы оставимъ свободно дышать враговъ святаго христіанскаго имени и всѣхъ изящныхъ искусствъ, то про-

клятые эти турки сдѣлаются, пожалуй, еще грознѣе, чѣмъ они были когда-бы то ни было? Кавалеръ Тоттъ, хотя онъ и не инженеръ, но у него не мало изобрѣтательности, онъ сумѣетъ укрѣпить всѣ ихъ слабыя мѣста на моряхъ Эгейскомъ и Понтъ-эвксинскомъ, не смотря даже на то, что Мустафа и его великій визирь и не подозрѣваютъ, что оба эти моря когда-либо назывались Понтомъ-Эвксиномъ и Эгеемъ. Янычарь и левантійцевъ мы сумѣемъ дисциплинировать. Нашъ милый другъ Али-бей умретъ. Мустафа сдѣлается, такимъ образомъ, полнымъ властителемъ этой прелестнѣйшей страны Египта, нѣкогда поклонявшейся кошкамъ и никакого понятія еще не имѣющей обь Іоаннѣ-Непомукѣ.

«И такъ, мы русскіе, австрійцы, пруссаки, воспользуемся же представляющимъ намъ благопріятнымъ случаемъ, ринемся вмѣстѣ на этихъ враговъ греческой и латинской церкви. Королю Прусскому, нисколько не заботящемуся о какой-бы ни было церкви, мы уступимъ, самое большее одну или двѣ провинціи, а сами отправимся ужинать въ Константинополь».

Конечно, когда заговорить объ этомъ сама августѣйшая Екатерина, то она скажетъ рѣчь и краснорѣчивѣе и патетичнѣе; но можно-ли придумать что — нибудь болѣе разумнаго и осуществимаго? развѣ это не лучше изобрѣтенныхъ мной колесницъ Кира? Увы! эту мысль о подобномъ крестовомъ походѣ ожидаетъ та же участь, что постигла и мои колесницы. Отколотивъ хорошенько турокъ, вы заключите съ ними миръ: вы себѣ выгадаете кое-что, и турки будутъ продолжать попрежнему держать у себя въ плѣну женщинъ и останутся друзьями кельтовъ, а я останусь, такимъ образомъ, удовлетвореннымъ только на половину.

Но восторгъ мой къ Вашему Императорскому Величеству простирается не на половину, онъ доходитъ до степени энтузіастической ярости; да проститъ Ваше Величество мою безграничность ради глубокаго къ ней уваженія.

Дряхлый Фернейскій больной.

Екатерина Вольтеру.

15—26 сентября (1773 г.)

М. г., я готова удовлетворить васъ въ томъ, о чемъ вы даже не просите меня, но на что вы намекаете въ вашемъ письмѣ отъ 10 августа; отвѣчаю также и на то, что было отъ 12 того же мѣсяца, и которое я получила одновременно. Это предвѣщаетъ вамъ длинное посланіе, способное нагнать на васъ зѣвоту, взамѣнъ вашихъ прелестныхъ, но крайне короткихъ писемъ; коли хотите, бросьте его въ огонь; но вспомните при этомъ, что скука входитъ въ кругъ моихъ обязанностей и что она слѣдуетъ всегда за королями. И такъ, чтобы укоротить ее, я приступаю къ дѣлу.

Г. Румянцевъ, вмѣсто того, чтобы, согласно вашему желанію, основать свою квартиру въ Стамбульскомъ Атмейданѣ, призналъ болѣе умѣстнымъ вернуться назадъ; это потому, говоритъ онъ, что въ окрестностяхъ Силистріи онъ не нашелъ хорошаго обѣда, а поваръ великаго визиря находится въ Шумлѣ. Это вполнѣ вѣроятно, но онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, предвидѣть, что въ отношеніи обѣда ему не придется рассчитывать на визиря. Фактъ этотъ я отношу къ числу географическихъ ошибокъ и утѣшаю себя, поэтому, бесѣдою съ ландграфинею Дармштадтской, женщиной, надѣленной отъ природы сильною и мужественною душою, умомъ возвышеннымъ и культивированнымъ. Четвертая изъ ея дочерей выходитъ замужъ за моего сына *); обрядъ вѣнчанія назначенъ на 29 сентября ст. стилия.

Какъ глава греческой церкви, я не могу оставить васъ въ невѣдѣніи относительно духовнаго обращенія принцессы Дармштадтской, совершеннаго стараніями, ревностью и убѣжденіемъ епископа Платона, который и при-

*) В. К. Павла Петровича.

ведеть ее въ лоно вселенской греко-католической церкви, единой истинно-вѣрующей и утвержденной на Востокѣ. Раздѣлите-же нашу радость и да послужить она вамъ въ утѣшеніе въ то время, когда ваша церковь латинская удручена, раздѣлена и озабочена достопамятнымъ дѣломъ истребленія братства Иисусова.

Въ свитѣ наслѣднаго принца Дармштадтскаго я имѣла удовольствіе увидать г. Гримма. Его бесѣда—наслажденіе для меня; но у насъ еще такъ много, о чемъ намъ нужно переговорить, что всѣ наши разговоры до сихъ поръ отличались болѣе горячностью, нежели порядкомъ и послѣдовательностью. Много говорили мы о васъ. Я ему сказала (вы, можетъ быть, уже позабыли это), что ваши сочиненія пріучили меня мыслить.

Съ минуты на минуту я ожидала Дидро; но, къ моему величайшему сожалѣнію, я узнаю теперь, что онъ заболѣлъ въ Дуйсбургѣ. *Histoire politique et philosophique du commerce des Indes* возбудила во мнѣ сильнѣйшее отвращеніе къ завоевателямъ Новаго Свѣта и это-то помѣшало мнѣ, до сихъ поръ, прочесть посмертное сочиненіе Гельвеція. Я не имѣю о немъ ни малѣйшаго понятія; но, тѣмъ не менѣе, весьма трудно вообразить себѣ, чтобъ Петръ Дикій, этотъ лондонскій уличный носильщикъ, изображеніе котораго я имѣла нарисованное сыномъ Фидіаса-Фальконэ, родился-бы съ способностями, равными способностямъ величайшихъ людей этого вѣка. Я не осмѣливаюсь цитировать синьора Мустафу, моего и вашего врага, такъ какъ г. де-Сенъ-Пріэстъ, обитавшій въ Парижѣ и по тому самому, слѣдовательно, обладающій въ четыре раза больше умомъ, утверждаетъ, что у Мустафы онъ безконеченъ. Да, къ слову сказать, вашъ protégé Ламери дебютировалъ съ одинаковымъ успѣхомъ въ трагедіи, въ роли Орозмана и въ комедіи въ роли сына «*Rège de famille*».

Тысячу благодарностей приношу я вамъ за прекрасную рѣчь, составленную вами для меня, чтобы пригласить, совместно дѣйствовавшіе въ польскихъ дѣлахъ дворы, на ужинъ въ Сераль. Я охотно воспользовалась-бы

ею, еслибы не знала напередъ, что у той дамы *), къ которой вы желаете, чтсбы я обратилась съ вашей рѣчью, имѣется непобѣдимый херувимъ **), сидящій на треножникѣ политики, длинныя и темныя вѣщанія котораго, уничтожатъ весь эффектъ самыхъ лучшихъ рѣчей въ мѣрѣ и не взирая на то, какія-бы великія истины не заключались въ нихъ. Сверхъ того, надо помнить, что есть люди, которые только любятъ ими изобрѣтенное и готовы приносить все въ жертву такого рода идеямъ.

Я, безъ всякаго сомнѣнія, жажду мира, но, чтобы добиться его, мнѣ ничего не остается, какъ продолжать войну до тѣхъ поръ, пока продлится настоящее положеніе вещей; у васъ остается надежда, такимъ образомъ, увидать самолично конецъ плѣна турецкихъ барынь.

Остаюсь всегда той, какой вы меня знаете, и съ живѣйшимъ чувствомъ признательности за все то, что ваши дружескія чувства внушаютъ вамъ ко мнѣ. Я, тѣмъ не менѣе, не перестану желать вамъ Маусаиловыхъ лѣтъ; или, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ того англичанина ***), который былъ веселъ и здоровъ до ста семидесяти лѣтъ. Постарайтесь подражать, вы, который неподражаемы.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 1 ноября (1773).

Государыня, изъ письма отъ 26-го сентября, которымъ Ваше Императорское Величество изволили меня почтить, я узналъ, что Дидро заболѣлъ на границахъ Голландіи. Радуюсь, что въ настоящее время онъ у вашихъ ногъ; еще одинъ французъ, въ числѣ почитателей вашей славы. Если дѣйствительно, существуютъ таковыя въ числѣ приверженцевъ Мустафы, то я смѣю думать,

*) Марія-Терезія.

**) Князь Кауницъ.

***) Дженкинса.

все-таки, что тѣ, которые почитаютъ святую Екатерину, значительно лучше отуречившихся. Правда то, что ни я, ни Дидро—мы не проникаемъ ни въ какіе города черезъ узкія щели, подобно вѣтренникамъ; мы не сдаемъ глупымъ образомъ въ плѣнъ; мы не суемся въ артиллерійскія дѣла, въ которыхъ мы ничего не понимаемъ. Мы просто свѣтскіе миссіонеры, проповѣдующіе культъ святой Екатерины, и гордимся только тѣмъ, что церковь наша—всемирна.

Къ стыду моему, сознаюсь, что мой проектъ крестоваго похода не годится никуда. Я предпочиталъ-бы, чтобы Е. В. Великая Княгиня была перекрещена въ церкви Св. Софіи, въ присутствіи пророка Гримма и чтобы ваша августѣйшая союзница основала въ Босніи и Сербіи такое количество трибуналовъ цѣломудрія, сколько-бы ей заблагоразсудилось. Петръ Пустынникъ былъ склоненъ къ химерамъ, по меньшей мѣрѣ, такъ же, какъ и я, и, однако, онъ преуспѣлъ таки; не слѣдуетъ забывать, впрочемъ, что онъ былъ монахъ; благодать Божія не покидала его, тогда какъ меня она оставила совершенно. Если я лишенъ благодати, то, по крайней мѣрѣ, разумъ говоритъ въ мою пользу.

Говоря серьезно, Государыня, мнѣ кажется абсурднымъ, что упущена возможность сдѣлать столь прекрасное дѣло; я увѣренъ, что потомство будетъ этому изумляться. Мнѣ рассказывали, что одинъ изъ посланниковъ, до начала Прутскаго похода, спросилъ Петра I: гдѣ онъ предполагаетъ устроить столицу своей имперіи? Въ Константинополь,—отвѣтилъ Петръ. На этомъ основаніи, я разсуждалъ такъ: «Екатерина Великая, заглядивъ столь хорошо несчастія Петра Великаго, осуществитъ, безъ всякаго сомнѣнія, намѣренія его, а августѣйшая Марія-Терезія, чья столица дважды была осаждаема турками, всѣмъ своимъ могуществомъ будетъ способствовать успѣху столь святаго дѣла». Я ошибался отъ начала до конца; какъ добрая христіанка, она простила туркамъ; король-же прусскій, глава кальвинистовъ, оказался единственнымъ государемъ, покровительствующимъ

іезуитамъ, въ то время, когда добродушный святой Петръ истреблялъ добродушнаго святаго Игнатія: что скажетъ на все это пророкъ Гриммъ?

Полагать надо, что г. Сень-Приэстъ вполне правъ и что Мустафа — человекъ особеннаго ума, ибо онъ сумѣлъ заинтересовать своими дѣлами лучшихъ христіанъ всего міра и согласить въ свою пользу, какъ французъ, такъ и нѣмцевъ.

Король прусскій не перестаетъ утверждать, что вы одна поколотите Мустафу; что вы не нуждаетесь ни въ чемъ, я съ этимъ согласенъ; но владѣнія ваши не въ той степени населены, какъ онѣ обширны; время, труды и битвы сокращаютъ численность армій и нужны еще цѣлыя столѣтія, прежде чѣмъ населеніе станетъ пропорціонально территоріальнымъ размѣрамъ. Вотъ, что меня удручаетъ; я вижу, что для великихъ душъ время всегда коротко. Не для пустаго и бесполезнаго бумаго-марателю нужны долгіе годы, а для героини, рожденной измѣрять поверхность земнаго шара. Она еще въ расцвѣтѣ своихъ лѣтъ, и я желалъ-бы, чтобы Господь Богъ снабдилъ ее патентованными дипломами, контрастированными Маусайломъ, для того, чтобы она могла довести свое Государство до того состоянія, какое ей нужно. Рассказываютъ, что нѣсколько корпусовъ турокъ разбито; это утѣшеніе большое для Петра Пустынника.

Склоняюсь къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ наиглубочайшимъ уваженіемъ и несокрушимою преданностью.

Фернѣй, 30-го декабря (1774 г.)

Государыня, король Пруссскій сдѣлалъ мнѣ честь, сообщивъ 10-го декабря, что армія ваша разбила великаго визиря и что Силистрія взята. Онъ присовокупляетъ, что великій визирь съ священнымъ знаменемъ Магомета бѣжалъ въ Адрианополь. Я полагаю, что король никогда не можетъ ошибаться, когда сообщаетъ извѣстія; ис-

ходя изъ этого предположенія, я готовъ теперь же умереть не отъ старости, какъ мнѣ это только-что предвѣщали, прежде чѣмъ я получилъ письмо отъ короля Прусскаго, а отъ радости.

Мертвый или живой, но тѣмъ не менѣе печально то, что находишься такъ далеко отъ чудесъ вашего царствованія; кто дѣйствительно счастливый человѣкъ, такъ это г. Дидро, но онъ и достоинъ также своего счастья. Что касается меня, то я умираю отъ отчаянія, что лишень возможности увидать мою героиню, которая, въ то же время, будетъ героиней и всего свѣта, и что я не могъ ей выразить лично свое наиглубокое уваженіе и наибезполезное почтеніе.

Еваторина Вольтеру.

27-го—декб.,—7-го янв. (1774 г.)

М. г., философъ Дидро,—здоровье его продолжаетъ быть еще шаткимъ,—останется у насъ до февраля мѣсяца, и ужъ затѣмъ только вернется къ себѣ на родину; Гриммъ также рассчитываетъ уѣхать около того-же времени. Я вижу съ ними очень часто, и наши разговоры—безконечны. Они расскажутъ вамъ, какое употребленіе я дѣлаю изъ Генриха IV, «Генрияды» и изъ множества другихъ сочиненій того-же автора, ознаменовавшаго своими произведеніями нашъ вѣкъ.

Я не знаю, скучаютъ ли они очень въ Петербургѣ или нѣтъ, но по отношенію къ себѣ, я могу сказать, что съ удовольствіемъ-бы провела всю свою жизнь въ бесѣдѣ съ ними. Въ Дидро я нашла воображеніе неистощимое и потому я отношу его къ числу людей самыхъ необыкновенныхъ, какіе когда-либо существовали. Если онъ и не любитъ Мустафы, какъ вы объ этомъ мнѣ сообщаете, то за то онъ, покрайней мѣрѣ, какъ я въ этомъ увѣрена, и не желаетъ ему никакого зла; не взирая на всю энергію его ума и на расположеніе, какъ я замѣ-

чаю, склонить вѣсы въ мою сторону, сердечная его доброта не позволитъ ему этого сдѣлать.

Ну, чтоже, ничего не остается, какъ утѣшаться, если придуманный вами проектъ крестоваго похода оказался неудачнымъ, допустивъ предположеніе, что вы встрѣтились въ этомъ отношеніи съ добрыми, мягкими душами, за которыми, однако, нельзя признать энергіи присущей Дидро.

Какъ глава греческой церкви, я по доброй совѣсти не могу оставить заблужденія вашего безъ возраженія. Вы желали-бы, говорите вы, чтобъ великая княгиня была перекрещена въ св. Софіи. Вы сказали: перекрещена? А! м. г., я должна вамъ сказать, что греческая церковь никого не перекрещиваетъ; она разсматриваетъ всякое крещеніе совершенное въ каждой другой христіанской общинѣ, какъ совершенно правильное и дѣйствительное. Великая княгиня, послѣ того, какъ она произнесла на русскомъ языкѣ символъ православной вѣры, была тотчасъ же принята въ лоно православной церкви, по совершеніи надъ ней нѣсколько разъ крестнаго знаменія и помазанія ея благовоннымъ масломъ, что было совершенно надъ ней при торжественномъ богослуженіи, и что называется, какъ у васъ, такъ и у насъ, конфирмаціей. При этомъ случаѣ помазываемой нарекается имя, но въ этомъ отношеніи мы гораздо болѣе скупы нежели вы, дающіе имена цѣлыми дюжинами; здѣсь принято брать одно имя и этого намъ достаточно.

Ознакомивъ васъ съ этою важною строкою даннаго порядка вещей, я продолжаю отвѣчать вамъ на ваше письмо отъ 1-го ноября. Да будетъ вамъ извѣстно, что корпусъ отдѣленный отъ нашей главной арміи, совершивъ переходъ черезъ Дунай въ октябрѣ мѣсяцѣ, разбилъ весьма значительный корпусъ турокъ, взявъ въ плѣнъ нашу съ тремя хвостиками, который ими командовалъ.

Это событіе могло-бы имѣть послѣдствія, но дѣло въ томъ, (что, весьма вѣроятно вамъ не понравится), что оно не имѣло никакихъ; такимъ образомъ, я и Мустафа, мы

находимся, почти что, въ томъ положеніи, въ какомъ мы были мѣсяцевъ шесть тому назадъ: онъ близкій къ припадеу астмы, я же чувствующую себя прелестно. Весьма возможно, что этотъ султанъ человѣкъ высокаго ума, но его бьютъ, тѣмъ не менѣе, въ продолженіи пяти лѣтъ, не взирая на совѣты г. Сень-Прізста и наставленія кавалера Тотта; послѣдній усерднымъ отливаніемъ пушекъ и обученіемъ артиллеристовъ сведеть самъ себя въ могилу. Сколько-бы онъ ни одѣвался въ горностаи и кафтаны, турецкая артиллерія не сдѣлается отъ того лучше, не станетъ лучше снаряженною; все это не болѣе какъ ребячества, которымъ придается болѣе значенія нежели они того заслуживаютъ. Не знаю, гдѣ я прочла, что эти остроумныя затѣи присущи кельтамъ.

Прощайте, будьте здоровы и увѣрены, что никто болѣе меня не дорожитъ вашею дружбой.

Петербургъ 8—19 января (1774 г.)

Милостивый государь, мнѣ думается, что извѣстія, сообщенныя вамъ королемъ Прусскимъ о пораженіи великаго визира и о взятіи Силистріи, дошли до него изъ Польши, страны, послѣ Франціи, всего болѣе распускающей фальшивыя извѣстія. Мнѣ остается выждать, какъ праздно болтающіе займутся теперь измышленіями на счетъ разбойника съ большой дороги, который грабитъ Оренбургскую провинцію, и чтѣбы нагнать подчасъ поболѣе страху на народъ, является, въ иныхъ мѣстахъ, подъ именемъ Петра III, а въ другихъ, подъ именемъ его уполномоченнаго. Эта обширная провинція заселена далеко не пропорціонально своему протяженію; гористая ея часть занята татарами, извѣстными подъ именемъ Башки, и скитающимися разбойниками съ самаго сотворенія міра. Низменная ея часть заселена всею тою дрянью, отъ которой Россія считала возможнымъ и удобнымъ освободить себя въ продолженіи цѣлыхъ сорока лѣтъ, подобно тому, какъ это дѣлалось, почти въ томъ-же родѣ,

въ американскихъ колоніяхъ, при заселеніи пустынныхъ мѣстъ.

Генераль Бибииковъ отправился съ отрядомъ войскъ, для возстановленія спокойствія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно нарушено. При прибытіи его въ Казань, находящуюся въ семи стахъ верстахъ отъ Оренбурга (или ста нѣмецкихъ лье), дворянство этого царства явилось къ нему съ предложеніемъ примкнуть къ его отряду въ числѣ четырехъ тысячъ прекрасно вооруженныхъ людей, съ хорошо выѣзженными лошадьми и содержимыми на ихъ собственный счетъ. Онъ принялъ ихъ предложеніе. Одного этого отряда будетъ болѣе, чѣмъ достаточно, для возстановленія порядка въ смежной губерніи.

Вы поймете меня, конечно, что эта шаловливая выходка, со стороны рода человѣческаго, не въ состояніи нисколько нарушить удовольствія, испытываемаго мною въ бесѣдѣ съ Дидро. Сколь поразительно необычайна голова подобнаго человѣка. Сердце такого закала должно-бы быть присуще всѣмъ людямъ; но такъ какъ, въ концѣ концовъ, все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ существующихъ міровъ, и ничто не въ состояніи измѣниться, то и подобаетъ оставить все идти своимъ чередомъ и не утруждать свой мозгъ бесполезными притязаніями. Мое-же не перестанетъ никогда свидѣтельствовать вамъ мою признательность за всѣ выраженія вашей ко мнѣ дружбы.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

2-го февраля (1774 г.)

Государыня, письмо отъ 19-го января, которымъ Ваше Императорское Величество почтили меня, перенесло меня мыслями въ Оренбургъ и познакомило съ г. Пугачевымъ; по всему вѣроятію, виновникъ этого фарса никто иной, какъ кавалеръ Тоттъ; но дѣло въ томъ, что мы не живемъ уже во времена Дмитрія и та театральная комедія, которая могла имѣть успѣхъ двѣсти лѣтъ тому

назадъ, теперь будетъ освистана. Еслибы какой-нибудь самозванный Инка рѣшился теперь явиться въ Перу, выдавая себя за сына или внука солнца, то я сильно сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь призналъ его за такового, хотя-бы его вздумали рекомендовать даже іезуиты и даже если-бы они привели въ его пользу разныя пророчества.

Ваше Величество, повидимому, не особенно озабочено безразсудною затѣею г. Пугачева. Провинцію Оренбургскую я воображалъ себѣ чрезвычайно пріятною областью вашей имперіи, куда Персы, во время своихъ междоусобныхъ войнъ, свозили свои богатства и гдѣ только можно было думать о наслажденіи; оказывается, что это страна варварская, наполненная бродягами и негодяями. Лучи ваши не въ силахъ проникнуть повсемѣстно, и въ одно и въ то же время; государство, въ двѣ тысячи лье въ длину, просвѣщается лишь постепенно. Это обстоятельство укрѣпляетъ меня въ мысли о древности міра. Прошу прощенія у книги Бытія въ томъ, что я всегда былъ того мнѣнія, что прежде, чѣмъ іудейская орда могла научиться читать и писать, нужно было пройти пяти или шести тысячамъ лѣтъ; подозреваю, что ни Геркулесь, ни Тезей не были-бы приняты въ число членовъ вашей петербургской академіи. Наступитъ день, когда населеніе города Оренбурга окажется болѣе люднымъ, нежели населеніе Пекина, и что тамъ будутъ разыгрываться комическія оперы.

Въ ожиданіи-же, я льшу себя тѣмъ, что вы, государыня, будете продолжать бить новаго султана *), или же вы продиктуете ему условія мира, такія, какія предписывали древніе римляне древнимъ царямъ Сиріи. Однако, будучи обремененною страшною тяготою войны съ обширною имперіею, вынося на плечахъ своихъ правительство своего государства, еще болѣе обширнаго, за всѣмъ наблюдая и творя все сами, вы находите, при всемъ этомъ, время еще для бесѣды съ нашимъ филосо-

*) Абдуль-Ахметъ или Ахметъ IV.

фомъ Дидро, словно вы были-бы безъ всякаго дѣла. Я нигдѣ не имѣлъ утѣшенія видѣть этого единственнаго въ мірѣ человѣка, онъ — второе лицо въ этомъ мірѣ, съ которымъ я бы желалъ по бесѣдовать; онъ разсказалъ-бы мнѣ о Вашемъ Величествѣ: величествѣ, нѣтъ, я хочу сказать не то, — о вашемъ превосходствѣ надъ всѣми мыслящими существами, ибо всѣ другія существа — для меня ничто. Прошу у васъ, государыня, поэтому, вашего ходатайства у него. Не сможетъ-ли онъ сдѣлать крюкъ въ пятьдесятъ верстъ, чтобы придти продолжить жизнь мою разсказами о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ у васъ въ Петербургѣ?

Если онъ откажется прибыть ко мнѣ, на берегъ Женевскаго овера, тогда, я уже самъ отправлюсь умирать на берега озера Ладожскаго; мнѣ необходимо видѣть ваше новое твореніе, ибо всѣ другія мнѣ надобли.

Склоняюсь къ стопамъ вашимъ, съ чувствомъ обоженія и божественнаго поклоненія.

Екатерина Вольтеру.

4-го—15 марта (1774 г.)

Милостивый государь, одни газеты только шумятъ такъ много по поводу этого разбойника Пугачева, не находящагося ни въ прямыхъ, ни въ косвенныхъ отношеніяхъ съ г. Тоттомъ. Я же придаю ровно столько-же значенія отливаемымъ послѣднимъ пушкамъ, сколько и съумазбродной затѣѣ перваго. Между г. Пугачевымъ и г. Тоттомъ есть, однако, то общее, что первый, изо дня въ день, вьетъ самъ себѣ пеньковую веревку, тогда какъ другой рискуетъ ежеминутно получить шелковый шнурокъ.

Дидро уѣхалъ обратно въ Парижъ. Бесѣды наши были очень часты и посѣщеніе его доставило мнѣ величайшее удовольствіе. Не часто встрѣчаются люди, подобные ему. Ему тяжело было разстаться съ нами; только привязанность къ семьѣ побудила его разстаться. Я

передала ему о вашемъ желаніи видѣть его. Въ Гагѣ онъ остановится на время. Настоящее письмо отвѣчаетъ на ваше отъ 4-го марта ст. стилиа. Въ данную минуту, нѣтъ у меня ничего интереснаго, для сообщенія вамъ, но это не мѣшаетъ мнѣ повторить вамъ тѣ чувства дружбы, почтенія и уваженія, что вы мнѣ внушили къ себѣ съ давнихъ поръ.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

9-го августа (1774).

Государыня, положительно, я лишился милостей при вашемъ дворѣ. Ваше Императорское Величество промѣняли меня, или на Дидро, или на Гримма, или на какого-либо другаго фаворита; въ моей старости у васъ нѣтъ ни малѣйшаго вниманія; пусть-бы Ваше Величество были еще французской кокеткой, но, какимъ образомъ могла сдѣлаться непостоянною государыня побѣдительница и законодательница?

Ради васъ, я перессорился со всѣми турками и даже съ самимъ маркизомъ Пугачевымъ, и за все это, въ награду, получилъ отъ васъ только забвеніе. Такъ, вотъ-же за то: отнынѣ я перестаю любить государынь.

При всемъ томъ, я размышляю, чѣмъ-бы я могъ заслужить свою немилость. Я маленькій старикашка, нескромный, допустившій тронуть себя мольбами одного изъ вашихъ подданныхъ, по имени Роза, ливонца по происхожденію, торговца по профессіи, деиста по убѣжденію, и явившагося сюда, въ Фернэ, учиться французскому языку; быть можетъ, онъ не сумѣлъ заслужить вашихъ милостей, о которыхъ я осмѣлился у васъ просить для него.

Я виню себя еще въ томъ, что позволилъ себѣ докучать вамъ черезъ посредство одного француза, имя котораго я совсѣмъ забылъ, но который гордился тѣмъ, что спѣшить въ Петербургъ, чтобы быть полезнымъ Вашему Величеству и который, безъ всякаго сомнѣнія, оказался, навѣрное, совершенно бесполезнымъ.

Однимъ словомъ, я всячески ищю преступленийъ съ своей стороны, чтобы только оправдать ваше равнодушіе.

Убѣждаюсь, что нѣтъ такой страсти, которая не кончилась-бы. Мысль эта способна была бы уморить меня съ досады, еслибы я не былъ близокъ къ смерти, по своей старости.

Да соизволитъ Ваше Величество принять это письмо, какъ выраженіе моей послѣдней воли, какъ мое духовное завѣщаніе. Подписано: вашъ обожатель, вами покинутый, вашъ дряхлый русскій изъ Фернэ.

Екатерина Вольтеру.

18—24 августа (1774 г.)

М. г. , хотя вы и утверждаете, что находитесь въ опалѣ при моемъ дворѣ, я объявляю вамъ, что вы ошибаетесь: я не бросила васъ ни для Дидро, ни для Гримма, ни для другаго фаворита. Я поклоняюсь вамъ, по прежнему, и, что бы ни говорили, но я и не легкомысленна, и не непостоянна.

Маркизь Пугачевъ надѣлалъ мнѣ порядкомъ хлопотъ въ нынѣшнемъ году; я была принуждена, въ теченіи шести недѣль, заниматься этимъ дѣломъ, и заниматься безпрерывно; затѣмъ, вы меня браните и говорите мнѣ, что ни за что больше не станете любить Императрицу. Однако-же, мнѣ кажется, что, заключивъ не дурной миръ съ турками, вашими и моими врагами, я заслужила отъ васъ нѣкоторую снисходительность, а не ненависть.

Не смотря на хлопоты, я не забыла дѣла Розы, ливонца, вашего протежэ. Его пропускной листъ не могъ быть отправленъ въ Любекъ, какъ вы желали, потому что Роза, кромѣ долговъ, еще бѣжалъ изъ тюрьмы, унося съ собою нѣсколько тысячъ рублей, принадлежащихъ различнымъ лицамъ: его бы заключили опять въ тюрьму, не обращая вниманія на пропускной листъ, который не въ обычаѣ у насъ. Отъ васъ я давно уже не получала другаго

Вольтеръ.

15

письма, кромѣ того, въ которомъ идетъ рѣчь о Розѣ, и слѣдовательно, не имѣю ни малѣйшаго понятія о французѣ, о которомъ вы мнѣ говорите въ вашемъ письмѣ отъ 9 этого мѣсяца.

Я бы тоже, м. г., имѣла право жаловаться на ваше ко мнѣ равнодушіе, если-бы не видѣла, сквозь вашу досаду, всего интереса, который внушаетъ вамъ еще любовь ко мнѣ. Живите, м. г., и помиритесь; вѣдь, не изъ-за чего намъ ссориться; надѣюсь, что въ параграфѣ, относящемся ко мнѣ, вы уничтожите изъ вашей духовной пунктъ, столь мало для меня любезный. Вы—хорошій русскій и не можете быть врагомъ Екатерины.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Февра, 6-го октября (1774 г.)

Государыня

L'amour fit le serment, l'amour l'a violé *).

Я прощаю Вашему Императорскому Величеству и облекаюсь снова въ ваши цѣпи. Продолжая негодовать на васъ, ни я, ни турки, мы ничего не выиграемъ; но, если-бы мнѣ было позволено, то я поставилъ-бы только одно условіе, при которомъ я такъ благосклонно готовъ простить Ваше Величество: это чтобы мнѣ было разъяснено, что такое этотъ маркизь Пугачевъ — агентъ или орудіе? У меня не хватаетъ дерзости просить васъ о сообщеніи мнѣ его тайны: не вѣрится мнѣ, чтобъ маркизь былъ орудіемъ Ахмета IV, столь плохо выбирающаго и для себя и, вѣроятно, даже не имѣющаго изъ чего-бы сдѣлать выборъ. Не слуга Пугачевъ и папы Ганганелли, съ паспортомъ св. Игнатія, отправившагося за розысканіемъ св. Петра. Тѣмъ менѣе, онъ могъ состоять на жалованьи либо у короля Китайскаго, либо у короля Персидскаго, либо

*) В а ж а з е т, актъ III, сцена V.

у великаго Могола. Я бы самымъ осторожнымъ образомъ, поэтому, сказалъ этому Пугачеву слѣдующее: «М. г., хозяинъ-ли вы или лакей? Дѣйствуете-ли вы за свой собственный счетъ или за счетъ другаго? Мнѣ нѣтъ надобности знать, кто вами руководить, я хочу знать: дѣйствуете-ли вы по собственному побужденію: но, что бы тамъ ни было, г. маркизь, я, тѣмъ не менѣе, не отрицаю за вами права быть повѣщеннымъ: вы достойны этого вполнѣ, такъ какъ вы преступны не только въ отношеніи моей Августѣйшей Государыни, которая, быть можетъ, васъ, пожалуй, проститъ, но преступны и по отношенію ко всему государству, которое уже васъ не проститъ никогда».

Теперь позвольте-же мнѣ продолжать нить моей рѣчи съ моей самодержицей».

Какъ, государыня, въ то время, когда вы озабочены султаномъ, великимъ визиремъ, разбитою его арміею, своими триумфами, вашимъ столь славнымъ и полезнымъ миромъ, вашими великими созданіями и даже самимъ Пугачевымъ, вы успѣваете бросить свой взглядъ на ливонца Розу! вы угадали въ немъ плута и мошенника! Ваше ясновидящее Величество угадали въ совершенствѣ и какъ же былъ глупъ я, позволивъ соблазнить себя его широкою физиономіею.

Въ нынѣшнемъ году, я не въ состояніи увеличить собою толпу европейцевъ и азіатцевъ, стремящихся созерцать восхитительную самодержицу, побѣдительницу, умиротворительницу и законодательницу. Время слишкомъ уже ушло; но прошу у Вашего Величества позволенія явиться, чтобы упасть къ стопамъ ея, въ будущемъ году, или черезъ два года, или же черезъ десять. На какомъ основаніи я буду лишать себя удовольствія похоронить себя въ какомъ-нибудь углу Петербурга, откуда я бы могъ васъ видѣть проходящею взадъ и впередъ подъ побѣдными арками, увѣнчанною лаврами и маслиною?

Въ ожиданіи, я склоняюсь къ стопамъ вашимъ изъ моей Фернейской ямы, созерцая портретъ вашъ глазами, всегда полными удивленія, и съ сердцемъ, преисполненнымъ восторга.

Дряхлый больной.

Ферна, 19-го октября (1774 г.)

Государыня, дерзость моя сегодня не имѣть въ виду утруждать Ваше Императорское Величество ни напоминаніемъ о широкой фізіономіи ливонца Розы, ни объ адвокатѣ Дюменилѣ, который собирался помогать вамъ въ составленіи законовъ на основаніи совѣтовъ своего крестнаго отца. Сегодня дѣло касается одного благороднаго юноши, прекраснаго геометра, прекраснаго инженера, добронравственнаго и мужественнаго. Зовутъ его Мюрнанъ: родомъ онъ изъ той-же провинціи, что и я. Онъ особенно рекомендуется г. Эйлеру, удостоиваемому вами милостью. Всѣ учителя его свидѣлствуютъ о немъ съ превосходнѣйшей стороны.

Ваше Величество нисколько не должно быть удивлено его страстнымъ желаніемъ поступить къ вамъ на службу. Все, что должно печалить этого юнаго офицера, такъ это то, что вы столь рано заключили миръ съ султаномъ, такъ какъ онъ мечталъ похитить планъ Константинополя и противодѣйствовать кавалеру Тотту.

Я не имѣю смѣлости представлять вамъ кого-либо; но Ваше Величество не можете-таки возбранить мнѣ быть крайне ревнивымъ ко всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ двадцать пять лѣтъ, кто въ состояніи отправиться на берега Невы или Босфора, кто въ силахъ служить и руками и головою и кто можетъ, если подвернется случай, быть убитымъ на службѣ вамъ. Тяжело жить, въ противномъ случаѣ, въ углу, у своего домашняго очага.

Съ грустью склоняюсь я къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества—какъ дрялый, ви къ чему не нужный швейцарецъ.

Екатерина Вольтеру.

22 октября—2 ноября (1774 г.)

Съ удовольствіемъ, м. г., я удовлетворю вашу любознательность по отношенію къ Пугачеву: это будетъ мнѣ тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что вотъ уже мѣсяць, какъ онъ

схваченъ или, выражаясь вѣрнѣе, связанъ и скрученъ своими собственными-же людьми въ необитаемой степи между Волгой и Яикомъ, куда онъ былъ загнанъ посланными противъ него со всѣхъ сторонъ войсками. Лишенные припасовъ и средствъ для продовольствованія, товарищи его, возмущенные, сверхъ того, еще жестокостями, имъ творимыми, и въ надеждѣ заслужить прощенье, выдали его коменданту Яицкой крѣпости, который и отправилъ его оттуда въ Симбирскъ къ генералу графу Панину. Въ настоящее время онъ въ дорогѣ, на пути къ Москвѣ. Когда его привели къ графу Панину, онъ совершенно наивно признался, на первомъ-же допросѣ, что онъ донской казакъ, назвалъ мѣсто своего рожденія, сказалъ, что женатъ на дочери донскаго казака, что у него трое дѣтей, что во время этихъ смутъ онъ женился вторично на другой, что братья и племянники его служить въ первой арміи, что онъ самъ въ ней служилъ, участвовалъ въ двухъ первыхъ походахъ противъ Порты и пр., и пр.

Такъ какъ у генерала Панина въ войскѣ не мало донскихъ казаковъ и такъ какъ войска этой національности ни разу не клевали на крючекъ этого разбойника, то все сказанное было тотчасъ-же провѣрено черезъ земляковъ Пугачева. Хотя онъ не знаетъ ни читать, ни писать, но, какъ человѣкъ, онъ крайне смѣлъ и рѣшителенъ. До сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ предполагать, чтобъ онъ былъ орудіемъ какой-либо державы, или чтобъ онъ слѣдовалъ чьему-либо вдохновенію. Приходится предполагать, что г. Пугачевъ самъ хозяйный-разбойникъ, а не лакей какой-либо живой души.

Послѣ Тамерлана, я думаю, едва-ли найдется кто либо другой, кто болѣе истребилъ рода человѣческаго. Во-первыхъ, онъ вѣшалъ безъ пощады и всякаго суда всѣхъ лицъ дворянскаго рода, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, всѣхъ офицеровъ, всѣхъ солдатъ, какіе ему только попадали въ руки: ни единое мѣстечко, по которому онъ прошелъ, не избѣгло расправы его; онъ грабилъ и опустошалъ даже тѣ мѣста, которыя, чтобъ избѣгнуть его

жестокостей, пытались заслужить его расположение добрым приемомъ: никто не былъ у него безопасенъ отъ разбоя, насилія и убійства.

Но что покажетъ вамъ хорошо, какъ далеко можетъ обольщаться человекъ: это то, что онъ осмѣливается питать еще кое-какія надежды. Онъ воображаетъ, что, въ виду его отваги, я могу его помиловать и что свои прошлыя преступленія онъ могъ-бы загладить своими будущими услугами. Разсужденіе его могло-бы оказаться правильнымъ и я могла-бы простить его, еслибъ содѣянное имъ оскорбляло меня одну; но дѣло это — дѣло, затрогивающее государство, у котораго свои законы.

Изъ этого вы можете заключить, м. г., что Дюмениль, адвокатъ, о которомъ я рѣшительно ничего никогда не слыхала, не взирая на всѣ заявленія его крестнаго, пожаловалъ для законодательства слишкомъ поздно. Даже г. Ла-Ривьеръ, воображавшій насъ, шесть лѣтъ тому назадъ, ходящими на четырехъ ногахъ и съ чрезвычайною любезностью давшій себѣ трудъ пожаловать къ намъ съ острова Мартиники, дабы выучить насъ ходить на заднихъ лапахъ, прибылъ уже не во время.

Что касается до цѣлованія рукъ у поповъ, о которомъ вы меня спрашиваете, то я вамъ отвѣчу, что это обычай греческой церкви, установленный, я думаю, почти такъ-же давно, какъ и она сама. Уже десять или двѣнадцать лѣтъ, какъ священники наши начинаютъ сами не давать своихъ рукъ, одни изъ вѣжливости, другіе отъ самоуниженія. И потому не слишкомъ волнуйтесь противъ стараго обычая, который самъ собой уничтожается постепенно.

Не знаю, будете-ли вы меня также сильно бранить за то, что я, съ четырнадцатилѣтняго своего возраста, всегда сообразовалась съ этимъ установленнымъ обычаемъ. Во всякомъ случаѣ, я не одна заслужила-таки это. Если-бы вы пріѣхали сюда и сдѣлались-бы священникомъ, я попросила-бы у васъ благословенія, и когда вы дали-бы его мнѣ, я отъ всего сердца поцѣловала-бы ту руку, которая написала столько прекрасныхъ вещей и столько по-

лезныхъ истинъ. Но, чтобъ вы могли знать, гдѣ меня найти, я предупреждаю васъ, что нынѣшнею зимою я отправляюсь въ Москву. Прощайте, будьте здоровы.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Февр., 16 декабря (1774 г.).

Государыня, должно быть, этотъ маркизь Пугачевъ былъ чортъ знаетъ что за человѣкъ? Надо же быть столь глупымъ, какъ турецкій диванъ, чтобъ не помочь ему деньгами. И онъ не умѣлъ даже читать, подобно Чинчичану и Тамерлану? Говорять, были же люди, основавшіе религію и не умѣвшіе въ то же время подписать даже своего имени. Все это, впрочемъ, служить не къ чести природы человѣческой; что дѣлаетъ ей честь—такъ это ваше великодушіе. Ваше Императорское Величество подаетъ собою великіе примѣры, которымъ послѣдовалъ уже в. князь, сынъ вашъ. Недавно онъ назначилъ пенсію молодому человѣку, по имени Ла-Гарпу, одному изъ моихъ друзей, извѣстному ему только по своимъ заслугамъ, слишкомъ мало оцѣненнымъ во Франціи. Благія дѣла такого рода, у мѣста распространяемыя, закрываютъ уста молвы и переходятъ къ потомству.

Я думаю, Ваше Величество, что вы, которая умѣете и читать и писать, вы вернетесь теперь къ вашей прекрасной законодательной работѣ, хотя и нѣтъ болѣе подлѣ васъ бѣдняка—Солона, именуемаго Ла-Ривьеромъ, явившимся къ вамъ съ цѣлью поучать васъ и, не смотря на то, что должность перваго министра не занимаетъ еще пока этотъ адвокатъ безъ дѣлъ, именуемый Дюменилемъ, пріѣхавшій къ вамъ отъ имени своего крестнаго отца, чтобъ насаждать въ Петербургѣ парижскіе обычаи.

Вы обречены, такимъ образомъ, издавать законы безъ помощи этихъ двухъ великихъ дѣятелей; но я васъ заклинаю, государыня, внести въ ваше уложеніе спеціальный законъ, которымъ бы запрещалось цѣловать руки по-

памъ, за исключеніемъ только ихъ любовницъ. Правда, что Маріѣ Магдалинѣ Исусъ Христосъ допустилъ облобызать свои ноги; но, ни ваши, государыня, ни наши попы не имѣютъ ничего общаго съ Исусомъ Христомъ.

Я сознаю, что въ Италіи и Испаніи барыни цѣлуютъ руки у якобинцевъ и кордельеровъ и потому эти бездѣльники позволяютъ себѣ слишкомъ много съ нашими женами. Я желалъ бы, чтобъ петербургскія женщины воспитали въ себѣ нѣсколько больше чувствъ гордости. Если-бъ я былъ женщиною въ Петербургѣ, молодою и красивою, я-бъ цѣловалъ только руки вашихъ храбрыхъ офицеровъ, и на морѣ и на сушѣ обращавшихъ въ бѣгство турокъ, и позволилъ бы имъ цѣловать себя, какъ имъ было-бы угодно. Никогда въ жизни, я не могъ бы заставить себя рѣшиться поцѣловать руку монаха, зачастую весьма грязную. Касательно этого великаго вѣдателя я думаю посовѣтоваться съ крестнымъ сыномъ Дюменна.

Въ ожиданіи же, позвольте мнѣ, государыни, поцѣловать статую Петра Великаго и кончикъ платья ея болѣе великой Екатерины. Я знаю, что у ней рука грейсвѣйшая изъ всѣхъ рукъ всего духовенства, существующаго въ ея государствѣ; но я могу позволить себѣ поцѣловать только ножки ея, которыя столь же бѣлы какъ снѣгъ въ ея странѣ.

Умоляю Ея Величество соизволить сохранить немножечко милостиваго расположенія къ старому альпійскому болтуну.

Екатерина Вольтеру.

Царское-Село, 29-го дек. 9-го янв. (1775 г.).

М. г., сегодня я отвѣчаю на два ваши письма. Письмо отъ 19 октября я получила черезъ г. Мюрнана, которому вы поручили его доставить; ваша рекомендація опредѣлила его на службу ко мнѣ, хотя война и окончена.

Маркизь Пугачевъ, о которомъ вы снова упоминаете

въ письмѣ своемъ отъ 16-го декабря, проведя жизнь свою какъ негодяй, кончить ее скоро какъ подлецъ. Въ тюрьмѣ своей онъ оказался столь слабодушнымъ и робкимъ, что его вынуждены были съ особенною осторожностью приготовить къ казни изъ опасенія, чтобъ онъ не умеръ со страха на мѣстѣ.

Черезъ нѣсколько дней я отправляюсь въ Москву. И тамъ-то я возьмусь снова за великій трудъ законодательства, дѣйствительно, лишенная помощи Солона-Ларивьера и привычки къ этому дѣлу адвоката Дюмениля, о которомъ я до сихъ поръ ровно ничего не слыхала. Я, тѣмъ не менѣе, была бы очень довольна познакомиться съ его крестнымъ; быть можетъ, онъ снабдилъ бы меня готовымъ проектомъ направленнымъ къ полнѣйшему уничтоженію обычая цѣлованія рукъ у поповъ, противъ котораго вы съ такою силою возстаете. Когда вы познакомитесь съ этимъ крестнымъ, то вы, вѣроятно, не откажетесь сообщить мнѣ его мнѣніе; пока же, вы допустите, чтобъ этотъ старинный обычай вывелся изъ употребленія самъ собой, потихонечку.

Четыре моихъ военныхъ фрегата прибыли изъ Архипелага въ Константинополь; одинъ изъ нихъ прошелъ въ Черное море, чтобы отправиться въ нашъ Керченскій портъ,—феноменальное это событіе, первое, какъ я полагаю съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, совершилось не предшествуемое появленіемъ какой-либо кометы. Извѣстно-ли это крестному г. Дюменилю? и что онъ на это скажетъ?

Вѣроятно, ему будетъ не безпріятно узнать о вѣжливомъ поступкѣ со стороны моего дорогаго брата и друга султана Абдуль-Ахмета; смотря изъ глубины своего гарема на проходившіе мимо мои фрегаты, онъ выслалъ мнѣ на встрѣчу шлюпку, дабы предупредить ихъ о нахожденіи большого количества подводныхъ камней въ извѣстномъ мѣстѣ канала и дабы они приняли такимъ образомъ, мѣры предосторожности противъ теченія, которое увлекло-бы ихъ въ эту сторону. Это очень гуманно и очень вѣжливо.

Будьте увѣрены, м. г., что чувства мои къ вамъ всегда неизмѣнны и что я крайне чувствительна и признательна вамъ за все, что вы говорите мнѣ пріятнаго и прочее.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 28 іюня (1775 г.).

Государыня, простите, вотъ въ чемъ дѣло.

Очень хорошій живописецъ Барра является ко мнѣ и находитъ меня пишущимъ передъ вашимъ портретомъ; онъ срисовываетъ меня въ этомъ положеніи и осмѣливается желать поднести эту фантазію къ ногамъ Вашего Величества, вставляетъ въ рамку и отправляетъ. Я могу только умолять васъ простить дерзость этого художника. Это такой человѣкъ, который, къ тому-же, умѣетъ въ четверть часа сдѣлать болѣе, чѣмъ другіе не сдѣлали-бы въ недѣлю. Онъ расписалъ-бы цѣлую галерею, ранѣе, чѣмъ кончился-бы въ ней балъ; въ особенности, онъ обладаетъ даромъ схватывать сходство. Я знаю за нимъ только одинъ недостатокъ—его рѣшимость взять Ваше Императорское Величество въ судьи своего таланта. Быть можетъ, вы будете на столько снисходительны, что поставите эту картину въ какой-нибудь уголь и скажете, проходя мимо: «Вотъ тотъ, который обожаетъ ради меня свѣтъ, какъ квіетисты обожаютъ Бога». Ваши подданные счастливѣе меня: они васъ обожаютъ и васъ видятъ.

Сію минуту узнаю, что у Вашего Величества, пріобрѣтшаго такую извѣстность на Средиземномъ морѣ, былъ вице-консулъ—нѣмецъ, въ Кадиксѣ, и что онъ умеръ. Есть другой нѣмецъ, Іоанъ-Людвигъ-Петерманъ, живущій въ Кадиксѣ, который-бы прекрасно послужилъ Вашему Величеству, если вы уже не расположили этимъ мѣстомъ. Не мнѣ, конечно, предлагать вамъ ни вице-консуловъ, ни проконсуловъ. Я думаю, что если-бъ еще существовали великіе римскіе консулы, то и они выдержали-бы передъ вами не болѣе великихъ визирей.

Удостойте, государыня, принять съ вершины вашей славы глубокое и бесполезное почтеніе, неизмѣнную привязанность и благодарность стараго фернейскаго больнаго.

Ферна, 7-го сентября (1775 г.).

Государыня, я гораздо смѣлѣе, чѣмъ думалъ, съ благодарительницей пятидесяти или шестидесяти провинцій, побѣдительницей Мустафы. Она простить мнѣ мою дерзость, когда увидить въ чемъ дѣло.

Маркъ-Ле-Фортъ, внучатый племянникъ Франсуа Ле-Форта, оказавшаго довольно значительныя услуги Россіи при Петрѣ Великомъ, представляетъ Великой Императрицѣ Екатеринѣ II, что онъ можетъ служить ей въ торговлѣ ея народа съ Марселемъ. Онъ болѣе двадцати лѣтъ живетъ въ этомъ портѣ и былъ весьма полезенъ во всемъ восточнымъ негоціантамъ.

Если Ея Императорскому Величеству угодно заключить торговый трактатъ съ Франціей, и въ особенности касательно Средиземнаго моря, то Маркъ-Ле-Фортъ предлагаетъ ей свои нижайшія услуги.

Онъ говоритъ, что русскіе корабли могутъ съ большой для себя выгодой привозить въ Марсель коноплю, желѣзо, лѣсъ, поташъ, китовый жиръ, а вывозить всѣ продукты Прованса.

Онъ говоритъ, что шведы и датчане ведутъ подобную торговлю и имѣютъ консуловъ въ Марсели. Эти консулы женеvцы.

Внучатый племянникъ генерала Ле-Форта былъ-бы весьма достойнымъ консуломъ Ея Императорскаго Величества.

Вотъ государыня, въ самое короткое время я подношу къ вашимъ стопамъ вице-консула и консула. Это предложеніе какъ-то смахиваетъ на Римскую Имперію; но, въ глубинѣ моего сердца, я даю предпочтеніе русской.

Я совершенно не знаю, въ какихъ отношеніяхъ состоитъ теперь ваша Имперія съ Кельтами, все еще пре-

тендующими быть французами; что-же касается до меня, то я честь имѣю быть старымъ швейцарцемъ, котораго вы натурализировали въ ваши подданные. Маркъ-Ле-Фортъ лучший подданный, чѣмъ я; мы ждемъ вашихъ приказаній. Старый фернейскій большой принакаетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества: онъ умретъ, произнося ваше имя.

Ферне, 18-го октября (1775 г.).

Государыня, четыре года сряду я удивлялся и восхищался вашими побѣдами, теперь-же, точно также восхищаюсь и удивляюсь вашимъ праздникамъ. Мнѣ чрезвычайно трудно понять, какимъ образомъ Ваше Императорское Величество приказало Черному морю перенестись въ равнину близъ Москвы. Я вижу корабли на этомъ морѣ, города по его берегамъ, мачты съ призами для многочисленнаго народа, фейерверки и всевозможныя чудеса оперы.

Я зналъ, что очень великая Екатерина II-я была первою особою во всемъ мірѣ; но я не зналъ, что она волшебница.

Такъ какъ у нея столько власти надъ всѣми стихіями, то что бы ей стоило послать мнѣ стрѣлу Абариса или колесницу старичка Или, чтобы я могъ быть свѣдѣтелемъ всего вашего величія и всѣхъ вашихъ удовольствій.

У насъ думаютъ, что все это сонъ. Я-бы засвидѣтельствовалъ, что все это дѣйствительность; я сказала-бы своимъ маленькимъ соотечественникамъ, представляющимъ все понимающими: «Господа, праздники на Черномъ морѣ еще ничего не значатъ въ сравненіи съ пріютами для сиротъ и съ образовательными заведеніями; праздники проходятъ въ одинъ день, но эти дома стоятъ цѣлыя столѣтія».

Бросаюсь къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества, чтобы всепокорнѣйше просить у нея прощенья въ

томъ, что я осмѣлился беспокоить ее всею своею несчастною докучливостью.

Прошу прощенія, что допустилъ отправку картины Лионскаго художника.

Прошу прощенія, что говорилъ о кадиксскомъ вице-консулѣ, Видаллинѣ и другомъ, представляющемъ для исполненія высшей должности вице-консула.

Прошу прощенія за предложеніе другой должности консула въ Марселѣ.

Мнѣ стыдно сказать, что представляется еще другой консулъ въ Лионѣ.

Римская имперія давала только двухъ консуловъ за разъ: но всѣ хотять быть русскими консулами. Всѣ приходяшіе ко мнѣ и видящіе вашъ портретъ начинаютъ восхищаться. Будто я имѣю большой кредитъ при вашемъ дворѣ. Они мнѣ говорятъ: «Сдѣлайте насъ консулами этой имперіи, которая-бы должна быть владычицей всего земнаго шара, но владѣетъ только чуть не его четвертью». И старались сдержать ихъ честолюбіе.

И желаю лучше, если сдержу свою болтовню. Чувствую, что надоѣдаю завоевательницѣ, законодательницѣ, благотѣльницѣ: мнѣ позволено ее обожать, но не позволено до такой степени надоѣдать ей. Надо положить предѣлы моему пылу и моей смѣлости, надо, противъ воли, ограничить себя однимъ глубокимъ почтеніемъ.

Екатерина Вольтеру.

Царское Село, 14-го—25-го іюня (1776 г.)

Милостивый государь, чѣмъ болѣе живешь на свѣтѣ, тѣмъ болѣе привыкаешь видѣть, какъ счастливыя событія уступаютъ мѣсто печальнымъ зрѣлищамъ, а за этимъ, въ свою очередь, слѣдуютъ удивительныя сцены. Потери, о которыхъ вы говорите, глубоко меня тронули всѣми несчастными обстоятельствами, которыя ихъ сопровождали, тѣмъ болѣе, что человѣческая помощь не могла ни этого предвидѣть, ни ихъ предупредить, ни спасти обоихъ, или,

покрайней мѣрѣ, хоть одного. Участіе, принимаемое вами въ этомъ, служить мнѣ новымъ доказательствомъ чувствъ, которыя вы всегда выказывали мнѣ, и за которыя я вамъ чрезвычайно обязана. Теперь мы очень заняты исправленіемъ нашихъ потерь: Законы, которыхъ вы у меня просите, переведены и напечатаны только по-нѣмецки; нѣтъ ничего труднѣе, какъ достать хорошій французскій переводъ чего-бы то ни было, написаннаго по русски; этотъ языкъ такъ богатъ, энергиченъ, и терпитъ такую разнообразную перестановку словъ и выраженій, что можно имъ управлять какъ угодно; вашъ-же такъ мудръ и бѣдѣнъ, что надо быть только вами, чтобы справиться съ нимъ и такъ имъ управлять, какъ это дѣлаете вы.

Какъ только получу сносный переводъ, такъ пошлю вамъ; но заранѣе васъ предупреждаю, что это трудъ весьма сухой, и скучный и что кто будетъ искать въ немъ чего-нибудь кромѣ порядка и здраваго смысла, сильно разочаруется. Во всемъ этомъ ворохѣ нѣтъ, конечно, ни ума, ни генія, но только много полезнаго.

Прощайте, милостивый государь; будьте здоровы и вѣрьте, что ничто въ свѣтѣ не можетъ измѣнить моего мнѣнія о васъ.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

24-го января (1777).

Государыня, вашъ подданный, полу-швейцарецъ, полу-галлъ, называемый Вольтеромъ, чуть не умеръ нѣсколько дней тому назадъ: католическій, апостольскій, римскій, т. е. всемірный его духовникъ, римскій гонецъ, пришелъ приготовить меня къ путешествію; больной сказалъ ему: «Святой отецъ, Богъ навѣрно отправитъ меня въ адъ.—Это отчего, старый дружище?—сказалъ мнѣ священникъ.—Увы! отвѣчалъ я, оттого, что меня упрекали въ неблагодарности относительно Его. Я былъ осыпанъ благодѣяніями одной автократки, одной изъ лучшихъ его образовъ въ этомъ мірѣ, и я не писалъ ей болѣе года.—

Что такое автократка?—сказалъ мнѣ мой глупецъ.—Тѣфу, пропасть! воскликнулъ я, да это императрица, Вы великій невѣжда; а эта императрица разсыпаетъ добро отъ Камчатки до Африки.—О! если это такъ, возразилъ патьеръ, то вы хорошо поступили, она не можетъ терять времени. Не надо надоѣдать автократкѣ — императрицѣ благодѣтельница, занятой съ утра до вечера то пораженіемъ турокъ, то миромъ съ ними, или покрытіемъ кораблями Чернаго моря, и которая забавляется тѣмъ, что заставляетъ процвѣтать тысячу сто тысячъ квадратныхъ лье. Идите, идите, вамъ отпускаются ваши грѣхи».

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 28-го января—8-го февраля (1777 г.)

Милостивый государь, я прочла эту зиму два только-что сдѣланныхъ русскихъ перевода: одинъ Тасса, другой Гомера. Говорятъ, что они очень хороши; но каюсь, что ваше письмо отъ 24-го января, только-что мною полученное, доставило мнѣ больше удовольствія, чѣмъ Тассъ и Гомеръ. Его веселость и живость заставляютъ надѣяться, что ваша болѣзнь не будетъ имѣть никакого послѣдствія и что вы легко переживете далеко за сто лѣтъ.

Ваша память столько-же для меня лестна, какъ и пріятна; мои чувства къ вамъ остаются неизмѣнными.

Петербургъ, 20-го сентября—1-го октября (1777 г.)

Милостивый государь, чтобы отвѣтить на ваши письма, надо прежде всего сказать вамъ, что если вы довольны княземъ Юсуповымъ, то онъ совершенно восхищенъ пріемомъ, которымъ вы его удостоили, и всѣмъ, что вы говорили въ то время, когда онъ имѣлъ удовольствіе провести у васъ..

Во-вторыхъ, я не могу вамъ послать свода нашихъ законовъ, потому что его еще нѣтъ. Въ 1775 г., я велѣла

напечатать одни постановления для управления провинціями: они переведены только на нѣмецкій языкъ. Статья, стоящая вначалѣ, объясняетъ причину подобнаго распоряженія; ее цѣнятъ благодаря точности описанія историческихъ событій различныхъ эпохъ. Не думаю, чтобы эти постановления могли послужить Тринадцати Кантонамъ: посылаю экземпляръ только для библиотеки замка Фернэ.

Наше законодательное зданіе возвышается мало-помалу; основаніемъ для него служитъ Наказъ: я его послала вамъ десять лѣтъ тому назадъ. Вы увидите, что законы не противорѣчатъ принципамъ, но истекаютъ изъ нихъ; вскорѣ за ними послѣдуютъ узаконенія финансовыя, коммерческія, полицейскія и т. д., которыми уже два года какъ мы занимаемся; послѣ чего, сводъ будетъ весьма легко редактировать.

Вотъ что я думаю относительно уголовныхъ законовъ. Преступленія не могутъ быть очень многочисленны: но мнѣ кажется, что соразмѣрить наказанія съ преступленіями требуетъ особаго труда и много размысленій. Я думаю, что родъ и сила уликъ могли бы быть доведены до особой формы вопросовъ, очень методической, очень простой, изъ которой-бы выяснялся самый фактъ. Я убѣждена и такъ и установила, что самая лучшая уголовная процедура и самая простая та, которая заставляетъ проходить этого рода дѣла черезъ три инстанціи, въ определенное время, безъ чего личная безопасность обвиняемыхъ можетъ подвергаться произволу страстей, невѣжества, невольной глупости и увлеченія.

Вотъ предосторожности, которыя, пожалуй, не понравятся святому судилищу; но разумъ имѣетъ свои права, противъ которыхъ глупость и предразсудки рано или поздно должны разбиться.

Льшу себя надеждой, что Бернское общество *) одоб-

*) Экономическое бернское общество предложило премію по вопросу преступленій и наказаній.

рять мой способ мнѣнія. Будьте увѣрены, что мое мнѣ-
ніе о васъ не подвержено никакимъ измѣненіямъ.

Екатерина.

Забыла вамъ сказать, что двухъ-годовой опытъ насъ
убѣждаетъ, что суды, устроенные по моимъ правиламъ,
дѣлаются могилою крючкотворства.

Петербургъ, 23-го ноября—4-го декабря (1777 г.)

Милостивый государь, я получила три печатныхъ ли-
ста, приложенныхъ къ вашему письму, отъ 28-го октября.
То, что вы предлагаете, достойно васъ: желательно, чтобы
оно вполнѣ осуществилось. Инквизиція, какъ государ-
ственная, такъ и церковная, не имѣла-бы нужды въ боль-
шой грудѣ правилъ и формъ, если-бы государи были
образованы и развиты. Съ большимъ нетерпѣніемъ жду
полныхъ экземпляровъ, которые вы обѣщаете мнѣ: при-
наюсь, что лично вами написанные будутъ для меня осо-
бенно дороги: съ ними я отдохну отъ нѣкоторыхъ узаконеній
по финансамъ, основаніе которыхъ выходитъ изъ
словъ: Жить и позволять писать. Надъ ними ра-
ботають уже два года и я не вижу конца.

Прощайте, будьте здоровы и вспоминайте иногда обо
мнѣ.

Г. Шуваловъ воротился въ большемъ отъ васъ восхи-
щеніи, чѣмъ когда-либо.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ, 5-го декабря (1777 г.)

Государыня, я получилъ вчера одинъ изъ залоговъ
вашего безсмертія, сводъ вашихъ законовъ по нѣмецки,
которымъ Ваше Императорское Величество удостоило на-
градить меня. Съ сегодняшняго-же утра, я перевожу его
на языкъ кельтовъ; онъ будетъ переведенъ и по китайски
и на всѣ языки: онъ сдѣлается всемірнымъ евангеліемъ.

Я былъ совершенно правъ, говоря тринадцать лѣтъ
тому назадъ, что все намъ придетъ отъ Сѣверной Звѣзды.

Вольтеръ.

16

Недѣли двѣ тому назадъ, я осмѣлился послать Вашему Величеству, черезъ нѣмецкія почтовые повозки, le Prix de la justice et de l'humanité. Это маленькій колокольный звонъ, объявляющій ваши благодѣянія человѣчеству. Насъ двое членовъ Бернскаго общества, которые дали каждый по пятидесяти гуиндоровъ для конкурента, который напишетъ уголовный сводъ, наиболее подходящій къ вашимъ законамъ и наиболее подходящій къ нашей странѣ.

Я желалъ бы, чтобы предложили премію тому, кто нашлетъ-бы самый скорый и самый вѣрный способъ прогнать турокъ туда, откуда они пришли; но все еще думаю, что этотъ секретъ извѣстенъ только первой особѣ во всемъ человѣческомъ родѣ, по имени Екатерина II. Простираюсь къ ея ногамъ и кричу въ своей агоніи: Аллахъ! Аллахъ! Екатерина gésoulallah.

Объявленіе о продолженіи въ 1882 году изданія сборниковъ романовъ, путешествій и разсказовъ подъ названіемъ:

„ИЗУМРУДЪ“

Подписная цѣна за годовое изданіе «Изумруда», состоящее изъ 6 книгъ большаго формата безъ дост. 5 р., съ дост. 5 р. 50 к., а съ пересылк. 6 р. Подписка принимается только годовая.

Всѣмъ подписчикамъ, какъ московскимъ, такъ и иногороднымъ будетъ выдано въ концѣ года **БЕЗПЛАТНО** два хорошихъ приложенія.

Въ редакціи имѣются десять отдѣльно изданныхъ большихъ романовъ:

1. Тайна Индійскихъ офицеровъ—М. Брэддонъ. 2. Въ странѣ лавровъ и розъ. 3. Король Англо-Сансовъ — въ 12 частяхъ съ примѣчаніями — Э. Бульвера. 4. Подъ бичемъ чумной заразы—М. Лафонъ. 5. Назнь Королевы Анны—М. Кроунъ. 6. Внучка Людовика XIV — автора Луизы д'Аварэ. 7. Книгиня Кастель-Франко—въ 2 частяхъ. 8. Братубійца—Э. Берта. 9. Драма въ улицѣ Страндъ — въ 5 частяхъ и 10. Фаворитъ Христіана VII—изъ датской исторіи (1769 — 1772 г.).

ВСѢ ПОИМЕНОВАННЫЕ РОМАНЫ, заключающіе въ себѣ почти **ДВѢ СЪ ПОЛОВИНОЙ ТЫСЯЧИ СТРАНИЦЪ** большаго формата, отпечатанныхъ уборымъ шрифтомъ, стоятъ въ продажѣ **16 руб. 75 коп.**, но для подписчиковъ на Изумрудъ 1882 г. высылающихъ слѣдующія за нихъ деньги одновременно съ подписною суммою, редакція согласна уступить ихъ всего только за **9 руб.** (то есть за сборникъ и за отдѣльные романы надо высылать деньги въ количествѣ 15 рублей).

Адресоваться надо такъ: въ г. Москву, Газетный переулокъ, домъ Цыплакова, издателю сборника Изумрудъ Михаилу Николаевичу Воронову.

Редакторъ-Издатель **Михаилъ Вороновъ.**

ПОДПИСКА
 НА
 ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ
„НОВОСТИ“
 И
„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“

принимается въ конторѣ и въ книжномъ магазинѣ газеты
„НОВОСТИ“ (С.-Петербургъ, Невскій, домъ № 44,
 противъ Гостиннаго двора).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Петербургѣ:			Въ другихъ городахъ:			За границею:		
На	Р.	К.	На	Р.	К.	На	Р.	К.
12 мѣс.	8	—	12 мѣс.	9	—	12 мѣс.	17	—
" 11 "	7	50	" 11 "	8	25	" 6 "	9	—
" 10 "	7	—	" 10 "	7	50	" 3 "	5	—
" 9 "	6	50	" 9 "	7	—	" 1 "	2	—
" 8 "	6	—	" 8 "	6	75	На другіе сроки подписка не принима- ется.		
" 7 "	5	50	" 7 "	5	50			
" 6 "	5	—	" 6 "	5	—			
" 5 "	4	50	" 5 "	4	50			
" 4 "	3	80	" 4 "	4	—			
" 3 "	3	—	" 3 "	3	—			
" 2 "	2	—	" 2 "	2	—			
" 1 "	1	—	" 1 "	1	—			

Объявленія:

На послѣдней стран. 10 к., на 1-й 20 к. за строку петиго.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ГАЗЕТЫ

„НОВОСТИ“

продаются всѣ книги, когда-либо и кѣмъ-либо изданныя.
 Подписчики на газету **„НОВОСТИ“** пользуются уступкою
 20% съ цѣны книгъ, публикуемыхъ въ газетѣ **„НОВОСТИ“**.

ронъ, Шеридагъ, Эразмъ, и многіе другіе. Каждое произведеніе будетъ сопровождаться обстоятельной біографической статьей, съ объясненіями, и комментаріями. По мѣрѣ возможности, издатель будетъ прилагать также и портреты писателей.

Библіотека издается выпусками, не менѣ десяти листовъ каждый. Въ теченіе года будетъ выходить десять выпусковъ, которые составятъ два громадныхъ тома. Цѣна каждого выпуска 75 к., или каждого тома 3 р. 75 к. Подписчики газеты «Новости» и журналовъ «Всесірная Иллюстрація» и «Огонекъ» пользуются скидкой 15 к. съ каждого выпуска, т. е. платятъ 60 к. за выпускъ, или 3 р. за томъ.

Лица, желающія внести за оба тома (10 выпусковъ) деньги впередъ, платятъ всего 5 р. за оба тома, съ до-
ставкою 5 р. 50 к., и съ пересылкою 6 руб.

Лица, желающія воспользоваться уступкою и внести деньги впередъ, благоволятъ обращаться къ издателю, *Владиміру Викторовичу Чуйко, Петербургъ, площадь Александринскаго театра, домъ № 7, кв. 22.*

Въ вышедшихъ выпускахъ «Библиотеки Европейскихъ писателей и мыслителей» помѣщены:

Въ первомъ — **Свифтъ**: Памфлеты.

Во второмъ — **Бокаччо**: Новеллы изъ «Декамерона».

Въ третьемъ — **Ренанъ**: Историческіе этюды.

Въ четвертомъ: **Вольтеръ и Екатерина II-я**.
Переписка Вольтера съ императрицею Екатериною.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Пятый выпускъ — **Ж. Ж. Руссо**: «Общественный договоръ».

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Шестой выпускъ — **Лассаль**: Литературныя и философскія этюды.

Для слѣдующихъ выпусковъ готовятся:

Кондорсэ (жизнь Вольтера), **Сервантесъ** (Новеллы) **Петропій** (Сатириконтъ).

 Лица, не внесшія до сихъ поръ полностью подписной суммы, приглашаются выслать слѣдующія деньги въ возможно скоромъ времени; въ противномъ случаѣ, дальнѣйшая высылка «Библиотеки» будетъ прекращена.

Въ отдельной продажѣ цѣна IV выпуска (Вольтеръ) 1 руб.

**RETURN TO: CIRCULATION DEPARTMENT
198 Main Stacks**

LOAN PERIOD	1	2	3
Home Use			
	4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS.

Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
Books may be renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW.

DEC 15 2000

JUL 24 2002

FORM NO. DD6
50M

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
Berkeley, California 94720-6000